НАШИ • ТАМ
ВЛАДИМИР
ПОДГАЛЬСКИЙ
АГАРТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Волшебный мир Пятого измерения – Агарта, не часто открывает врата для новых жителей. Таким счастливчиком оказался следователь Никита Огарков, погибший при выполнении служебного задания. Окончив «Школу совместного общежития и творчества различных миров и царств планеты Земля», он отправляется в параллельный мир Земли с целью найти «Книгу жизни и смерти». Бесценный артефакт, много веков хранимый в тибетском монастыре, исчез после посещения эсэсовцами. Для выполнения задания Никита отправляется в 1939 год и вселяется в тело курсанта Саратовского пограничного училища.

- Владимир Подгальский
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Эпилог

Владимир Подгальский
Агарта

© Подгальский В.В., 2020
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020
© «Центрполиграф», 2020

* * *

Пролог

Тибет. Монастырь в окрестностях Кайласа.

Лето 1939 года в Тибете выдалось холодным. Настоятель монастыря Лобсанг Норбу, одетый в теплую одежду бордового цвета, перебирая четки из сандалового дерева, наблюдал из окна за своими монахами. Монахи, с тревожными лицами, хаотично бегали, и от них то и дело доносились фразы: «Это нужно спрятать. Беги быстрее и прячь ее».

В двери настоятельской кельи постучали.

– Входи! – пригласил он хранителя библиотеки, узнав его по характерному шарканью и одышке.

– Вызывал? – спросил пожилой хранитель, подойдя к столу.

– Возьми ее и хорошенько спрячь! – Настоятель завернул книгу, сделанную из стопки длинных полос кожи, в плотную ткань шафранового цвета и передал ее хранителю.

Хранитель двумя руками взял книгу и спустился в тайное подземелье, о котором знало всего несколько человек. Отодвинув отшлифованный камень от стены, он спрятал книгу в небольшую нишу. Тщательно убрав за собой следы, поднялся на поверхность. Во дворе монастыря он увидел группу вооруженных людей, одетых в военную форму. Они были европейцами, но не англичанами. Те уже давно обосновались в соседней Индии и были хорошо известны настоятелю.

Офицер, одетый в черную форму, подошел к настоятелю и стал ему что-то говорить. Переводчик из тибетцев принялся быстро переводить:

– Мы пришли с миром. Нам нужна «Книга жизни и смерти», а также человек, который ее переведет.

– Книга, о которой вы говорите, является священной для нашего народа и не может быть выдана в чужие руки, – вежливо ответил настоятель. – Могу ли я вам еще чем-нибудь помочь?

– Можете! Нам нужен проводник, который приведет нас к Агарте. От надежных людей мне точно известно, что проход в эту «подземную страну» находится где-то в окрестностях Кайласа. Мы имеем сообщение к руководителям этой страны от нашего фюрера – Адольфа Гитлера.

– Не знаю, с кем вы говорили, но ваши «надежные люди» понятия не имеют, что это за страна, – снисходительно улыбнулся настоятель.

– Не просветит ли уважаемый настоятель невежественных европейцев? – сквозь зубы проговорил офицер. Гауптштурмфюрер СС Бруно Бергер был ведущим антропологом в «Аненербе». За его

работами следил сам Гиммлер. В Тибете он искал признаки нордических рас у местных жителей, сделав антропологические измерения трехсот тибетцев и бесчисленные гипсовые слепки с их черепов. Пока все его исследования подтверждали, что тибетцев нельзя отнести к арийским народам. Недавно из Берлина пришел приказ о прекращении экспедиции. Европа была на пороге большой войны, и им нужно было успеть вернуться. Напоследок он, не получив разрешения у руководителя экспедиции – Эрнеста Шеффера, с которым у него не сложились отношения, решил самостоятельно узнать о тайнах, которые охранял этот древний монастырь.

– Об Агарте могу сказать лишь одно – это «священное место, куда дойдет лишь тот, кто позван». На этом закончим!

– Мы закончим тогда, когда я скажу! – мрачно ответил покрасневший от унижения Бергер. Эти «желтолицые обезьяны» за год с лишним, который он провел в этой горной стране, стали его сильно раздражать. – Собрать всех монахов во дворе!

Солдаты быстро согнали монахов и выстроили их в шеренгу.

– Кто знает, где находится «Книга жизни и смерти»? – громко спросил Бергер.

Некоторое время никто не отвечал, но один из молодых монахов взглядом указал на хранителя библиотеки. Его вывели из строя и приказали принести книгу, иначе расстреляют всех остальных. Хранитель растерялся и стал пристально смотреть в глаза каждому монаху. Многие из них владели телепатией. Монахи сообщили, чтобы он этого не делал. Они готовы к смерти. Тогда эсэсовцы одного за другим стали расстреливать монахов.

Когда в живых остался только настоятель, Бергер уставился взглядом удава в хранителя и сказал:

– Сейчас я на твоих глазах буду пытать твоего настоятеля. Если ты выдашь мне книгу, то я оставлю вас в живых.

Настоятель приставил свою правую ладонь к сердцу и замертво упал на землю.

– Мертв! – пощупав его пульс, констатировал медик.

– Сюда поднимается караван! – закричал дозорный. – Довольно большой. Будут примерно через час.

– Бросьте убитых в ту деревянную постройку и сожгите монастырь. Хранителя берем с собой. Уходим в сторону Индии, – приказал Бергер.

Через полчаса на фоне вечернего неба ярко пылал монастырь, в котором не прекращались службы почти полтысячи лет.

Глава 1

Никита Огарков вышел из гостиницы и бросил портфель с ноутбуком на заднее сиденье своего нового «форда». Командировка в город Котлас, длившаяся почти две недели, завершилась. Предстоял долгий путь домой в Архангельск.

Три недели назад начальник поручил ему разобраться с заявлениями жителей нескольких деревень – потомков староверов, которые жаловались на то, что рыба, выловленная в реке Северная Двина, на берегу которой они проживали уже много столетий, оказалась отравленной.

Огарков, как старший помощник прокурора Архангельской межрайонной природоохранной прокуратуры, отправился вместе с криминалистами на место происшествия, чтобы собрать пробы из реки и колодцев. Он знал, что утилизация промышленных отходов – дело дорогостоящее и некоторые предприятия ради экономии сливают их в реку. Экспертиза показала значительное превышение предельно допустимых концентраций вредных веществ в пробах, характерных для отходов целлюлозно-бумажного комбината.

Для продолжения расследования Огарков выехал в город Котлас, где располагался комбинат. Однако его директор уже при первой встрече предложил ему «замять дело» и на листке бумаги, лежащем на столе, синим фломастером написал довольно большую сумму в долларах. А также мимоходом намекнул, что владельцу завода, который баллотировался на пост губернатора области, скандал сейчас не нужен.

Никиту всегда возмущали хозяева жизни, которые ради своей выгоды оставляли за собой «выжженную пустыню». К тому же в данном случае речь шла о любимой реке, на которой прошло его детство. Поэтому он четко дал понять, что доведет дело до конца.

– Смотри, прокурор! Тебе жить! – прозвучало ему в спину, когда он выходил из кабинета.

Возвращался в Архангельск Огарков по трассе М8 в хорошем настроении, любуясь осенними видами Северной Двины. Иногда он останавливал машину, чтобы сделать несколько фотоснимков. На душе было спокойно, так как все документы он отправил с помощником, незаметно уехавшим на рейсовом автобусе.

Неожиданно раздались автомобильные гудки. В зеркале заднего вида Никита увидел черный «гелендваген», пытавшийся обогнать его автомобиль. В следующий момент «гелендваген» поравнялся с ним, а затем резко ударил в водительскую дверь.

Машина Огаркова кувырком полетела с крутого склона прямо в реку. Глубокий омут, высверленный водоворотами, характерными для этого участка реки, принял в себя очередного пленника.

Огарков не сразу понял, что произошло. Он еще долго боролся, пытаясь выбраться из машины, которая быстро наполнялась водой. Его силы постепенно таяли, и он начал молиться, призывая на помощь Высшие силы. В затухающем сознании неожиданно проявился образ матери, а затем образ богини Агидель из легенды, рассказанной ему в детстве.

По легенде, славянская богиня Агидель являлась внучкой бога Сварога. Только ей было подвластно однажды освободить Землю от губительного дыхания Аспида, что из хаоса в Мир пришел. Ее отвага стоила ей жизни. После гибели она перевоплотилась в реку, которую назвали Северная Двина. Почему-то эта легенда с детства волновала Никиту. Он даже сделал татуировку с символом этой богини на руке.

Неожиданно от Агидель к Никите протянулся луч света. Страх исчез. Невероятное облегчение, невесомость и полет наполнили его, а через мгновение он оказался в теплой, защищенной сфере золотистого света и услышал тихий нежный голос:

– Успокойся! Ты уже в другом измерении. Приготовься к перемещению в пространство Агарты.

«Полет» длился достаточно долго и вдруг закончился яркой вспышкой света.

– Добро пожаловать в Агарту! – услышал он вновь тихий голос Агидель.

Мир, в котором он оказался, был наполнен розовато-золотистым светом. Звучала нежная музыка. От огромного количества тепла, радости и любви замирал дух.

Оглянувшись, Никита увидел рядом юношу с очень добрыми и не по возрасту мудрыми глазами. Его лицо сразу располагало к себе. На голове у него не было волос, но лысина не портила внешний вид. Одет он был в белый комбинезон. На рукаве выделялся шеврон с изображением феникса.

– Здравствуй, Никита. Меня зовут Талвис. Волею богини Агидель ты находишься в Реабилитационном центре «Феникс». Тут люди возрождаются как птица феникс из пепла. Наш центр – часть большого мира, куда приходят души после жизни в вашем мире. Здесь ты полностью восстановишься, обретешь новые тела для новой жизни. Получишь новые знания, а затем сделаешь выбор дальнейшей жизни. На время реабилитации я назначен твоим персональным инструктором.

– Очень приятно! – немного ошарашенно ответил Никита.

Чудеса, нахлынувшие на него за это время, вызывали растерянность и недоумение, но он решил довериться Талвису, вид которого вызывал у него симпатию. – Что я должен делать?

– Ты находишься в Пятом измерении. Оно имеет множество подуровней. Для удобства они обозначаются в цифровом значении от 5,001 до 5,999. На начальных подуровнях Пятого измерения физическая материя продолжает оставаться основной, доминирующей. Поэтому для того, чтобы жить и перемещаться по ним, первым делом нужно создать тонкоматериальное физическое тело.

– Наверное, это сложно? – обеспокоенно спросил Никита.

– Не волнуйся! Создание новых тел – процесс давно отработанный. А сейчас давай пройдем в научный отдел.

В научном отделе Никиту погрузили в реабилитационный сон – своего рода медитацию. Перед этим специалисты по созданию тел выяснили его пожелания о том, как бы он хотел выглядеть, когда проснется для новой жизни. Огарков не захотел быть оригинальным, пожелав, как и многие до него, стать молодым, высоким, спортивным брюнетом с прекрасной шевелюрой, орлиным зрением и отличным здоровьем. Впрочем, пожелание здоровья можно было не высказывать, поскольку полное восстановление здоровья – это обязательный процесс в РЦ, а специальные гены не дают телу состариться.

Процесс создания тонкоматериального тела занял несколько дней. Когда открыл глаза, Никита увидел, что находится в какой-то большой овальной капсуле, созданной из прозрачного материала. Некоторое время он парил в ней, как космонавт в невесомости. Через несколько минут верх и низ капсулы стали двигаться, и она раскрылась.

Его тело воспарило над капсулой, и Никита, оглядевшись вокруг, замер от восхищения. То, что его окружало, было похоже на сказочный фильм. В огромном помещении располагались разноцветные шары, пирамиды и более сложные фигуры, о предназначении которых он не имел ни малейшего понятия. Необыкновенные растения и цветы распространяли изумительный аромат. Среди них, нежно журча, бежал прозрачный ручеек.

В зал вошел Талвис. Внимательно посмотрел на шкалу показаний и затем перевел взгляд на Никиту:

– Проснулся? Ну, как себя чувствуешь в новом теле?

– Великолепно! – ответил Никита.

– Значит, начнем учиться передвигаться. А передвигаться ты будешь с помощью мысли. Видишь, вдали находится кедровая роща. Постарайся переместиться туда.

Никита направил взгляд на самый высокий кедр и через мгновение оказался рядом с ним. Не поверив своим глазам, дотронулся до ствола. Новый способ передвижения удивил и захватил его. И он стал с удовольствием применять его вновь и вновь, обследуя окружающую территорию.

– А теперь вернись ко мне, – услышал он зов Талвиса.

Никита приблизился к нему.

– Молодец! Быстро схватываешь! Привыкай! В Пятом измерении передвижение происходит несколькими способами: ходьба, левитация, телепортация и порталы. Ты должен научиться владеть ими всеми.

Только сейчас Никита осознал, что завис в воздухе и не может дотронуться до земли ногами.

– Сделай усилие и коснись ногами пола.

Никита попытался опуститься на пол, но это ему не удалось.

– В чем дело? – удивленно посмотрел Огарков на Талвиса.

– Мы не на Земле, – улыбнулся инструктор. – Наш РЦ находится на расстоянии трехсот километров от плотной Земли четвертого измерения. В твоем сознании зафиксированы параметры прежней гравитации. По старой привычке ты предполагаешь, что Земля притянет твое тело. Вот только в Пятом измерении мир устроен иначе. Ты должен не только сам притягиваться к земле, но и мысленно притягивать ее к своему телу. Притяжение работает как снизу, так и сверху. Мысленно притяни землю к своим ногам.

После нескольких безуспешных попыток Никита справился с этим заданием. Его ноги коснулись земли. Он стал медленно передвигаться. Это было не просто. Главная трудность заключалась в том, что тело постоянно хотело взлететь вверх.

«А зачем ходить, если можно летать? Ведь это быстрее и приятнее!» – подумал Никита.

– Есть много мест, где без ходьбы не обойтись. Мускулы ног и рук будут необходимы для работы, – ответил на его мысль Талвис.

Никита облегченно вздохнул. Ему удалось овладеть своим новым телом. Оно ему подчинилось!

– А теперь внимательно рассмотри себя.

С изумлением Никита увидел, что его тело стало выше и стройнее. Захотелось увидеть свое лицо.

– Зеркал здесь нет! Однако ты можешь увидеть себя иным способом, – прочитал его мысль Талвис.

После нескольких часов тренировок Никита научился видеть себя со стороны. Секрет заключался в том, что не надо было ассоциировать зрение с глазами и головой.

Пришлось признать, что инженеры Агарты, занимавшиеся его телом, постарались на славу. Высокий, изящный мужчина с симметричными чертами лица.

Глава 2

После того как Огарков научился передвигаться и делать простейшие вещи с помощью мысли, его перевели в «Зону комфорта». Здесь проводились семинары о жизни в стране Агарта для прибывающих из иных миров. Рассказывалось о жителях, условиях жизни, возможностях, которые могут быть предоставлены новичкам для комфортного проживания в городах Агарты.

В первый день Никита попал на ознакомительное занятие, на которое пришло пять человек – трое мужчин и две женщины. Светловолосый голубоглазый мужчина в униформе РЦ собрал их в кедровой роще.

– Приветствую новых жителей Агарты! – доброжелательно улыбаясь, произнес он. – Мое имя Велимир. На Земле с давних времен вокруг Агарты возникло множество гипотез, догадок, предположений, и иногда ее называют «подземной страной». Это не совсем так. На самом деле мы обитаем в параллельном мире, отделенном от Земли невидимой энергетической стеной, вибрации которой на порядок выше, чем вибрации землян.

– Мне хотелось бы услышать побольше о вибрациях, – сказала милая девушка с короткой стрижкой.

– Вибрации – это форма существовании материи как энергоинформационной волны. Вся материя вибрирует на частоте той или иной волны. Чем более человек духовно развивается, тем выше частота вибраций его материи. Вся материя Земли вибрирует на разных частотах. Например: мир, из которого вы пришли, вибрирует на частоте 4,317. А место, в котором расположен наш РЦ, находится на подуровне 5,001. Я ответил на ваш вопрос? – посмотрел на девушку Велимир.

– Благодарю, – ответила она.

– Агарта многомерна, – продолжил Велимир. – Ее жители живут в Пятом, Шестом, Седьмом и Восьмом измерениях. Поэтому у нас есть большие возможности для духовного роста. Таким образом, процесс эволюции сознания в Агарте продолжается, и он находит поддержку и одобрение всех Светлых сил, с которыми мы находимся в постоянном контакте.

– Я по происхождению русский и знаю, что мои предки обладали сакральными знаниями. Реализовались ли эти знания в Агарте? – спросил Никита.

– Многие из вас, наверное, знают, что русичи обладали когда-то божественными знаниями, которые были изложены в «Ведах», – ответил Велимир. – Они несли в себе колоссальную

энергетическую и смысловую нагрузку, что отражалось даже в языке. По мере погружения в дуальный мир эти знания были ими утрачены. Вся их жизнь начала строиться уже совсем по другим законам, не имеющим ничего общего с Великими законами мироздания, которые позволяли вашим предкам когда-то жить в гармонии и любви. Но Агарта до сих пор хранит эти бесценные сокровища благодаря тем светлым душам – лучшим представителям русичей, которые перешли сюда после физической смерти, выбрав своей миссией служение человечеству. Они стали добровольными хранителями этих древних знаний и обустроили свою жизнь в соответствии с ними. Выражаясь вашим языком, они организовали свою коммуну – мини-государство русичей, полностью воссоздав жизнь Пятого измерения, которая существовала когда-то на Земле. Им удалось сохранить не только старинные рукописи, книги, язык, а также быт и обычаи древних славян. Но самым ценным является то, что это не застывшее образование – некое театрализованное действие, а живой процесс эволюции, который проходит в параллельном мире. Я бы сказал, что это один из вариантов событий, который пошел не по пути деградации, как это случилось на Земле, а по пути Восхождения в более высокие миры.

– Скажите, а можно ли попасть в город наших предков? – спросил мужчина лет тридцати, с густой черной бородой.

– Города, основанные вашими предками, с названием Светлояр, Звенигород, Китеж, существуют до сих пор, но сейчас они уже интернациональны. А сами предки, в своем большинстве, находятся не в Пятом измерении, с которого они начинали свое восхождение, а в мире седьмой плотности. Это произошло благодаря их неустанному духовному развитию и продвижению к свету. Им, в отличие от вас, были созданы идеальные условия для духовного роста, и они в полной мере воспользовались ими. Ну и конечно, им очень помогло то, что Агарта находится вне досягаемости рептилоидов, низких астральных сущностей и других темных сил, которые утянули человечество вниз. На этом остановимся сегодня.

«Зона комфорта» представляла собой прекрасный парк с коттеджами для временного проживания. Каждый коттедж состоял из нескольких красивых и уютных квартир, напоминающих о прежнем мире. В этом месте у всех было свое пространство комфорта. К каждому гостю прикреплялся учитель-гид, который подробно рассказывал о структуре социальной жизни и устройстве первых городов, где человек планировал

новую жизнь.

В Пятом измерении отсутствовали всяческая агрессия и любые негативные эмоциональные проявления. Это основное, на что настраивалось сознание прибывающих в Агарту через портал перехода. В РЦ помогали обрести гармоничное состояние души и сердца. Остальные различия осознавались постепенно. В прежней жизни Никита был довольно спокойным человеком. Вспышки гнева, которые случались с ним в юности, с возрастом прошли. Сказались занятия йогой и частые выездки на природу. Поэтому пребывание в этом прекрасном месте не затянулось. Совет РЦ определил для него начальный подуровень 5,003 и предложил на выбор семь городов для проживания. После небольшого раздумья он уверенно выбрал город Агидель. Этот город Никита выбрал не только из-за названия. Он напомнил ему один уютный городок, который «запал в душу» в поездке по Австрии. Когда учитель показывал видеограмму города, Никита вначале не ощутил ничего необычного. Его новые глаза еще не привыкли к новому пространству. У новых глаз был другой спектр видения. Только через некоторое время он стал различать непохожесть миров. Увидел, понял и почувствовал массу различий. В первую очередь мягкая, приятная глазу, красочность пространства. Его это особо порадовало, так как он с детства любил все гармоничное и приятное взору.

Никиту поразила необычайная структура города. Расположение улиц шло по пологой спирали вокруг горы, местность постепенно повышалась. На каждом витке – свой красочный мир: парки, водоемы, дома. Вдоль улиц-спиралей – деревья, цветы. Город-парк. Дома – одноэтажные, иногда – двухэтажные. В каждом доме проживало по нескольку человек или одна семья.

Ему очень понравились люди. Они, встречаясь на улицах, улыбались друг другу. Сразу возникала взаимная приязнь, и начинался обмен дружеской энергией. Улыбками встречали и знакомых, и незнакомых людей. Так в городе проходило неощутимое, ненавязчивое обучение жизни в гармоничных энергиях нового пространства. Проживая на Земле, Никита не привык улыбаться. Его работа в прокуратуре и тяжелое экономическое положение горожан не располагали к этому. Чтобы не выделяться, он тоже стал улыбаться при виде людей, и ему это понравилось.

В РЦ Никите объяснили разницу между физическим четырехмерным миром, в котором он жил ранее, и тонкоматериальным пятимерным, в котором оказался. Четвертое измерение основывалось на четырех мерах. Обычно это три меры

пространства (длина, ширина и высота) и мера времени. Время, как правило, линейное, состоящее из прошлого, настоящего и будущего. Пятое измерение – это множество миров, существование которых основывается на пяти мерах. Чаще всего – это три пространственные меры (длина, ширина и высота), одна мера времени и одна мера особого эфира. И вот эта мера особого эфира все меняла.

Воздух здесь был очень вкусный. Дышишь и ешь! Как в предгорье. Иногда он напоминал воздух на крымском побережье, когда раскрываются легкие и ты не можешь надышаться. Только в этом городе примешивалось еще что-то, невыразимо сладостное…

По прошествии некоторого времени и приобретения опыта жизни в новых условиях он понял, что этот таинственный компонент – любовь.

Еще Огаркова поразила вода. Она была здесь совершенно иная. Вода Пятого измерения имела другую консистенцию: она не столь жидкая, ее можно было сравнить с киселем. Этой водой хорошо утолялись голод и жажда. Да, на подуровне 5,003 еще хотелось есть и пить. Но потребность в этом ощущалась по-другому, поскольку у него появилась совсем другая система пищеварения.

В РЦ у любого нового жителя проходит трансформация пищеварительной системы, системы кроветворения и вообще всей функциональной системы человека. С повышением вибрационного уровня тел все кардинально меняется. Питание только живое, растительное – жидкое. Это удобно и для организма великолепно: поддерживается уровень здоровья и молодости, который обеспечили программой РЦ. Вода в этом городе обладала большим спектром целительских свойств. Она хорошо убирала усталость и очищала. Также вода поддерживала кожу и клетки тела молодыми.

Город управлялся общественным Советом по вопросам развития жизни города. Его избирал народный Форум города. Никакой коррупции и личной заинтересованности и в помине не было. На этом уровне Агарты еще существовали магазины, но они отличались от земных принципиально. В них не покупали и не продавали, здесь просто предлагали вещи, необходимые для жизни. Лишнего никто не брал.

Для удовлетворения культурных и духовных потребностей существовали театры и кинотеатры, несколько другие по форме и содержанию, чем на Земле. Особенно Никите понравилось в музеях. Он застрял в них надолго. Музей – это особое пространство, где ты можешь посмотреть то, что твоему сердцу интересно и близко. В Агарте все жители учатся жить сердцем. В

музее была представлена полная история планеты Земля. Причем во всех ее измерениях. Наверное, самое любимое и распространенное хобби жителей – это путешествия по прошлому Земли.

Он почти неделю утолял свою жажду в музее Истории. Осознав, что такая одержимость до добра не доведет, Никита пошел на концерт в зал Музыки, который ему посоветовал музейный гид. Залом Музыки называлось пространство, ограниченное энергосветовыми полями, которые имели много функций. Зрители в зале могли сидеть или стоять, а могли танцевать – как требовала душа в данный момент. Конечно, существовала и сцена для артистов. Когда зал заполнялся мелодией, стены оживали и начинали передавать световую вибрацию музыкальных нот. Во время концерта световые стены зала Музыки излучали волны положительных эмоций. Пересекая стены, они наполняли доброй энергией пространство города. Воздух города был наполнен тихой музыкой. Она никому не мешала, потому что ее слышали только те, кто был созвучен с вибрациями города.

Финансовая система Агарты также поразила Никиту. Деньги здесь отсутствовали. А раз нет денег – нет зависимости одних людей от других. Это было непривычно. На Земле человек чувствовал себя свободным, в большинстве случаев, когда был финансово обеспечен. Здесь же ты был свободен изначально. Люди трудились в радости и для себя, и для других. Можно сказать, что город жил под девизом: от каждого – по труду и мастерству, каждому – по труду и потребностям. Полный взаимообмен энергий труда.

Глава 3

Постепенно Никита привык к пространству города, стал радоваться всему, что его окружало, а также на уровне подсознания научился встречать каждого человека улыбкой. Вскоре его пригласили в центр Подготовки, который находился в другом городе. Все города Агарты были прочно связаны многочисленными порталами. На окраине города, возле горного озера, он нашел двухэтажное здание. С виду здание выглядело небольшим, но внутри поражало своими размерами. С пространством в Пятом измерении можно творить чудеса.

В здании располагалось множество мастерских и большой конференц-зал, в котором разместилось несколько сотен человек, также получивших приглашение. Пробравшись вперед, он устроился в удобном кресле во втором ряду. Через несколько минут, когда все места заполнились, на сцену вышла молодая красивая женщина в белом платье и ажурной шляпке, характерной для XIX века Земли.

– Приветствую вас в центре Подготовки. Меня зовут Роза, и я являюсь руководителем нашего центра, – представилась она. – Вы все пришли в Агарту из разных миров Земли. Довольно успешно прошли подготовку в Реабилитационном центре и прожили некоторое время в одном из городов света, расположенном на нижнем подуровне. Теперь пришло время сделать следующий серьезный шаг. А именно – приобрести профессию. Расскажу немного о себе. После смерти я совершила переход и прошла адаптацию в Реабилитационном центре Пятого измерения. На выходе из него передо мной, как и перед вами, возник вопрос, чем заниматься. В последнем воплощении я была профессиональной революционеркой и больше, наверное, ничего не умела, – улыбнулась Роза. – Поразмыслив немного, я решила оказывать помощь вновь пришедшим в определении их будущей специальности, в выборе профессии. Ведь большинство, как и я когда-то, не могут сразу осознать, к чему у них лежит душа. Наверное, вы уже догадались, что многие профессии, необходимые в мирах, откуда пришли вы, в нашем мире никак не востребованы. Таких профессий много.

– А огласите, пожалуйста, подробный список таких профессий, – раздался голос с заднего ряда.

– Подробно обо всех профессиях не расскажешь. Их очень много. Если будет желание, вам дадут доступ в Галактическую библиотеку. Но сразу предупрежу, что только на изучение списка у вас уйдет огромное количество времени. Впрочем, могу кратко

рассказать, какие профессии у нас не востребованы. В первую очередь это касается пищевой промышленности. У нас, как вы знаете, – пранопитание. Большинство из вас уже способны полностью питаться световой пищей. Поэтому таких профессий, как охотник, животновод, агроном, у нас нет и быть не может.

– А повара нужны? – взволнованно спросила девушка в зеленой тунике.

– Конечно! Это – востребованная специальность. У нас они называются мастера по приготовлению энергетических блюд. Еще у нас нет кассиров, финансистов, юристов и адвокатов.

– А вот это плохо! – тихо произнес сосед Никиты, одетый в белоснежную тогу, как древнеримский патриций.

– Сочувствую, коллега, – повернулся к нему Никита.

– Ничего! Прорвемся! – весело ответил сосед, выглядевший на семнадцать лет. – У меня много талантов. Мое имя Харви! В прошлой жизни – магнат и эксплуататор трудового народа.

Потом Никита узнал, что по линейному времени Харви прожил почти семьдесят лет.

– А я – Никита! В прошлой жизни юрист.

– Поскольку в Пятом измерении очень бережное отношение к земле, то у нас практически отсутствуют профессии, добывающие сырье, – продолжила Роза. – Шахтеры, золотодобытчики, лесорубы, нефтедобытчики тоже не нужны. Мы используем исключительно природные материалы, но только те, что матушка Гайя, так мы называем Землю, отдала добровольно. А она щедро делится с нами. Востребованные профессии: инженер, шофер, программист, врач, библиотекарь, психолог, воспитатель.

– Скажите, а какие виды деятельности есть в Агарте, которых не было и не могло быть в четырехмерных мирах? – спросила любопытная девушка, сидящая в первом ряду.

– Ну, естественно, в нашем мире существует множество профессий, которые для вас покажутся необычными… – Роза на мгновение задумалась. – Например, energia comforto – энергокомфортист.

Народ в зале напрягся, услышав незнакомое слово.

– Объясню. В более высоких тонких мирах, начиная примерно с подуровня 5,370, вибрации всех сущностей находятся примерно на одном уровне. А их световые тела почти одной плотности. Но наш мир Пятого измерения – особый. В него поступают люди не только с разным уровнем духовного развития, но и с разным уровнем вибраций, с разной плотностью тел. Если человек живет один, это никому не доставляет особых проблем. А вот когда создается семья из двух человек или более…

Народ зашумел, и Никита почувствовал энергию любопытства

с легким эротическим подтекстом, распространившуюся по залу. Роза сумела заинтриговать народ.

– Да-да! У нас существуют семьи по интересам. В них может существовать разное количество мужчин и женщин. Об этом вы сможете узнать в центрах планирования семьи. Так вот! В семье из нескольких человек такие факторы, как разная плотность тел и разный уровень вибраций, вызывают дисбаланс в отношениях, даже в быту. Впрочем, не только в семье. Различия мешают и при трудовой деятельности, и при световой работе. И тут на помощь приходит энергоконфортист. Он сглаживает «острые углы» вибрационной несовместимости и делает существование близких людей приятным и комфортным.

Не менее востребована деятельность педагога по работе с духовными инструментами. Безусловно, работать с подобными инструментами может научиться каждый самостоятельно. Вот только таких инструментов – бесчисленное множество. Все вновь прибывшие стремятся как можно быстрее овладеть ими, но далеко не у каждого есть способность подключения к вселенскому сознанию. Поэтому такие специалисты просто завалены работой. – Роза сняла шляпку и поправила белокурые локоны. – Также очень востребованы инструкторы по обучению работе с энергиями и теми возможностями человека, что были заблокированы в Четвертом измерении. Я имею в виду телепатию, телепортацию, ясновидение, яснознание и так далее.

На некоторое время Роза снова задумалась.

– А какие профессии самые важные? – спросил юноша с длинными белыми волосами и ярко-изумрудными глазами, сидящий во втором ряду.

– Одна из самых важных профессий нашего измерения – это создатели новых тел пятимерности. В этой области одиночки не работают. Для создания Комплекса Многомерных Тел используется целая команда, работа каждого человека в которой взаимосвязана. Основная масса людей совершает переход в наш мир без физического тела, оставляя его в четырехмерности. Вот только наше измерение, хотя и пятимерное, но пока довольно плотное, и без тела в нем жить можно, но сложно. А если нет тела – значит, нужно его создать! И это задача не из легких! Во-первых, все хотят быть моложе и краше, чем раньше, но при этом не терять индивидуальности, поэтому многие хотят оставаться похожими на свои прежние физические тела. Процесс довольно трудоемкий. Но когда тело готово, а заказчик доволен, то счастливы все участники. А вот еще одна важная специальность – регулировщик погодных условий. Как вы успели заметить, у нас в Пятом измерении довольно комфортный климат. Нет

разрушительных цунами, торнадо, ураганов. Но остальные явления природы также присутствуют. Духи стихий являются полноправными гражданами Агарты, и мы активно с ними сотрудничаем. Иногда требуется создание специальных погодных условий. Например, во время больших спортивных соревнований или массовой медитации на свежем воздухе. Регулировщик может немного снизить температуру, если стоит жара, чтобы зрителям было комфортней или сделает энергетический навес, чтобы дождь не мешал мероприятию. Не менее интересна и такая профессия, как инструктор по управлению времени.

«Время! Это интересно!» – щелкнуло в мозгу у Никиты, и он стал еще внимательнее прислушиваться к словам Розы.

– В Пятом измерении нет линейного времени. После перехода оно еще сохраняется вашим сознанием как временная мера-предохранитель. Вскоре перешедший человек замечает, что время ваших суток перестает соответствовать его привычным часам. Сутки и часы начинают сжиматься и расширяться. Временные циклы становятся волнообразными и взаимопроникаемыми. Этот процесс будет развиваться до тех пор, пока вы полностью не освободитесь от линейных рамок времени внутри сознания.

Глава 4

Когда лекция закончилась, Никиту вызвали к инструктору. Перед ним появилась уникальная возможность выбора деятельности, открылся «волшебный ларец». В «ларце» были собраны видеограммы в разных воплощениях, в которых он проявлял свои высшие таланты.

После просмотра видеограмм Никита некоторое время находился в шоке. Оказалось, он многое умеет, а главное – может эти умения активировать и вывести на новый уровень мастерства. В разных жизнях он умел петь, рисовать, играть на музыкальных инструментах. Просмотрев все видеограммы, он остановился на жизни, в которой не смог до конца реализовать свой талант. Эта жизнь проходила в одном из миров Земли в период позднего Средневековья. Тогда Никита был часовщиком. Не простым ремесленником, а лучшим мастером своего времени. Он делал большие часы, которые устанавливали на церквях и городских ратушах. Часы были разные: песочные, огневые, солнечные, водяные и, конечно, механические.

Однажды его пригласил архиепископ одного из удельных княжеств и заказал часы, которых не видел мир. Ему дали несколько лет на работу и неограниченный кредит. Через три года часы, состоящие из тридцати тысяч деталей, с музыкой и двигающимися апостолами начали свой ход, привлекая в город множество паломников. Часы настолько понравились архиепископу, что тот приказал ослепить мастера и заточить его в башню. Этот шедевр должен был остаться непревзойденным. Лишенный работы мастер, имевший массу свободного времени, много размышлял о сущности времени, создавая в голове эскизы часов. Но реализоваться в металле им было не суждено. Тем не менее ничего во Вселенной не пропадает просто так. Высшие силы дали ему шанс продвинуться в своем мастерстве.

– Я хочу изучать время! – выдохнув, заявил Никита.

– Хм… – задумался инструктор, внимательно осматривая Никиту. – В принципе это возможно. Темпоральное тело развивается нормально. Через несколько месяцев оно выйдет на свой нормальный режим. Хорошо. Заселяйся в свой домик. Занятия начнутся завтра.

* * *

В свой новый дом Никита переправился с помощью

телепорта. Дом стоял на сваях в десяти метрах от берега. Со всех сторон его окружала вода. В доме было шесть комнат и кухня. Соседа ему подобрал энергоконфортист. Им оказался Харви. Вечером, когда они сидели на веранде, любуясь закатом, он рассказал историю своей прошлой жизни.

– Наш мир чем-то напоминал твой, только соответствовал концу XIX века. Родился я в трущобах, в очень бедной семье. Обладая сильным характером, решил, что пробьюсь на самый верх и никто меня не остановит. К пятидесяти годам, «идя по головам» и не особо оглядываясь на закон, я стал одним из самых богатых людей в стране.

– Интересно, и как с такой биографией ты смог попасть в Агарту? – с удивлением посмотрел Никита на Харви.

– Камила! Так звали мою жену, – подумав, ответил Харви. – Когда мне пошел шестой десяток, я влюбился в дочку моего партнера. Брак оказался счастливым. У нас родилась дочь, которую я обожал. Через пять лет в стране началась эпидемия смертельной болезни, забравшая мою семью. Я впал в депрессию. Жить мне больше было незачем. Перед смертью передал все свое состояние медицинскому институту. Они обязались создать вакцины от неизлечимых болезней.

Никита налил из графина яблочного сока и передал ушедшему в воспоминания Харви.

– Спасибо. – Тонизирующий сок оживил Харви. – После смерти я попал в низкочастотный астральный мир второй плотности.

Никита из лекций знал, что вторая плотность – это место, куда попадают души, не сумевшие избавиться от самых низких страстей, но которые хотя бы пытались это сделать. И это их желание позволяло сохранить свои души и продолжить борьбу за них в следующих жизнях. Души, обитающие в этой многомерной плотности, состоящей из множества подуровней, страдают больше всего. Именно ее в некоторых религиях описывают как «чистилище».

– Сколько времени прошло в страданиях, я точно не знал. Ведь время – понятие относительное, – продолжил Харви. – Но однажды пришло избавление. Ученые того института, который я финансировал, создали вакцину, спасшую миллионы жизней моих соотечественников. Энергия благодарности исцелившихся, а также их родственников, перепала не только создателям вакцины и врачам, но и мне. Они даже поставили мне памятник перед институтом, – улыбнулся Харви. – Энергия благодарности людей – мощная штука. Дальнейший мой подъем по измерениям напоминал скоростной лифт. Вскоре мне дали шанс оказаться в

Агарте. В прошлой жизни я построил множество прекрасных дворцов и зданий, поэтому решил развиваться дальше в зодчестве. Такая история.

– А ты узнал о судьбе своей семьи? – спросил Никита. Ему хотелось счастливой развязки для Харви.

– Нет! Они сразу ушли в гармоничные миры, и с тех пор прошло много времени. Возможно, у них уже новые семьи, в которых они счастливы, – вздохнув, ответил Харви.

Как правило, обучение в Агарте происходило в специальных учебных комнатах, где почти останавливалось время. Специально подобранные знания загружались в ментальное тело человека. После их усвоения происходила практика на тренажерах. За один день Никита усваивал столько знаний, сколько он получал за три месяца в земном университете. В первой обзорной лекции он узнал, что существует множество видов материи – физическая, астральная, ментальная, темпоральная, огненная, эфирная. Вместе они образуют Комплекс Многомерных Тел – КМТ человека. Семь основных тел человека: физическое, астральное, ментальное, психическое, темпоральное временно́е, огненное, эфирное – могут создавать другие тела. Например, тело левитации – позволяющее человеку летать…

Учеба продолжалась по линейному времени около полугода. Постепенно Никите помогли понять, что время – это живая энергия, с которой можно общаться. Во времени надо жить осознанно, а не воспринимать его как отвлеченную величину, отсчитывающую продолжительность того или иного процесса. Он научился растягивать время, сжимать его и быть одновременно в нескольких точках событий.

По окончании учебы Никита получил две профессии. Первая – инструктор по управлению временем. Вторая – создатель пространств со сферическим временем. В таких пространствах человек перестает видеть события в планомерном линейном развитии: начало – разворачивание (середина) – завершение (конец). В них он переходит в состояние развертывания многовариантного хода событий. Человек начинает проживать и переживать одно и то же событие в развертывании различных сценариев одновременно. Он видит событие сразу на много ходов вперед и управляет этой событийностью в нужном ему направлении и в нужном приложении. К тому же в таких комнатах или зданиях время можно остановить или сильно замедлить, освобождая его для активной социальной жизни. Как правило, пространства со сферическим временем используются для сна или учебы. Они есть в каждом доме, а большинство

учебных заведений живут полностью по законам сферического времени…

Во время учебы Никита очень сдружился с Харви. Непохожие характеры и различный опыт жизней не помешали их дружбе. Наоборот, они стали дополнять друг друга. Харви получил профессию зодчего, что позволяло ему создавать любые здания. Талант финансиста оказался также востребован в этой профессии. И если в своем прошлом Харви умел быстро считать деньги, то в Пятом измерении было очень важно быстро и точно подсчитывать энергии. Для того чтобы построить в тонких мирах здание, которое будет являться трансформатором окружающих флюидов в суперсильные концентрированные энергии, бухгалтеры должны произвести расчет на основе данных, взятых из разных точек пространств, где это здание предполагается возвести. Для этого им нужно проанализировать, сколько энергии имеется на данный момент у проектировщиков, сколько они готовы потратить и сколько энергии и какого качества имеется в определенной точке пространства. Все это сопоставляется, сводится в единый алгоритм и выбирается наиболее оптимальный вариант. Нужно учитывать, что в Пятом измерении энергии тоже не безграничны, и потому необходимо их экономно использовать. Конечно, эти энергии можно бесконечно расширять и приумножать, изымая прямо из пространства, но в моменте здесь и сейчас они имеют определенные границы и возможности, которые учитывают бухгалтера. Двойной талант в будущем позволил стать Харви востребованным специалистом…

После сдачи экзаменов друзья решили работать вместе по специальности. Им снова предложили на выбор три города на подуровне 5,012. После всестороннего их изучения они остановили свой выбор на городе Ахетатон.

В университете Никита увлекался египтологией. Даже побывал в Ахетатоне – городе, который фараон-реформатор Эхнатон сделал своей резиденцией. Там процветали науки, культура и различные искусства. После смерти Эхнатона город был разрушен и забыт, но боги, покровительствующие Египту, перенесли его в Агарту. Многие египетские ученые и мастера, достигшие вершин в своей профессии, продолжили свою эволюцию после смерти именно в этом городе. Они давно поднялись на более высокие уровни, и теперь Ахетатон стал интернациональным городом. Впрочем, многие атрибуты в виде пирамид, различных стел и сфинксов архитекторы обязательно планировали при расширении города, создавая тем самым определенный колорит.

Город располагался на берегу теплого лазурного моря,

состоявшего из множества небольших островов. Вдоль берега вырастали уютные, невысокие дома, но они идеально вписывались в окружающую природу, являясь ее органичной частью. Дома создавались из мягкого, бархатистого дерева. Деревья, растущие в Ахетатоне, обладали приятными на ощупь стволами. Жители очень любили их обнимать. Дома, с огромными окнами-витринами, окрашивались в светлые тона. Солнце, воздух и ветер спокойно проходили сквозь них, наполняя жилище уникальной энергией, идущей от моря. В городе было очень просторно: дома располагались среди деревьев, цветов, прудов и довольно далеко друг от друга. У Никиты даже создалось впечатление, что каждый дом находится на своем островке, в индивидуальном пространстве.

Разместились друзья в прибрежной гостинице. Окна номеров выходили на большую бухту, в которой находилось много парусных яхт. Цвета и оттенки парусов поражали воображение. Никита, благодаря своему новому зрению, насчитал их полторы сотни, а потом сбился. После устройства в гостинице Никита вместе с Харви отправились в центр города. Там находилось турбюро, с которым они связались ранее, чтобы им предоставили гида.

Перед входом в турбюро Харви стал взволнованно оглядываться вокруг.

– Что случилось? – спросил Никита, увидев беспокойство друга.

– Я что-то чувствую! Интуиция говорит, что скоро со мной произойдет важная встреча. Ты иди, а я осмотрюсь тут.

– Ладно! Оставайся. Я сам схожу, – сказал Огарков. В Центре подготовки их обучали работать с интуицией. Ее ни в коем случае нельзя было игнорировать.

В турбюро ему предоставили гида – красивую девушку с васильковыми глазами.

– Камила! – представилась она. – Мне сказали, что вас будет двое.

– Верно. Харви ждет у выхода.

– Харви! – воскликнула она и ринулась к выходу, чуть не сбив Никиту.

Выйдя на улицу, он увидел, как Харви душит в объятиях Камилу.

– Никита! Это она! Моя жена! – закричал Харви.

Вокруг них стала собираться толпа, поэтому Камила открыла портал, и они втроем перешли на пустынный островок вдалеке от города.

Чтобы не мешать воссоединившейся паре, Огарков создал

портал в центр города. Ему захотелось обновить гардероб по местной моде.

В городе присутствовало все необходимое для жизни человека, но магазинов было мало. Лучший из них располагался в центре возле городской ратуши. На этом подуровне люди учились создавать все необходимое для жизни. В магазинах можно было взять то, что пока не удавалось сотворить самостоятельно. По большому счету – это уже не магазины, а творческие мастерские, в которых мастера высочайшего класса претворяли высказанную тобою мысль в жизнь. В Ахетатоне почти все люди одевались в тоги и туники разных расцветок светлых тонов. Никита попросил у мастера тогу белого цвета с синим поясом, но тот посоветовал создать одежду самому. Скорее всего, он не хотел отвлекаться от просмотра матча. В его мастерской экран занимал всю стену.

– Полуфинал лиги чемпионов, – объяснил мастер Никите. – Наши играют с командой города Астелия.

Никита неожиданно увлекся игрой. Правила были примерно как в футболе, только игра проходила на поверхности моря, в уютной бухте, превращенной в стадион. Ворота двух команд состояли из циркулирующей и вращающейся воды, а вместо мяча использовался водяной шар. Игроки ловко перемещались по поверхности воды, используя левитацию и телепортацию. Водяной мяч не тонул и не растворялся в воде. Эту игру особенно рекомендовали всем новичкам. Ведь она помогала в игровой форме освоить основные виды перемещения…

…В дальнейшем Никита стал играть в команде своего района в качестве полузащитника. И хотя больших высот команда не достигла, он смог освоить телепортацию и тактическое предвидение на хорошем уровне. В ходе просмотра игры Никита один раз испортил одежду, сделав ее на два размера больше. Мастер доходчиво указал на ошибки, и через час у него получилась вполне приличная тога. Не шедевр, но теперь он знал, в каком направлении двигаться, в том числе и в спорте.

На следующий день друзья отправились в институт Зодчества. Их принял проректор по учебной работе и, подключившись к информационному банку данных, стал внимательно просматривать личные дела новых студентов.

– Ну что ж! Учебу в Подготовительном центре вы закончили на отлично. Преподаватели вас хвалят. В нашем институте одновременно вы будете работать, и продолжать учиться. По земным меркам у вас сейчас среднее образование. По окончании нашего института вы станете востребованными специалистами высокого класса. Для проверки вашего уровня знаний необходимо

создать проекты домов. Строить будете для себя. Можете ни в чем не ограничивать свою фантазию.

– А где будут располагаться наши дома? – задумчиво спросил Харви. У него уже было подготовлено не меньше десятка проектов. Осталось определиться с местностью и размерами.

– Место вам выделит главный зодчий города. Скоро с ним встретитесь. Сейчас у него лекция в нашем институте.

В Агарте запрещалось творить дома, как кому в голову взбредет. В каждом городе существовал главный зодчий, и с ним согласовывалась любая задумка, чтобы не нарушалась общая гармония.

Вскоре действительно подошел главный зодчий – молодой парень с длинными черными волосами. К тому, что здесь почти все молодые, Никита привык быстро. Проректор представил их друг другу, и они телепортировались в кафе «Дельфин» прямо из кабинета ректора. Заказав коктейли, зодчий стал внимательно выслушивать планы друзей. Закрыв глаза, он некоторое время рассматривал проекты, а затем произнес:

– Думаю, я знаю, что вам нужно. Следуйте за мной. – Зодчий открыл портал, и они шагнули за ним. Место оказалось вдалеке от города на высоком мысу со странной поверхностью, уходящей на несколько километров в море. – Мы недавно присоединили эту землю к городу. В одном из четырехмерных миров произошло извержение вулкана. Чтобы спасти поселение, на которое шла лава, мы открыли перед ней портал и переправили ее сюда. При прохождении портала лава изменила свойства. По прогнозам, у жителей этого места станут лучше характеристики эфирного и астрального тела. С завтрашнего дня здесь начнут работу флористы, и через месяц можно будет приступать к возведению жилищ. Если вы согласны принять участие в эксперименте, то можете выбирать себе участки и начинайте работать над проектами.

Никита и Харви смогли уложиться с проектами домов за пять дней. Харви решил построить большую виллу из белого ракушечника, с колоннами и открытыми верандами. Когда-то они с Камилой были счастливы в подобном доме.

Никита создал себе дом в виде деревянного терема с прозрачной крышей. Терем состоял из сферических комнат, в которых останавливалось время. Его можно было включить только в гостиной, где размещался большой телевизор, для того, чтобы смотреть программы или фильмы в реальном времени, а также в спальне – во время пробуждения.

Зодчий одобрил проекты, сделав значительные изменения. Наставник, прикрепленный институтом, создал несколько

инфопакетов со знаниями. Некоторое время они изучали виды почв и состав воздуха. Люди в городе обучались жить в высоких измерениях еще и через солнечный свет. Солнечные лучи окрашивали воздух, и горожане, вдыхая его, поднимали свои вибрации, автоматически становясь более совершенными во всех качествах…

Вскоре наставник научил Никиту более эффективному искусству проектирования мыслью и претворения проекта в реальность энергией мысли, огненными энергиями и энергией времени. Оказалось, что довольно сложно создать совершенный дом. Сложно, но возможно. Все дело в практике. Новый район активно заселялся, и практики хватало. Никита построил себе уютный дом, из которого не хотелось уходить. Точнее, хотелось возвращаться, ведь жизнь у него стала очень интересной. До обеда он учился и работал в институте Зодчества, а после гулял по городу, ходил по музеям или занимался спортом.

Особенно ему нравилось в музее истории Агарты. Там он пытался понять, как выстроены отношения внутри этой сложной страны. Общество Агарты состояло из множества конгломератов, объединенных по уровню вибраций и исторической принадлежности. Ее можно было сравнить с Россией, в которую входили различные нации и народности, находящиеся на разных уровнях своего духовного развития. Только Агарта была страной многомерной. Это означало, что в стране полностью исключалось дуальное мышление, а значит – отсутствовали страх, насилие и агрессия, даже в спорте и искусстве.

Глава 5

Прошло несколько лет.

Никита проснулся в своем тереме от того, что лучи солнца упали ему на лицо. Так было задумано при строительстве. Солнце выступало в качестве будильника. Рядом спала красивая блондинка. Познакомились они год назад в туристической поездке по Древнему Египту. Никиту всегда интересовала восемнадцатая династия и фараон Эхнатон, а Сезару привлекала личность Нефертити. Сразу притянувшись друг к другу, они больше не расставались. Вместе жили и вместе путешествовали. Благо пятимерный эфир позволял перемещаться в любую точку пространства и обозримого времени почти мгновенно. Поэтому в Агарте было очень развито любительское увлечение историей. Сезара в прошлой жизни была певицей в реальности, похожей на мир Никиты. Здесь она стала работать в городском сенате и больнице.

Никита аккуратно убрал руку из-под головы Сезары и вышел в сад. Полчаса он занимался физическими упражнениями. Особенно ему нравилось делать сальто и растяжки. После зарядки отправился в сад под душ-фонтан. Вода мягко омывала его тело. Скользя по коже, освежала, очищала, питала и заряжала энергией на весь день. Для Никиты это было очень важно. В последние дни он не высыпался, просыпаясь в кошмарах. Его друг Харви вместе с Камилой пару лет назад ушли на новое воплощение в физический мир. Они решили не разлучаться. Неделю назад Никите стал сниться угнетающий сон. Харви лежал в большом черном ящике, из которого не мог выбраться. Он звал на помощь Никиту. Даже без расшифровщика снов было понятно, что Харви в большой беде.

– Опять тот же сон? – спросила Сезара Никиту за завтраком. По утрам они выпивали бокал нектара, созданный из трав и цветов его сада.

– Да! Харви в беде! – подавленно произнес Никита. Трудно было представить препятствие, с которым не мог справиться его неунывающий и предприимчивый друг. Несмотря на множество хороших знакомых, других близких друзей он не завел.

– У меня есть приятельница, которая может прояснить его судьбу, – задумчиво проговорила Сезара, хорошо изучившая Никиту.

– Буду очень благодарен за любую информацию.

Он поцеловал подругу и отправился на работу. Сегодня Никита заканчивал установку сферических комнат в новой

школе. Ему уже давно доверяли сложные задачи, с которыми он блестяще справлялся…

Через три дня Сезара пришла с работы, принеся нужные вести. Ее знакомые выяснили, что Харви находится в коме с переломанным позвоночником. Врачи в его мире пока не обладали нужной квалификацией, чтобы вылечить пострадавшего.

– Что будешь делать? – обеспокоенно спросила Сезара. У нее была дополнительная специальность – психолог. Это помогало в ее работе со сложными пациентами и научило предвидению, которое говорило, что скоро ее и Никиту ждет разлука.

– Я хочу отправиться в его мир. Может, там смогу найти нужных специалистов, – закрыв глаза, проговорил Никита.

– У тебя есть план? – спросила Сезара, наматывая светлый локон на палец. Она привыкла к Никите, но как опытный психолог знала, что ему надо делать следующий шаг в своем развитии и кошмары с Харви – это толчок, выбивающий его из состояния комфорта, в котором ее мужчина жил уже несколько лет.

– Я просматривал разные варианты и считаю, что мне нужно записаться в «Школу совместного общежития и творчества различных миров и царств планеты Земля».

– Это та школа, где ты монтировал классы со сферическим временем? – уточнила Сезара.

– Да. Точнее это филиал. Главное отделение у них где-то на подуровне 5,4.

– А почему ты думаешь, что они тебе помогут?

– Они учат духовному замещению!

– Хм. Вот что ты задумал! – проговорила Сезара. – Это не простая операция. В этом случае будут затрачены большие ресурсы и задействовано множество людей. Придется брать в нагрузку какое-нибудь задание, важное для школы.

– Возьму! – легко согласился Никита. – Тем более невыполнимых миссий мне не доверят. В любом случае сначала пройду необходимую подготовку.

В небольшой лекционный зал вошел высокий молодой человек с короткими темными волосами и властными, пронзающими насквозь глазами. В то же время в них светилась мудрость и доброта. Кроме Никиты в зале присутствовало еще шесть студентов.

– Добрый день! Меня зовут Сольмир. Сегодня я вам расскажу о явлении, которое мы называем духовное замещение. Как вы знаете, наша школа занимается полимирными мирами. На

сегодняшний день сближение миров и измерений – одна из главных задач планеты Земля. Мирам нашей планеты интересен симбиоз, сотрудничество. Также и измерениям интересно сотрудничество и сотворчество. Для успешного сближения миров был разработан процесс, получивший название «Духовное замещение».

Процесс разделения между разумом-телом и духом достиг своего апогея к середине XX столетия. К этому времени из-за действий сил тьмы существование планеты Земля стояло под вопросом. Мы с трудом гасили постоянно возникающие кризисы в разных измерениях. После 1957 года на планету пришли многие духи из очень высоких миров и начали активно проводить световую работу по возрождению духовности в человеке, укрепляя связи между разумом-телом и духом. Очень важно знать, каким именно путем приходили высокие духи в тела человеческие. Большинство из них не воплощались в тела младенцев, не были рождены матерями и отцами. К середине XX века на Земле в триаде разум-тело-дух появилась возможность замены духа. Все чаще и чаще один дух, без процесса смерти, путем вознесения, уходил в высшие миры, а его место заменял другой дух. Впервые такие замены начались около двух тысяч лет назад. На протяжении этого времени мы накопили огромный опыт «замещений». Однако если ранее это происходило крайне редко, в особых случаях, и требовало тщательной подготовки, то со второй половины прошлого века духовное замещение приобрело массовый характер. А самое главное – этот процесс уже не требовал столь тщательной подготовки.

– Скажите, а как этот процесс трактуется с точки зрения этики и космических законов? – спросил Никита. – Наверное, не каждому понравится, что в его тело кто-то вселяется.

– Юридически этот процесс безупречен, – резко ответил Сольмир. – Замещение одного духа другим в человеческом теле всегда происходит только с согласия высших «Я» людей и с благословения Бога-Творца Вселенной.

– Что? – повернулся он к высокому юноше с азиатскими чертами лица, поднявшему руку.

– А с какой целью начал осуществляться процесс духовного замещения и что он принес человечеству?

– К середине прошлого столетия человечеству потребовалась дополнительная энергия света, необходимая для вознесения планеты на более высокий уровень. По условиям эксперимента, энергия света не могла быть привнесена извне. Она должна была развиться только изнутри человеческого общества. Поэтому многие духи из высших миров вызвались прийти в этот мир,

расставшись со своим божественным могуществом. Они вселились именно в те тела, с тем уровнем разума, которые наиболее соответствовали их миссии. Они стали четырехмерными людьми, получив человеческие разум и тело. При этом большинство из них перестало обладать божественной памятью, на время забыв, кто они и для чего пришли. Однако духовное начало в духах-заместителях рано или поздно побеждало. Они начинали жить духовной жизнью, развиваться, а главное – излучать высокочастотную энергию света, в результате чего планета вышла на достаточно высокий уровень вибраций к 1987 году. Это привело к тому, что на сегодняшний день число духов-заместителей в разных мирах Земли достигло более девятнадцати миллионов человек.

Вскоре некоторые из вас получат миссию и отправятся на Землю, вселившись в другого человека. В этом процессе много нюансов, которые мы разберем позже, а сегодня я хочу поделиться опытом одной моей жизни в XIV веке.

Я родился на территории нынешнего Узбекистана в семье мелкого землевладельца. Меня назвали Тимуром, что в переводе означает «железный». Тимур был сильным воином, невероятно талантливым в военном деле и всегда добивался поставленных перед собой целей. Причем добивался любой ценой. От его жестокого и вспыльчивого нрава страдали близкие люди.

Однажды, когда ему было двадцать шесть лет, он попал в плен. С этого момента с ним начали происходить странности. Он начал видеть сны, в которых к нему приходили мудрецы. Они стали готовить сознание Тимура к тому, что его ждет важная миссия. Он станет великим мудрым правителем, заботящимся о своем народе. Соединит многие земли в единое большое государство. Ему не хотелось заботиться о других, а идеи любви и доброты совсем не привлекали, но ради власти Тимур был готов измениться и поэтому дал согласие быть ведомым учителями. Этим поступком он изменил ход своей дальнейшей судьбы. Процесс ученичества проходил тяжело. У него постоянно происходили вспышки жестокости и насилия, от которых он испытывал разочарование. Тогда семья света предложила Тимуру периодическое духовное заместительство. Конечно, предложение происходило на уровне высшего «Я» Тимура. Сам Тимур, как земной человек, этого не осознавал. Высшее «Я» Тимура сразу дало на это согласие. Была разработана детальная операция. Ведь если бы Тимур вдруг стал спокойным, добрым и любящим всех человеком, то соратники могли его свергнуть. Нравы в те времена были грубые. Ценилась сила и агрессия, поэтому духовное заместительство происходило постепенно.

Так совпало, что процесс духовного замещения начался, когда Тимур получил серьезные ранения. Он лишился двух пальцев на правой руке и был тяжело ранен в правую ногу, на всю жизнь став хромым. Все знали, что после серьезных ранений характер менялся. Поэтому его чудные слова и странные действия воспринимались окружающими без сильного удивления. После ранения меня стали называть Тамерлан.

Помню, как я стал благодарить своих воинов за уход и пищу, которую они мне приносили. – Сольмир улыбнулся. – Они думали, что я делаю это в бреду. Я стал отправлять письма своим женщинам с просьбой простить мое невнимание к ним. Во мне проснулось желание окружить всех заботой. Объединить земли. Защитить народы от нашествия врагов. Сделать жизнь в моей стране более интересной, перевести внимание на красоту. Тогда я увидел города с храмами, библиотеками, дворцами, фонтанами… счастливых женщин и детей.

У меня было несколько учителей. Один из них Сергий Радонежский. Он поведал мне о предстоящей миссии – защитить Россию от набегов вражеской Золотой Орды. Нужно было уберечь духовные богатства всей Азии и России. Именно на этих землях сосредоточенно множество порталов, через которые шла и идет космическая помощь человечеству. Необходимо было сохранить покой мест, где находились в состоянии самадхи древние артефакты и места силы.

Всю мою жизнь шла борьба между Тимуром и Тамерланом. Когда Тимур впадал в ярость, горели города и строились пирамиды из черепов его врагов, но после разгрома Золотой Орды и других врагов на сцену вышел Тамерлан. Во время его правления было сооружено множество культурных и архитектурных сооружений. Стали развиваться медицина и история, математика и богословие, астрономия, философия, литература, музыка и стихосложение. Тамерлан чутко реагировал на жалобы простых людей. В империи, где правитель правил по законам справедливости, наступил расцвет, оказавший огромное влияние на многие народы Средней Азии. Вот такая история. Можете задать свои вопросы.

– А как складывалась твоя судьба в дальнейших воплощениях? – спросил Никита.

– Вопрос закономерный. По кармическим законам, действовавшим до 2012 года, вожди-завоеватели, ведущие боевые действия с массовой гибелью людей, обычно воплощались «по ту сторону баррикад». Их жизненной миссией становилось спасение людей. В XVIII веке я воплотился миссионером в Америке и ходил по стране, проповедуя слово Иисуса. Моя миссионерская жизнь

была полна лишений. Часто меня избивали. Женщины высмеивали меня, как мужчину. После властного, привыкшего к поклонению Тимура я стал бедным и больным простолюдином. У меня развилась бронхиальная астма. В наследие от Тимура я получил судьбу – быть кочевником, путешественником. Но хоть меня гнали отовсюду, я доносил слова Иисуса людям. В трудные минуты их жизни, когда они вспоминали слова странного миссионера, в их сердце просыпалась любовь. Так я исцелял души людей. А для исцеления тел я воплотился врачом в России. За многие свои жизни научился хорошо разбираться в ранах. Я стал основателем военно-полевой медицины и вошел в историю под именем Николай Иванович Пирогов. Это была очень интересная, полезная для эволюции жизнь. Как-нибудь о ней расскажу. На этом сегодня закончим ознакомительную лекцию. На следующих занятиях вас будут учить ходить по лезвию меча, умению лавировать, быть незаметным как воздух и твердым как сталь…

После окончания школы, где Никите помогли развить магические способности, необходимые для выполнения миссии, его вызвали в один из храмов Агарты. В центре зала сидело трое жрецов. Они представляли три великие цивилизации Земли: Лимурии, Атлантиды и Гипербореи. Слева от них сидел руководитель школы по имени Айрис. Когда-то Айрис был известным детским писателем в СССР. Никита любил читать его книги. Одна из них так и называлась – «Школа».

– Поздравляю с окончанием учебы! – поприветствовал его Айрис.

– Благодарю! – вежливо поклонился Никита.

– Мы рассмотрели на совете школы твое личное дело и обсудили мотивацию. Помощь другу – дело благородное и достойное всяческого уважения. Мы готовы предоставить необходимые энергии для успешного излечения Харви, тем более что сами имеем на него планы. Вот только это будет не единственное твое задание. – Айрис внимательно посмотрел на Никиту.

– Я это понимаю и постараюсь сделать все, что в моих силах, – твердо ответил Никита.

– Хорошо. Тогда перейдем к делу. У тебя будет двойная миссия. Кроме спасения друга ты должен будешь выяснить судьбу одного нашего сотрудника, у которого было особое задание на Земле. – Айрис прикрыл глаза, передавая кому-то сообщение.

В зал вошел человек с азиатскими чертами лица и в красных одеждах. Сложив ладони возле груди, поклонился. Никита поклонился ему в ответ.

– Это лама Лобсанг Норбу. Он до недавнего времени был настоятелем монастыря в Тибете. Монастырь сохранял редчайшую рукопись, необходимую для эволюции планеты. Дальше он расскажет сам свою историю.

– Если позволите, я телепатически передам случившееся с нами. – Лама внимательно посмотрел на Никиту. Взгляд у него был грустный и немного подавленный.

– Хорошо, – кивнул Никита.

Лама, прислонив ладонь к его лбу, передал инфопакет.

Никиту слегка тряхнуло, и он мысленно оказался в Тибете, в каком-то древнем монастыре в заснеженных горах. Увидел себя монахом, перебирающим четки. Он взял со стола толстую книгу и передал пожилому монаху – хранителю монастырской библиотеки. Книга состояла из стопки длинных полос кожи.

«Это нужно спрятать. Беги быстрее и прячь ее!» – обратился Никита-настоятель к библиотекарю. Древняя реликвия называлась – «Книга жизни и смерти».

Никита спустился на монастырский двор и увидел группу людей. Некоторые из них были одеты в немецкую форму, знакомую ему по многочисленным фильмам. К настоятелю подошел офицер лет тридцати – высокий блондин со шрамом на правой щеке.

– Мы пришли с миром, – перевел слова офицера переводчик из тибетцев. – Нам нужна только «Книга жизни и смерти», а также человек, который ее переведет.

Трагедия уничтожения монахов и сожжение монастыря потрясли Никиту.

– Сочувствую вашему горю! – поклонился он еще раз бывшему настоятелю. Тот слегка склонил голову, снова сложив ладошки перед собой. – Что стало с библиотекарем и книгой?

– Это и будет твоим заданием, – ответил жрец Гипербореи по имени Радомир. Когда-то он был князем на землях Древней Руси. – Мы послали разведчиков в тот район через портал в Кайласе. У нас есть группа в эфирном плане Земли, действующая в районе Тибета. Они обнаружили только сгоревший монастырь. Следов хранителя библиотеки не найдено.

– Какие версии? – спросил Никита.

– Возможно, он сгорел в монастыре, но его душа осталась в нижних планах Земли. Пока у нас нет доступа в те места. А возможно, он взят в плен и вывезен в Германию, чтобы работать над переводом текста. Все это тебе и надо прояснить. Если книга у нацистов, ты должен будешь ее забрать. В крайнем случае, уничтожить. Если они смогут ее расшифровать, то трудно представить вред, который нацисты и стоящие за ними силы

смогут нанести планете. Это задание мы поручаем тебе, потому что книга составлялась на протяжении тысячи лет жрецами Гипербореи, а в тебе присутствуют их гены. Мы поставим тебе специальный имплант для работы с книгой.

– В какой стране вы нашли для меня реципиента – в Германии или Тибете?

Это был важный вопрос. Никита не был знаком с психологией жителей этих народов и потому легко мог привлечь к себе ненужное внимание, а значит, провалить задание.

– Мы подобрали для тебя несколько кандидатур. А дальше все зависит от совместимости ваших КМТ и еще нескольких факторов. Впрочем, все это ты прекрасно знаешь.

Глава 6

Через две недели подготовки Никита снова оказался в портальном храме. Отсюда он уйдет на Землю, а его тело по программе обмена займет житель четвертого измерения. Огаркова не посвятили, кто это будет. Но высшее «Я» большинства людей никогда не упустит возможность оказаться в Агарте даже на один день. А судя по заданию, командировка затянется надолго.

Попрощавшись с Сезарой и Айрисом, Никита встал на золотой круг в портальной комнате храма. С него сняли все параметры и занесли в реестр. Он был далеко не первый, кто уходил на Землю по программе духовного замещения, а точнее, как показала надпись на табло, – 19 745 460. Когда все процедуры были выполнены, его душа, а по сути – комплекс многомерных тел, шагнув в открывшийся портал, отправилась на Землю. По ощущениям Никиты, спуск в Четвертое измерение занял несколько часов.

Вылетел из портала он во Дворце спорта города Самары, где в это время проходили региональные соревнования по боксу. Зрители что-то кричали, свистели и излучали низкочастотную энергию, которая больно била по утончившимся телам Никиты. Он подлетел к рингу и увидел в его центре крепкого парня лет семнадцати, с рассеченной бровью. Тот не подавал никаких признаков жизни. Растолкав толпу и раздвинув канаты, на ринг прошла женщина средних лет в белом халате. Она измерила пульс боксера, оттянула его веки, а затем сунула ему под нос ватку, намочив какой-то жидкостью.

– Пульса и дыхания нет. Судя по всему, сосуд лопнул. Он мертв, – строго посмотрела она на боксера с кавказскими чертами лица, подавленно стоящего в углу ринга, и его тренера.

– Я нэ специально! Сдэлайте что-нибудь! – заревел боксер и умоляюще посмотрел на доктора.

– Помогите донести тело до машины! – устало попросила докторша зрителей.

В это время какой-то вихрь втянул Никиту в тело погибшего боксера. Было непривычно и очень тесно. За время нахождения в Агарте у него появились дополнительные тела, а старые впитали много высокочастотных энергий, поэтому, попав в новое тело, не подготовленное к высоким вибрациям, ему пришлось тяжело. Инструкторы говорили, что это нормально, процесс адаптации может затянуться на несколько месяцев, пока он не перестроит новое тело под себя.

Постепенно Никита стал ощущать доставшееся ему тело. Этому способствовала неровная дорога и допотопная машина скорой помощи. Боль и холод ощущались всеми клеточками, но он пока не мог очнуться. По ощущению было минус пять, а из одежды трусы да майка.

Машина, куда-то въехав, остановилась. Посигналив, из нее вышел шофер и закричал:

– Михалыч выходи! Мертвяка привезли!

Через минуту выскочил слегка поддатый санитар. Он быстро осмотрел тело и сказал:

– Надо же! Совсем молодой. Ладно, быстрей затаскиваем в морг и будем отмечать. Уже все остывает.

Когда носилки проносили мимо двери, Михалыч споткнулся и защемил Никите руку об косяк.

– А! – заревел он от боли.

– А-а-а! – закричали санитары и выронили носилки.

– Мать вашу! Уроды косорукие! – заорал Никита во все горло. Удар от падения снова вызвал сильную боль. Он уже забыл, когда ему причиняли боль да и когда ругался последний раз в прошлой жизни.

– Что ж ты, придурок, живого ко мне в морг привез? – зашипел Михалыч.

– А что я? Фролова сказала, чтобы я вез его в морг. Мое дело маленькое, – запричитал шофер.

– Немедленно несем его к дежурному доктору! – приказал Михалыч.

Подхватив носилки, они быстро поднялись на второй этаж, где располагалось хирургическое отделение. Никита все время дрожал от холода. На улице шел снег, а его новое тело по-прежнему лежало в трусах и майке. Наконец его принесли в операционную. Здесь было теплее.

– Потерпи, милый! – подошла к нему пожилая медсестра. – Дежурного врача уже вызвали. Эко как тебе досталось!

Ваткой, намоченной в спирте, она вытирала кровь с лица. Сильно щипало. Никита старался восстановить навык наблюдения со стороны. После некоторого напряжения ему это удалось. Он стал следить за собой глазами медсестры, которая с помощью санитара срезала майку с его тела. На спине у него была большая татуировка ангела.

«Великолепно! Еще и уголовник!» Никита знал, что такие татуировки набивали себе те уголовники, которые каялись в своей грешной жизни и хотели изменить судьбу к лучшему. Таким образом они искали защиту у ангелов и надеялись на их помощь.

Внезапно он услышал разговор за дверью. Мысленно пролетев сквозь нее, увидел врача в круглых очках, примерно пятидесяти лет. К нему подошел человек в темно-синей форме. На синих петлицах был один бирюзовый ромб. Такую форму носили сотрудники милиции.

– Мне сказали, что Скрипач жив? – обратился милиционер к доктору.

– Вы кто? – спросил доктор, снимая запотевшие очки.

– Простите. Заместитель начальника уголовного розыска Саратова майор Ковалев.

– Если Скрипач – это пострадавший, то жив! Только сильно избит, – ответил доктор, протирая стеклышки очков чистым платком. – Кто его так?

– А! – махнул рукой Ковалев. – Я бы ему еще сам добавил. Все нервы мне истрепал. Когда его можно будет перевезти в Саратов?

– Не сегодня. Идите отдыхайте товарищ майор. Завтра будет точно известно.

В палату вошел доктор и начал осматривать Никиту.

– Как себя чувствуете?

– Все болит, – тихо прошептал Никита.

Доктор достал ручку и провел несколько раз перед глазами. Затем поднял веки.

– Возможно, у вас был микроинсульт, но точно мы это не определим. К сожалению, рентген сломался. Сейчас для вас лучшее лечение – это здоровый сон.

«Понятно, естественная регенерация – лечение для бедных. Вот только это тело изувечено. Эфирное тело развивалось не правильно, и я сам пока не могу себя вылечить», – мысленно ответил доктору Никита. Его подхватили санитары и перенесли в четырехместную палату. Уложили на свежие простыни. «Спасибо и за это!» Сестра укрыла его одеялом и тело, наконец, стало отогреваться…

Стояла глубокая ночь. Спасительный целебный сон не приходил, – храпели другие больные, издавая диссонирующие рулады. «Кажется, время пришло!» – решил Никита и стал молиться, призывая помощь. Через минут двадцать портал в палату открылся и из него шагнул Айрис, за ним следовали какие-то прозрачные существа.

– Привет! – улыбаясь, проговорил Айрис, приблизившись к Никите. – Вижу, первый этап легализации прошел нормально. Начинайте!

Существа, прибывшие с Айрисом, начали что-то делать с многомерным телом Никиты. Теоретически он знал, что

происходит. В голове прокручивалась лекция, данная Сольмиром – Тамерланом.

«В результате процесса духовного замещения восходящей и нисходящей ветвей происходит многомерный генетический энергообмен. Духи восходящей ветви получают важные компоненты многомерной генетики от духов нисходящей ветви. В том числе обогащается их божественное сознание, которое является духовной составляющей, а не принадлежностью дуады „разум-тело"».

В данном случае Никита являлся представителем нисходящей ветви. Он спустился из Пятого измерения в представителя Четвертого измерения – Феликса Белова, так звали человека, в которого он вселился. Белов, в свою очередь, являлся представителем восходящей ветви. Получив знания и опыт Никиты, он направлялся в Пятое измерение, что благотворно влияло на всю его дальнейшую эволюцию.

Перекачка опыта и знаний длилась несколько часов, которые Никита провел в медитации, помогавшей быстрее впитать опыт жизни и знания Белова. Осознавать он их будет в течение нескольких недель. Наконец этот процесс завершился, и Айрис спросил:

– Надеюсь, ты не забыл Обязательство!

– Как же! Забудешь его. – Никиту в свое время заставили выучить Обязательство из кодекса дословно. – Воплощаясь в тело взрослого четырехмерного человека, дух из высших миров берет на свое высшее «Я» все обязательства по данному воплощению, присоединяя к ним обязательства по выполнению своей световой миссии.

– Все верно! – одобрительно проговорил Айрис. – Конечно, желательно, чтобы ты успешно выполнил все задания, но это жесткий мир, если ты себя выдашь, то на тебя начнется охота. Напрасно не рискуй. Если будет опасность захвата твоей души, вызывай группу эвакуации. А теперь желаю удачи! Нам пора.

Открылся портал, и группа Айриса в нем исчезла. Через минуту включилось радио. Громкая музыка интернационала ударила по ушам:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

«Ага! Как же!» – пробормотал уставший Никита, накрываясь одеялом с головой, после чего отключился. Разбор биографии Феликса Белова, несмотря на свое любопытство, он оставил на потом…

Проснулся не выспавшимся оттого, что скрипнула чья-то кровать. Сосед по палате, закашлявшись, направился в уборную. Затем принесли завтрак. Быстро съев перловую кашу и запив ее сладким чаем, Никита, проигнорировав соседей, желавших общения, погрузился в хитросплетения жизни Феликса Белова, все Обязательства и контракты, которые он взял на себя.

Родился Феликс осенью 1921 года. Его отец был прирожденным воином, кавалером двух Георгиевских крестов и ордена Красного Знамени. Мать – врачом-терапевтом. В конце 20-х отца, который командовал кавалерийским полком в Туркестане, убили. Они с матерью уехали в Поволжье, где ей предложили место главного врача районной больницы города Балаково.

Мама работала, а Феликса воспитывала бабушка – выпускница Смольного института, блестяще владевшая французским и немецким языками. Знания, полученные в лучшем женском образовательном учреждении Российской империи, бабушка с детства пыталась передать любимому внуку. Свободного времени у него почти не оставалось. Мама настояла, чтобы он пошел в музыкальную школу, где его обучали игре на скрипке.

Он прожил несколько относительно спокойных лет, но вскоре вновь наступили трудные времена, и не только у него в семье. Феликс не понимал, почему в магазинах исчезли продукты и стало голодно. Доходили слухи, что в деревнях массово умирают люди. Истощенных детей привозили в больницу, но и там им не могли помочь. Лекарством для них являлась еда, а ее остро не хватало. Однажды, обезумевший крестьянин, у которого в больнице умер последний ребенок, выместил свое горе на матери Феликса, убив ее из обреза. Через месяц остановилось сердце у бабушки.

Феликса отдали в детский дом города Балакова. Вначале ему показалось, что он попал в ад. Для домашнего мальчика столкновение с грубой реальностью стало шоком. Кругом грязь, клопы, вши… В бане мылись раз в месяц. Зимой детдом оттапливался через день, деньги, выделенные на дрова, разворовывались начальством. Из-за недостатка кроватей спали по двое в одной.

Сначала Белова били все кому не лень, но потом в нем пробудилась какая-то остервенелость. Он все чаще стал отвечать задирам, хотя и неумело. Чтобы выжить, дети объединялись в шайки. В одну из них вступил Феликс. Его приметил старшеклассник по кличке Виртуоз, который был незаурядным карманником. Отобрав нескольких ребят, он потратил всю зиму и весну на их обучение. Когда стало тепло, они сбежали в Саратов.

Поначалу все складывалось хорошо. Ребята сняли комнату у знакомой старухи Виртуоза. Обчистили пять клиентов в переполненном трамвае и троих на рынке. На этом их воровская удача исчерпалась.

Саратов летом 1934 года привлек множество шаек карманников. Обострилась конкуренция. Виртуоза зарезали в подворотне, когда он с большой суммой денег возвращался домой. Феликса задержали сотрудники уголовного розыска. После допроса в милиции его снова отправили в детский дом.

В детском доме города Саратова, носившем название «Красный городок», воспитывалось пятьсот ребят, как и он, потерявших родителей. Еще там было пятьдесят детей репрессированных. Когда он, в сопровождении милиционера, вошел в ворота детдома, то во дворе увидел радостных и опрятно одетых ребят, весело занимавшихся своими делами.

На второй день после того, как Феликса помыли и обмундировали, его пригласил директор детдома Василий Иванович Шутов. Директор сидел за скромным, покрытым зеленым сукном столом и что-то мастерил из дерева. Сухощавый, небольшого роста, лет сорока, но уже с сединой на висках, человек производил благоприятное впечатление. Феликсу было с кем сравнить.

Директор не стал спрашивать о родителях, и так все знал. Похожие биографии были у всех. Поинтересовался, какие у него любимые книги. Феликс назвал любимых персонажей. Директор оживленно заговорил о писателях и постепенно вовлек мальчика в разговор. Потом рассказал о мастерских, самодеятельных кружках и библиотеке. Узнав, что он играет на скрипке, очень обрадовался.

– Значит так… Вижу, парень ты хороший. Поэтому завтра идешь в школу и включаешься в жизнь коллектива. В детдоме много малышни, будешь присматривать за ними. А я, в свою очередь, познакомлю тебя с капитаном Ковалевым – тренером общества «Динамо» по боксу.

Они ударили по рукам, и в жизни Феликса снова наступила белая полоса. Он стал заниматься боксом и играть в оркестре. На деньги, которые зарабатывали в оркестре, водили весь детдом в кино, театр, цирк.

Летом 1938 года перед досрочным окончанием школы Белова вызвали в областное управление НКВД. Его принял лично начальник отдела кадров управления, слегка располневший мужчина, с тремя шпалами в петлицах – капитан государственной безопасности. Чуть в стороне сидел высокий поджарый человек, лет тридцатипяти с седыми висками и маленькими усиками. Судя

по петлицам, он был майором. Начальник отдела кадров вежливо расспросил Феликса о его планах.

– Это хорошо Феликс, что ты, как и твой героический отец, решил посвятить свою жизнь защите нашей социалистической Родины. Тебе дали блестящие рекомендации твой тренер и директор детского дома.

– В анкете написано, что твоя бабушка воспитывалась в Смольном институте благородных девиц? – заговорил майор на немецком языке. – Она хорошо тебя успела обучить?

– Мы так играли. С детства она со мной разговаривала в основном на немецком и французском языках, – стал отвечать Феликс на немецком. – Она рассказывала, что в Смольном институте бывали дни, когда говорили только на французском или на немецком языке, а за произнесенное русское слово невнимательной девочке надевали на шею картонный язык. Она должна была блуждать по галереям института и не могла даже присесть. Это длилось до того времени, пока она не услышит русскую речь от кого-нибудь другого, и тогда язык переходил следующей жертве.

– Ну что, Владимир Харитонович? – Капитан посмотрел на майора.

– Баварский диалект. Скорее даже среднебаварский. Так говорят в округах Нижняя и Верхняя Бавария, а также в Австрии, – повернулся майор к начальнику отдела кадров. Тот удовлетворенно кивнул и что-то отметил в карточке. – Тебе бабушка тоже надевала картонный язык, – спросил майор на французском.

– Нет. Но если до ужина я не сбивался на русский, то мне давали что-нибудь сладкое на десерт.

– Говорит правильно, но без грассирования, – посмотрел майор на капитана. – Это ничего. За три месяца разговорной практики с носителем языка научится правильно картавить.

– Да! Хорошо раньше дворян обучали, – со значением проговорил капитан.

Феликс напрягся. К дворянам отношение было негативное.

– Вот какое дело, Феликс, – сказал майор. – Ты знаешь, что твой отец служил в Отряде особого назначения при Президиуме ВЧК и назвал тебя в честь Дзержинского.

Феликс кивнул.

– Я знал твоих родителей. Хорошие были люди. Мы хотим, чтобы ты поступил в Саратовское военное училище пограничной и внутренней охраны НКВД.

– Дворянское происхождение моей бабушки не помешает? – решил Феликс поставить все точки над «i».

– Феликс Эдмундович был сыном мелкопоместного польского дворянина шляхтича, – улыбнулся кадровик. – Так же как Вацлав Менжинский. Происхождение не определяет сущность человека. Главное – твоя вера в советскую власть и в идеалы революции. Так какой будет твой положительный ответ?

После небольшого раздумья Белов согласился. И не пожалел. В училище Феликс был на хорошем счету. Не только потому, что хорошо учился. Таких курсантов было немало. Начальство ценило, что он выигрывал все соревнования по боксу, поднимая престиж училища. В ноябре 1939 года в Куйбышеве проходили региональные отборочные соревнования по боксу. В полуфинале Феликс получил удар в голову от своего соперника, и в результате клинической смерти его место занял Никита.

Перед обедом начался обход.

– Как себя чувствуете? – подошел к Никите заведующий отделением.

– Хорошо, Валерий Иванович. Когда меня выпишут? Мне в училище надо возвращаться, – насел он на доктора.

– Да! Вижу тебе лучше. Еще денек за тобой понаблюдаем, а там посмотрим. К тебе тренер прорывается. Примешь?

– Да.

– Общайтесь! Только не долго, – разрешил тренеру доктор.

– Виноват, Николай Андреевич! – поднял Никита вверх руки. Белов пообещал, что укатает своего соперника из общества «Трудовые резервы» Саргосяна в первом раунде. Ковалев проспорил бутылку армянского коньяка тренеру соперника. – Разбогатею, верну!

– Ладно! Чего уж там! Знаешь, как я испугался, когда спортивный врач сказала, что ты умер?

– Задерживают меня врачи, Николай Андреевич. Вы, наверное, езжайте сами. А я потом приеду. – Сейчас Никите хотелось остаться одному. Знания впитались поверхностно. Требовалось много времени для осознания всех деталей жизни этого общества.

– Посмотрим. Доктор сказал, что, может, завтра выпишут.

Ковалев достал из портфеля сверток.

– Здесь тренировочные штаны, майка и носки. Верхнюю одежду и свитер я оставил у завхоза. При выписке отдадут.

Разговор с тренером утомил Никиту. Он боялся, что опытный следователь что-то заподозрит, и применил телепатию. Телепатия действовала и в этом теле, но после ее применения хотелось спать. Но небольшие несоответствия в поведении Белова тренер списал на полученную травму.

После ухода тренера Никита копался в знаниях Белова. Он почувствовал облегчение, что попал в тело будущего пограничника, а не «антисоциального элемента». Теперь, по-хорошему, ему надо переехать туда, где его никто не знает, а значит, не заметят изменения в поведении. Вот только до окончания пограничного училища было еще далеко. Это был главный минус. Белов принял присягу, а согласно Обязательству теперь присяга переходила на Никиту. Он мысленно прокрутил слова присяги:

«Я всегда готов по приказу Рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Утром 30 ноября Никита проснулся в хорошем настроении. У него почти ничего не болело. После завтрака по радио передали важное правительственное сообщение: «По приказу Главного командования Красной армии, ввиду новых вооруженных провокаций со стороны финской военщины, войска Ленинградского военного округа в 8 часов утра 30 ноября перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов».

Никите стало тревожно. Если честно – воевать ему не хотелось. Он доверял Айрису и руководству школы, которые считали, что это тело максимально подходит для выполнения всех обязательств миссии, но ситуация была непростой. Физическое тело Белова имело множество нарушений и нуждалось в сильном исправлении. Для этого необходимо время и мощные источники энергии. Единственное, что он помнил о советско-финляндской войне, – это то, что она продлилась недолго. Потом наступит больше года мирного времени до войны с Германией. За этот промежуток необходимо сделать все дела и вернуться в Агарту. Он уже стал скучать по Сезаре, своему уютному домику и любимой работе. Никита улыбнулся, осознав, как расставил приоритеты. Сезара была на первом месте, а работа на последнем. Наверное, надо что-то менять. Захотелось снова прижаться к Сезаре. Эта женщина всегда его вдохновляла.

Вскоре пришел с обходом дежурный врач, и Никиту без споров выписали. Врач только написал рекомендации по его

лечению. После обеда пришел майор Ковалев, и они вместе отправились рейсовым автобусом в Саратов. Весь путь Никита демонстративно проспал и на вокзале расстался с тренером навсегда. Больше он не собирался с ним встречаться, как и заниматься боксом. Мозги необходимо было тщательно беречь. По прибытии в училище он доложился начальству. Его сразу направили к докторше, которая после осмотра разрешила Никите посещать занятия, но запретила заниматься физическими упражнениями.

Первым делом Никита пошел в библиотеку и все выходные читал книги. В основном по истории СССР, краткий курс ВКП(б) и различные армейские уставы. История отличалась от знакомой ему по прошлой жизни. Это был параллельный мир Земли. Впрочем, изменения были незначительные. Например, Аляска не была продана американцам. Она отделилась от России после Гражданской войны. Во главе там стояли купеческие кланы, которые в 1890-е годы разрабатывали на Аляске золотые прииски. Там они наладили связи с американскими корпорациями, и после Гражданской войны те помогли им признать республику Аляска, которая развивалась в фарватере политики США. Были и еще отличия, касавшиеся названий стран и биографий известных личностей…

Через несколько дней курсантов собрали в актовом зале, и начальник училища сообщил, что приказом наркома решено произвести досрочный выпуск. Преподаватели в курилках шептались о том, что финские снайперы рьяно стали отстреливать командиров. Те выделялись белыми полушубками, которые служили хорошей мишенью. У Красной армии стало резко не хватать командиров уровня взвод – рота.

Экзамены проходили формально. В середине декабря выпускникам выдали новую форму с петлицами лейтенанта, и они убыли в распоряжение отдела кадров Ленинградского пограничного округа.

Все это время Никита не только читал, но и осторожно общался со своими сослуживцами. Точнее, он, как правило, наблюдал за поведением в быту будущих командиров-пограничников. Что их интересует? Над чем смеются? Какие фильмы смотрят? То есть узнавал те мелочи, без знания которых ты будешь «белой вороной», а значит, вызовешь подозрения. Никита помнил, что в его мире НКВД получило более четырех миллионов доносов. В обществе царила шпиономания. Любые подозрительные слова или действия могли сломать судьбу человека.

Поезд из Саратова прибыл в Москву рано утром. Группа из четырех человек, в которую входил Никита, первым делом отправилась на Ленинградский вокзал. Там с помощью командировочного предписания они купили билеты на вечерний поезд. В распоряжении новоиспеченных лейтенантов оставалось полдня, поэтому, сдав чемоданы в багажное отделение, они отправились осматривать столицу.

Никите все было интересно: во что одеты столичные жители; их местный говор; транспорт; цены в магазинах и на рынке, куда они зашли, чтобы купить всяких мелочей и еды. В училище им выдали аванс, и молодые командиры хотели его правильно потратить.

Было холодно, и лейтенанты пошли смотреть новый фильм «Трактористы». Никита с ними не пошел, отговорившись тем, что хочет посетить Третьяковскую галерею. Они расстались, договорившись встретиться на вокзале.

В Третьяковскую галерею Никита не пошел. Стал ходить по ювелирным магазинам и ломбардам. Первым делом он решил создать защитные и целительские амулеты, которые его научили делать в школе на занятиях по артефакторике. Лучшие амулеты получались из драгоценных камней. Нужных ему не было, или он не там искал…

Не спеша прогуливаясь по улице Горького, он заметил, как люди входили в ресторан «Астория». Форма у него была новенькая, а деньги еще не растрачены. Очень захотелось пообедать в ресторане, где Глеб Жеглов и Володя Шарапов брали Фокса.

Наступил вечер, и ресторан стал заполняться людьми. Официант посадил Никиту рядом с подполковником-танкистом лет сорока. Тот ужинал со своей женой, полноватой красавицей с длинной русой косой и непоседливым сыном десяти лет.

– Разрешите присоединиться, товарищ подполковник?

– О! Нашего полку прибыло. Подполковник Орленко. Получил назначение на должность командира танкового полка в Белорусский особый военный округ, – представился первым танкист.

– Лейтенант Белов. Досрочно окончил Саратовское военное училище пограничной и внутренней охраны НКВД. Следую в распоряжение отдела кадров Ленинградского пограничного округа, – присаживаясь за стол, представился Никита.

– Понятно. Сейчас многих курсантов досрочно выпускают. Значит, скоро на войну попадешь, – хмуро проговорил подполковник.

– Анна Егоровна! – представилась жена Орленко. – Берите борщ и котлеты с гречкой!

– Феликс! Очень приятно!

Подошедшему официанту Белов заказал именно эти блюда, добавив эклер на десерт.

– Давай выпьем за то, чтобы ты остался живым! – Танкист налил ему стопку водки.

– Ваше здоровье! – подняв стопку, Никита пригубил немного, а сам стал рассматривать зал. Цены в ресторане были сравнительно невысокие. Командиры могли себе позволить иногда сходить в ресторан с семьей.

За соседним столиком раздался громкий смех. Двое мужчин, исписанные наколками, в компании трех девушек что-то отмечали. Речь, насыщенная жаргонными выражениями, позволяла отнести их к блатной публике. Соседи нервно на них оглядывались. Никиту привлекла рука главного в этой компании, которую он небрежно положил на плечо ярко накрашенной брюнетки. Его средний палец украшал массивный золотой перстень с большим рубином.

Никита быстро доел ужин и рассчитался с официантом. Затем, попрощавшись с семьей танкиста, пошел к выходу. Проходя мимо столика воров, он послал сконцентрированный импульс во владельца перстня. В школе его обучили приемам бесконтактной защиты против хулиганов. Импульс был направлен на желудочно-кишечный тракт. После этого жертва, в течение нескольких минут, начинала искать ближайший туалет или кусты.

Никита зашел в туалет и стал ждать. Вскоре в уборную вбежал уголовник и занял свободную кабинку. Когда все посетители вышли, Никита усыпил уголовника, снял перстень и вынул наличку из кошелька. Затем тщательно вымыл руки и вышел из ресторана. Сел в такси и, по пути пополнив запасы в продуктовом магазине, направился на Ленинградский вокзал. До отхода поезда оставалось еще сорок минут. Валет сделал его богаче на три тысячи двести рублей. Хорошая прибавка к зарплате.

Совесть Никиту не мучила. Ему нужны были ресурсы, которые можно заработать или отобрать у врагов. Врагами он считал фашистскую Германию, их союзников и уголовный мир. Эти паразиты в войну будут активно грабить трудовой народ, ковавший победу в тылу, и активно сотрудничать с абвером.

– Угощайтесь парни. Купил на последние деньги. Там будем жить на всем готовом, – выложил Никита на стол колбасу, сыр,

хлеб и банку соленых огурцов, когда поезд тронулся. – Надо только чая у проводника попросить.

– Ура! – одобрили его действия ребята.

Вечер прошел на славу. Парни делились впечатлениями от фильма. Им очень нравились Марина Ладынина, Николай Крючков и Борис Андреев. Они с энтузиазмом пели припев из этого фильма:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!

Там еще были такие слова:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.

В то предвоенное время выходило много фильмов с общим пафосом, что от тайги до британских морей Красная армия всех сильней. И уж тем более никто не ожидал, что маленькая Финляндия будет так жестко сопротивляться. Повторялась история, как с Русско-японской войной начала века.

Никита лежал на верхней полке, рассматривая кольцо, и старался не думать о судьбе своих новых друзей. Если они выживут на этой войне, то Красная армия получит опытных, понюхавших пороха командиров, которых так не хватало летом 1941 года. «А камешек-то с дефектом». Он увидел ямки, которые возникают в результате удара или нажима. Они встречаются в виде крошечных белых точек или звездчатых углублений. «Ладно! Дареному коню в зубы не смотрят». Полночи он создавал и напитывал энергией амулет защиты. Лекция по их созданию вспомнилась дословно. К утру простенький амулет занял свое место в кармане гимнастерки рядом с комсомольским билетом.

Глава 7

В штабе Ленинградского пограничного округа прибывших лейтенантов быстро распределили по разным частям. Никиту назначили командиром взвода в отряд особого назначения НКВД, которым командовал комдив Савельев. Отряд должен был обеспечивать левый фланг 8-й армии, не допуская просачивания противника в наш тыл.

Взвод оказался большим, шестьдесят человек. Все – опытные пограничники: коммунисты и комсомольцы, отличники боевой и политической подготовки, хорошие лыжники. Основная часть взвода не восприняла восемнадцатилетнего «сопляка», по версии одного из сержантов, сдавшего экзамены на командира с помощью шпаргалок. Отряд Савельева состоял из трех групп. Взвод Никиты входил в группу майора Храброва, которая насчитывала триста человек.

Никита так и не смог полностью овладеть новым телом. Все время возникали проблемы с координацией. Пройдя двадцать километров, он случайно сломал лыжу. Сказав Храброву, чтобы его не ждали, побрел пешком. Благо лыжня не позволяла заблудиться. По дороге остро заболел живот. Свиная тушенка не переваривалась новым желудком, а со свежими фруктами и овощами здесь зимой имелись трудности. Высмотрев большой валун, он зашел за него и провел там пять минут в расслабленном состоянии. В этом состоянии услышал тихую речь. Говорили по-фински.

Быстро оправившись, активировал маскировку и сделал небольшой прыжок в сторону на пятьдесят метров. Его способности, полученные в Агарте, стали потихоньку возвращаться. Та часть Карелии, в которой ему выпало воевать, находилась между Ладожским и Онежским озером. Она обладала огромной природной мощью. Особенно здесь была развита магия воды и земли, на каждом шагу встречались мощные валуны и скалы. В школе инструкторы определили у Никиты особую близость к духу Воды. Если кратко, то этот дух представлял собой структуру из сознательной высокодуховной энергии, которая вмещает в себя информацию о водных ресурсах планеты Земля, поскольку имеет свои частички-эманации во всех морях и океанах, реках и озерах, в каждом ручейке и в каждом бьющем из земли источнике. Все это многообразие находится под опекой духа Воды. Никиту научили сливаться с ним, предварительно взяв Обязательство, что он не причинит вред воде.

После прыжка Никита оказался в небольшом овраге, через

который протекал ручей. Стояли двадцатиградусные морозы, потому многие водоемы промерзли насквозь. После настройки внутреннего зрения, он стал видеть расположение всех финских солдат. Один отряд, который прошел чуть ранее, состоял из двухсот человек. Другой, шедший параллельно, имел в своем составе двести пятьдесят человек.

Они догоняли отряд Храброва, который устроил стоянку возле замерзшей речушки. Те не подозревали, что их окружает усиленный батальон, вооруженный пулеметами, автоматами и снайперскими винтовками. Почти все финны, входившие в диверсионные отряды, были меткими охотниками.

Никита быстро составил карту мест силы, чтобы была возможность телепортации, и приготовил винтовку к стрельбе. Он был вооружен винтовкой системы Симонова образца 1936 года. Майор Храбров любил проводить соревнования на привалах. Бойцы бегали, прыгали, стреляли, метали ножи и гранаты. Оказалось, что Никита хорошо стреляет. Ему торжественно передали винтовку Симонова со снайперским прицелом. Таких в Красной армии было немного. Знания Белова хорошо совместились со способностями тонких тел Никиты, улучшенных в Агарте. У тонких тел присутствуют все органы, которые есть у физического тела, только они проявлены в виде сферических чакр и кристаллов. К сожалению, физическое тело Белова имело множество патологий и деформаций, которые не позволяли раскрыть весь потенциал тонких тел, а главное, не пропускали достаточный объем энергии для длительного боя.

Достав четыре не полностью снаряженных магазина, Никита дозарядил их. В походном состоянии рекомендовалось держать в каждом по двенадцать патронов, чтобы пружина не ослаблялась. Винтовка была очень капризной. Высунувшись из оврага, он замедлил время. Пятнадцать патронов улетели в цель. Десять человек с криками рухнули в снег, получив ранения различной степени тяжести. Часть пуль не попали в цель. По условиям задания ему не рекомендовалось лишать людей жизни. Была бы возможность, он бы не стал участвовать в войне, но обстоятельства не оставили ему шанса.

Совершив прыжок через дорогу, он оказался с другой стороны от финнов, которые быстро распределились и залегли. Одна группа стала окружать то место, откуда по ним шла стрельба.

На стоянке отряда Храброва началась хаотичная стрельба. Предупрежденные пограничники вступили в бой. Прицельная дальность стрельбы винтовки составляла 1500 метров, а не прицельная дальность полета пули до 3 километров. Зрение Никиты могло приближать расстояние раз в двадцать. Высмотрев

командиров и пулеметчиков, он снова открыл огонь. Следующие тринадцать человек упали в снег, получив тяжелые ранения. Над его головой засвистели пули, а на спине появилась испарина. Разозленные, финны очень хотели поквитаться.

«Если я собираюсь так проводить свое время, то надо где-то добыть глушители», – мысленно сделал заметку Никита и снова совершил прыжок на сто метров, спрятавшись за камнем. Перезарядил магазины. Прикопав себя снегом, стал осматривать поле боя. Придя в себя после внезапного нападения, финны навалились на отряд. Храбров, в свою очередь, умело распределил людей в оврагах и между валунами, но у противника было явное преимущество в пулеметах и автоматах.

Забравшись на пятиметровый валун, Никита снова получил тактическое преимущество. Первым делом он выбил двух пулеметчиков. Затем снял командира, пуля попала тому в правое плечо. Потом увидел группу солдат, готовящих к стрельбе миномет. До них было далеко. Не меньше шестисот метров. Пришлось долго прицеливаться, делая поправку на ветер, но в результате пять пуль попали в цель. Следующей пуле не суждено было вылететь. Внутри винтовки что-то сломалось.

«Твою дивизию!» – испугался Никита, и в это же время его тело содрогнулось. Сзади в пяти метрах разорвалась граната, но амулет отразил почти все осколки, лишь один попал в ногу. Кровь, пачкая штаны, сильной струей стала стекать в валенок. Он зажал рану рукой и телепортировался на триста метров в сторону оврага, заросшего деревьями. Вот только прыжок прошел не совсем удачно. Сил для него не хватило. Отклонившись от намеченного курса, он столкнулся с разлапистой сосной и потерял сознание.

Никита пришел в себя, когда окончательно стемнело и повалил густой снег. «Ну кто же зимой начинает войны? Чай не в Африке живем…» – мелькнула некстати мысль. Он опять замерз, как в первый день появления в этом мире. Вдалеке послышался лязг танков. Это была 34-я легкотанковая бригада комбрига Кондратьева, оперировавшая в этом районе. Танкисты пришли на шум боя, спасая остатки отряда от поражения.

Оказалось, что выбраться из оврага с простреленной ногой и вывихнутым плечом сложно. Склоны оврага обледенели, и Никита все время соскальзывал вниз, а телепортация не работала. Энергии в теле хватало только на поддержание жизни. Вскоре послышались голоса, эмоционально обсуждавшие перипетии боя. Это были ребята из его взвода. После неудачных попыток докричаться до них Никита достал табельный наган и трижды выстрелил в воздух. Несколько человек направилось в его

сторону.

– Не стреляйте – это лейтенант Белов!

– Где вы, товарищ лейтенант?

– Осторожно – тут овраг, а я ранен. Принесите веревки, – прохрипел Никита, теряя сознание.

В себя он пришел через несколько суток в армейском госпитале, который располагался в Петрозаводске. В большой командирской палате стояло восемь коек, поток раненых не прекращался ни на день. Хирург, доставший осколок из его ноги, рассказал, что произошла большая кровопотеря. К тому же в рану попали инородные тела. Пока достали осколок и прочистили рану, началось заражение. Но теперь организм шел на поправку. Никита не стал помогать организму, усиливая регенерацию. Несколько недель в новом мире были какие-то суетливые. Он просто плыл по течению. Теперь появилась возможность подумать о своих дальнейших шагах.

Вся эта поспешная, отмороженная война Никите сильно не нравилась. Несколько дней он читал доступные ему газеты и аккуратно собирал информацию у раненых коллег. У него сложилась следующая картинка. Сталин понимал, что рано или поздно страны Запада нападут на СССР. Поэтому, начиная с 1936 года, пытался заключить договор с Финляндией для совместного отпора врагу. 12 октября Сталин предложил подписать Финскому государству договор о взаимной помощи. По положениям статей договора СССР предъявил требования о передаче в аренду полуострова Ханко и островов на территории Финляндии в обмен на часть земель в Карелии. Сталин хотел отвести угрозу от Ленинграда, и его можно было понять, но финны не хотели терять суверенитет над территориями, где проживали их граждане, и отвергли ультиматум.

Предлогом для начала конфликта стал эпизод у финского поселения Майнила. 26 ноября 1939 финскими артиллерийскими орудиями были обстреляны советские солдаты. Руководство Финляндии полностью отвергло данный факт и, скорее всего, финские войска не были к этому причастны. Маршал Маннергейм считался умным человеком и уж точно не был самоубийцей. 29 ноября СССР прервало дипломатическое сотрудничество с Финляндией. Эта война оказалась выгодна как Германии, так и британцам с французами. Все они поддерживали Маннергейма.

К сожалению, Красная армия, несмотря на перевес сил, оказалась не готова к войне. Руководство переоценивало свои силы и недооценивало силы противника. По радио все время пели, что от тайги до британских морей Красная армия всех

сильней. Вот только это уже было не так. Репрессии уничтожили опытных командиров, а в сентябре 1939 года армия увеличилась примерно в три раза. Вчерашние командиры взводов стали командовать батальонами, а командиры батальонов – дивизиями. Опыта современной войны ни у кого не было. В итоге командиры боялись проявлять инициативу, а слабо подготовленные красноармейцы им не доверяли. К тому же воевать в лесисто-болотистой местности во время суровой зимы было крайне сложно. Зато сами финны оказались хорошо подготовлены для войны в сложных условиях. Перед войной они разработали отличную одиночную тактику и не боялись действовать в тылу, ведь это была их земля, и они тут знали каждую кочку.

8-я армия, в которой он служил, не была полностью укомплектована, но ей поставили наполеоновские задачи. Разгромить хорошо вооруженные финские части, стоявшие на укрепленных рубежах. В итоге пять наших дивизий пошли в наступление по расходящимся направлениям. 18-я и 168-я стрелковые дивизии быстро попали в окружение, а остальные дивизии в полуокружение.

Финны разработали интересную тактику. Лесные дороги в Карелии узкие. Танкам и артиллерии было негде развернуться. Перед двигающейся колонной падало дерево, и начинался обстрел солдат финскими стрелками с флангов. Красная армия несла огромные потери. Также финны использовали бутылки с горючей смесью, которыми закидывали танки и броневики.

В итоге командарма Хабарова отстранили от должности, но ситуацию это не исправило. Новое командование не давало приказа на отход. Продукты и боеприпасы у окруженных частей заканчивались, а обозы к ним пробивались с трудом.

Но это заботы больших начальников. Никита стал обдумывать свою тактику. Несмотря на всю его подготовку, он был крайне уязвим. Оказалось, что быстро сделанный амулет – это защита последнего шанса. Опыта командования тоже практически не было. Его взвод воевал сам по себе. Никита мог легко преследовать группы противников или быть разведчиком-диверсантом…

Дверь со скрипом открылась, прервав размышления Никиты, и в палату вошел майор Храбров, в тщательно выглаженной форме, с орденом Красной Звезды на груди. Он получил пулю в плечо во время того злополучного боя.

– Приготовься! Скоро будут награждать, – предупредил он.

Вслед за ним вошла медсестра. Она принесла чистую командирскую форму Никите, на которой выделялся значок «Ворошиловский стрелок».

Вскоре в палату вошло еще шесть пограничников. Их всех выстроили в ряд. Первым в палату ворвался фотокорреспондент, ослепивший награждаемых командиров вспышкой. За ним вошла представительная делегация из трех генералов и их адъютантов. Из них Никита узнал только Буденного. Легендарный маршал подходил к каждому и вручал орден или медаль. После Храброва, у которого на груди засиял новенький орден Красного Знамени, Семен Михайлович подошел к Никите и вручил ему коробочку с орденом Красной Звезды.

– Поздравляю, товарищ Белов! – сказал Буденный, и этот момент зафиксировал фотокорреспондент.

– Служу трудовому народу! – хрипло ответил Никита.

После ухода начальства с ними долго беседовали корреспонденты. Этой странной войне нужны были герои, а их в России хватало во все времена. За ошибки начальников приходилось платить большой кровью рядовых исполнителей.

В школе Никиту обучили методу передачи мыслей на больших расстояниях. Поэтому, когда перед его глазами появился образ жены Харви – Камилы, он не удивился. В данный момент она работала в Хельсинки и предлагала встретиться. Никита с помощью особой техники подстегнул регенерацию и стал разрабатывать план проникновения в Финляндию.

* * *

В середине января Никиту и Храброва выписали из госпиталя в один день. Их вызвали в штаб 8-й армии, к помощнику командующего по охране тыла – Константину Ивановичу Ракутину. Новый начальник произвел на них благоприятное впечатление. Они сидели в кабинете Ракутина и рассматривали подробную карту Карелии с расположением наших и финских частей. Картина складывалась удручающая.

– 168-я дивизия была сформирована в сентябре прошлого года наспех и получила все типичные «детские болезни» второочередных дивизий. Она состоит из людей, основная масса которых никогда не служила в армии. За несколько месяцев трудно обучить воевать кого-либо в таких сложных условиях, – грустно описывал сложившуюся обстановку Ракитин. – В дивизии так и не был сформирован гаубичный артполк, а дивизионный автотранспорт, поступивший из разных ведомств и организаций, более чем наполовину требует ремонта.

– Понятно. На тебе, боже, что мне не гоже! – прокомментировал Храбров.

– Примерно так. Тем не менее в первые дни боевых действий 168-я продвигалась медленно, но без особых проблем. 10 декабря 402-й полк 168-й дивизии занял город Питкяранта, – ткнул Ракутин указкой в точку на восточном побережье Ладожского озера. После этого со стороны населенного пункта Сортавала подошли свежие финские части и начали окружение дивизии. 11 января противник вышел к Питкяранте и отрезал дорогу снабжения. Дивизия оказалась в полном окружении, уплотнив порядки и сохранив несколько важных высот, господствовавших над расположением дивизии. Вместо перерезанных коммуникаций по льду Ладожского озера проложена дорога, которую финны, несмотря на постоянные обстрелы и попытки нападения на обозы, так и не сумели уничтожить. Задача вашего отряда – обеспечить беспрепятственную проводку обозов и уничтожение всех, кто этому мешает.

* * *

Перед отправлением в отряд Никита зашел на армейский склад боепитания, чтобы взять новое оружие. Старшина стал подыскивать Никите снайперскую винтовку.

– А почему у меня винтовка Симонова отказала? – поинтересовался он у оружейника.

– Не у вас одного, товарищ лейтенант. Наши инженеры считают, что из-за низких температур некоторые детали не выдерживают и ломаются. Сейчас по ночам минус сорок.

– Что посоветуете?

– Возьмите самозарядную винтовку Токарева. Ее финские снайперы сильно жалуют, – передал ему старшина длинную винтовку со штыком.

– Штык мне не нужен. Отсоединяй.

Старшина резво убрал штык.

– Какая дальность?

– Прицельная дальность 1500 метров. Емкость карабина 10 патронов.

– Беру. Дай магазинов побольше и пять гранат…

В 168-й стрелковой дивизии подходили к концу боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Пробиться в расположение дивизии по дороге Питкяранта – Китель было невозможно. Единственный путь пролегал по льду Ладожского озера мимо занятой финнами группы небольших островов. Дорога эта проходила в полутора километрах от берега и впоследствии

получила название «дорога смерти».

Большой обоз, насчитывающий сотни саней, вышел в путь еще затемно. Возглавлял обоз взвод Никиты. Оставив взвод, он ушел вперед к островам, на которых таилась засада. Прыжками в полсотни метров, чтобы сильно не тратить энергию, он достиг первого островка. Телепортация получалась все лучше. На островке было пусто. Перебрался на второй и, активировав ночное зрение, обнаружил три цели. Снайпер сидел на высокой сосне, опираясь на люльку. Внизу стояли автоматчик и сапер.

«Значит, тропинки заминированы». Он попытался почувствовать, где мины. Холодный, не живой металл обнаружить не получалось, а время поджимало. Скоро покажется обоз. Решил не мудрить. Сделал длинный прыжок и оказался в десяти метрах от группы. Сразу парализовал их, послав мощный импульс. Теперь они долго не очнутся.

Ударами по щекам разбудил сапера. Выяснил, что он понимает по-русски. Введя в состояние гипноза, допросил. Карта минных ловушек была у того начерчена в блокноте. Прыжками добрался до конца острова и фонариком просигнализировал, что путь свободен. Через десять минут к Никите подошел его взвод во главе с лейтенантом Алексеевым, недавно назначенным политруком отряда. Он досрочно закончил Ново-Петергофское военно-политическое пограничное училище войск НКВД имени К.Е. Ворошилова и был прекрасным лыжником, чемпионом своего училища. После того памятного боя и ранения пограничники Никиту признали, но командование взводом он старался переложить на других. Ему нравилось действовать одному, хотя это и было не по уставу.

Никита провел взвод на остров, отдав саперу – сержанту Мухину блокнот финского коллеги. Быстро допросили остальных пленных. Те не особо запирались. На третьем острове располагался полноценный взвод. Две снайперские группы, три миномета и пулемет. Никита решил атаковать финнов с западной части острова. Там был расположен замаскированный снайпер. Хотя как таковых снайперов у финнов не было. Просто почти все мужчины были охотниками и умели метко стрелять.

Стреляли обычно в командиров, их выделяли полушубки и кобуры. Охотник прятался в укромном месте, построенном из еловых веток и укрытом снегом. Если специально не искать, трудно заметить. Но Никита знал, как искать.

Выйдя из портала возле одного такого места, он быстро облучил кукушку параличом. Забрав винтовку и патроны, снова посигналил своим. Когда пограничники подошли к острову, Никита вместе с Алексеевым быстро распределили все цели.

Первым атаку начал Никита, подстрелив пулеметчика. Пограничники, незаметно подобравшись на близкое расстояние, закидали финнов гранатами. Удар был внезапным, и враги еще толком не проснулись, поэтому у взвода потерь не было.

Удалось захватить командира финского взвода. Молодой парень, только из училища, хорошо говорил по-немецки, знания которого полностью усвоились Никитой. Подарок Белова оказался очень кстати. Лейтенант рассказал о задачах взвода и о времени подвоза обеда. Финны на этом направлении пока никого не ждали. Выставили взвод на всякий случай.

Вскоре показался обоз. Взвод во главе с Алексеевым остался на островах, а Никита ушел во главе обоза. На оставшемся пути их не потревожили. Вскоре обоз встретили разведчики дивизии. Короткой дорогой они привели его к штабу, где началась быстрая выгрузка.

Из штаба вышел начальник штаба дивизии Королев. К нему подошел Храбров и передал какие-то документы. Никита с санями, загруженными медикаментами, подъехал к медсанбату, расположенному в соседних землянках. Началась быстрая погрузка. Ею командовала уставшая докторша лет тридцати, в форме капитана.

– Кладите, в первую очередь, тяжелораненых.

Санитары с трудом стали выносить раненых. Голод и утомление сказывались на них. Ездовые кинулись им на помощь. Докторша достала папиросу и попыталась прикурить. Порывистый ветер задувал спичку. Никита подошел к ней и щелкнул зажигалкой.

– Лейтенант Белов, – представился он. – Много раненых, товарищ капитан?

– А! Это вы привели обоз. Капитан Игнатьева Вера Андреевна. – Она глубоко затянулась, закрыв усталые глаза. – Раненых много, но еще больше обмороженных и больных. Сегодня ночью было минус пятьдесят.

– А чем болеют?

– Воспаление легких, бронхиты, простуда почти у всех. Ничего не слышно, когда нас вытащат или дадут приказ на отход? – В ее голосе слышалась надежда.

– Извините. Меня не ставили в известность. Приказано провести обоз и забрать раненых. Постарайтесь загрузить по максимуму. Боюсь, завтра так легко не пройдем. Ходячие раненые пусть меняются. Надо пройти примерно семнадцать километров, а потом всех посадят на машины.

Обратно успели уйти по светлому. Королев собрал усиленную роту с минометчиками. Они должны были прикрывать дорогу,

заняв острова. Никита провел командира роты к островам и показал трофейные минометы. Вскоре взвод соединился с обозом, который беспрепятственно добрался до безопасного места.

В Видлице произошла пересадка. Раненых посадили на машины и отправили в направление на Лодейное поле. От него до Ленинграда было более двухсот километров. Часов за семь можно доехать.

Никита занимался загрузкой боеприпасов, когда его вызвали в штаб. Возле штаба стояла машина Ракутина. Перед входом в избу Никита отряхнул валенки.

– Заходи Белов. Наливай себе чай.

На столе стоял самовар, рядом на блюдце лежали сушки.

– Здравия желаю, товарищ комбриг! – приветствовал он начальство. Затем подошел к печи и прислонился к ней спиной.

– Скажи, Белов, ты сможешь завтра провести обоз тем же путем? – спросил Ракутин.

– Смогу. Но легкой прогулки не будет. Финское командование уже знает наш новый маршрут. Значит, подтянут резервы. Вдоль пути посадят кукушек и корректировщиков, но идти все равно надо. А если не секрет, куда товарища майора? – кивнул он на Храброва.

– Майора Никитенко убили. Он занимался тем же самым, что и ты, только в 18-й дивизии, – с грустью ответил Ракитин, который очень уважал Никитенко.

– Надо не отличаться от красноармейцев. Я, например, снял кобуру. По-хорошему и полушубок надо снять, но он очень теплый. Скажите, товарищ комбриг, меня сегодня спрашивали, когда их дивизию выручат или дадут приказ на отход?

– А! – махнул рукой Ракитин. – Командарм уже звонил и в Ленинград, и в Москву. Там, – показал он пальцем вверх, – запретили отступать!

– Понятно. Тогда я прослежу за погрузкой и посплю несколько часов. Завтра опять с разведкой выйду рано.

Спалось плохо. Никита представлял себя на месте финского генерала и пытался предвидеть его действия. Рано утром холодный воздух быстро взбодрил его. За два часа до рассвета собрался в дорогу. Караван повел Алексеев. При выходе на озеро Никита остановился и облокотился спиной к сосне. Закрыв глаза, попросил сержанта Миргачана Силантьева, потомственного тунгусского охотника, не беспокоить.

– С духами разговаривает, как наш шаман! – с уважением объяснил сержант другим пограничникам.

«Да! Странная слава пошла обо мне. Но сейчас это не важно,

главное – спасти побольше людей», – подумал Никита.

Соединившись с духом Воздуха, он облетел дорогу на пять километров вперед. Ничего подозрительного не увидел. Взвод преодолел этот участок за час. Добравшись до намеченного ориентира, Никита присел в сугроб. Прикрывшись плащ-палаткой, снова произвел разведку. Впереди, в трех километрах, обнаружил что-то живое. Подлетев поближе, заметил финского наблюдателя. Он лежал в палатке белого цвета в километре от ледовой дороги. В руках держал хороший немецкий бинокль. Рядом стоял телефон. Никита пролетел вдоль замаскированного провода, покрашенного в белый цвет, и в полукилометре, за маленьким островком обнаружил батарею минометов. Ее защищали два пулемета и взвод пехотинцев. Дальше путь до островов был чист.

– Со мной идет отделение Силантьева, – приказал Никита, закончив разведку. – После того как мы уничтожим засаду, остаетесь с минометами. На обратном пути заберем вас. Остальные сопровождают обоз.

Длинным прыжком телепортировался к корректировщику. Оглушил его и связал руки веревкой. Начальник разведки постоянно просил пограничников доставлять к нему новых пленных. Информации о противнике катастрофически не хватало. Фонариком Никита посигналил своим бойцам, которые подошли к нему минут через сорок.

– Через десять минут начинайте выдвигаться к островку.

Силантьев кивнул в ответ. Появились первые лучики солнца, значит, уже полдесятого.

Отойдя от отряда метров на триста, Никита прыгнул на окраину острова. Островок был небольшой – метров двести в длину и семьдесят в ширину. Поднявшись на гранитный валун, он первым делом выстрелил в пулеметчика. Три гранаты удачно легли между палатками, из которых выбегали заспанные финны. После этого совершил прыжок в другой конец острова, где располагалась минометная батарея. Минометчики беспомощно оглядывались на своего офицера, тщетно пытающегося понять, откуда приходит смерть. Никита, чтобы не лить лишнюю кровь, с помощью гипноза усыпил компактно стоящую группу. Вскоре подошли пограничники во главе с Силантьевым и быстро довершили разгром противника, закидав их гранатами. Когда взяли под контроль остров, быстро допросили пленного лейтенанта. Оказалось, что их взвод входит в состав резервного батальона, которому поставили задачу перерезать дорогу по льду.

Оставив Силантьева за главного на острове, Никита вернулся к обозу и приказал еще ускориться. Через два часа прибыли к

штабу. Его встретил командир дивизии полковник Бондарев. Поблагодарил за доставку обоза и сильно обеспокоился новыми разведданными. Быстро забрав раненых, обоз отправился в обратную дорогу. С ними уходил неполный взвод минометчиков. Когда проходили мимо островка, где осталась группа Силантьева, услышали звуки боя.

– Андрей, уводи обоз! – приказал Никита Алексееву. – А мы с минометчиками к Силантьеву. Выстави боковые дозоры. Доложи Ракутину, чтобы прислали резерв для охраны островов. Если они нас выбьют, то 168-я окажется в полном окружении.

– Сделаю.

Никита вместе с минометчиками побежал к островку. Точнее, он побежал, а минометчики, кашляя, пошли быстрым шагом. Добежал за пятнадцать минут и разыскал Силантьева. Тот стрелял из пулемета по вспышкам.

– Докладывай, Миргачан. – Никита лег рядом.

– Противник подошел два часа назад. Примерно рота. Погиб Корниевич, и тяжело ранен Самойленко. Снайпер снял. Мы пока их отогнали, но уже стемнело. Как бы гранатами не забросали.

– Я там минометчиков привел. Покажи им все и приставь человека к корректировщику, – приказал Никита, пересчитывая оставшиеся патроны. Двести штук. Нормально.

– А вы? – спросил Силантьев.

– А я пойду на ночную охоту, – ответил Никита.

Тунгус недобро ухмыльнулся.

* * *

Никита удобно устроился в овраге и слился с духом Воды. Каждый раз этот навык срабатывал все легче. Картина выходила не очень радостная. Отряд Белова основательно обкладывали. Финская рота, одетая в белые маскхалаты, полностью сливались с ландшафтом. Никита составил план действий, с учетом того, что сил у него оставалось мало. Последние два дня потребовали много энергии, а зимой, в сильный холод, она восстанавливалась медленно.

Скрывшись от наблюдения глазастых пограничников, Никита сделал длинный прыжок в сторону командного пункта финнов. Возле командира роты находилось три человека. Подобравшись к ним на расстояние десять метров, усыпил всех гипнозом. Его способность работала только на таком расстоянии. Затем разбудил командира роты и допросил его. Тот выложил, что ожидает пушку «Бофорс». Утром будет атака на все острова. Из

города Сортавала идет резервный полк.

Затем началось «избиение младенцев». Телепортация и ночное зрение – это сильное преимущество в ночном бою. Сорок минут – и угроза нападения временно устранена. В этот момент у Никиты некстати заговорила совесть. Было неприятно лишать жизни парней, которые защищают свою страну. Успокаивал себя тем, что финская армия неминуемо примет активное участие в блокаде Ленинграда.

Во время боя Никита потратил много сил, в том числе и моральных. Чтобы немного восстановиться, он залез в трофейную палатку и попытался отдохнуть. Внезапно перед глазами замелькала отметка Камилы. Она была совсем рядом, в районе Сортавалы. Мелькнула даже мысль тотчас отправиться к ней. Вот только сил совсем не осталось.

«Жди! Скоро буду!» – мысленно отправил ей он короткий посыл. После чего провалился в сон на два часа.

Пробуждение пришло резко. Кольнуло ощущение опасности. Никита быстро осмотрелся и увидел грузовую машину, к которой была прицеплена пушка. Она медленно двигалась по занесенной снегом дороге. Совершив два прыжка, Никита вышел на дорогу и поднял руку, преграждая машине путь. Когда она остановилась, Никита подошел к кабине и усыпил водителя. Его ноги подкосились, и он рухнул на дорогу. Ментальное тело полностью истощилось. Сильно хотелось спать.

С трудом связав пленного ремнями, он сел за руль и поехал к острову. Остановил машину за сто метров перед островом и стал сигналить фонариком. Простейшие сигналы знали все пограничники. Вскоре подошел Силантьев с водителем, который отвез машину в укромное место за островом. Когда отсоединили орудие и выгрузили из кузова снаряды, Никита сказал водителю:

– Андронов, отвезешь пленных и передашь мое сообщение Ракутину, Храброву или кому-нибудь из штаба. Пусть пришлют помощь и артиллеристов, – после чего пошел в трофейную палатку, где и уснул до утра.

– Товарищ лейтенант. Наши! – разбудил его в шесть утра Силантьев. Никита вышел из палатки, сонно потирая глаза. Силантьев привел его к месту, где ночью расположили пушку. Рядом с ней стояло два командира.

– «Бофорс». Калибр 37 мм, товарищ капитан, – сказал командир с планшетом на боку.

«Новичок», – подумал Никита.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – представился он второму.

– Капитан Большаков. Мой батальон меняет вас. А вы срочно направляйтесь в распоряжение комбрига Ракутина, – рыкающим голосом распорядился капитан.

– Старший лейтенант Томилин, – представился артиллерист. – Как вы умудрились захватить пушку?

– В засаду их заманили. Силантьев, сворачиваемся, – обернулся Никита к своему сержанту.

– Лихие вы парни, пограничники, – сказал капитан.

– Удачи! Нелегко вам придется! – попрощался Никита со сменщиками.

– А где сейчас легко? – пробурчал капитан.

Через три часа отряд Белова прибыл к штабу армии. После того как Никита привел себя в порядок и быстро поел, его отвели в штабную избу. В комнате, кроме Ракутина, находился Храбров и какой-то незнакомый майор.

– Поздравляю, лейтенант! За беспрепятственное прохождение конвоя и захват пушки тебя представили к медали «За отвагу», – сказал Ракутин Никите.

– Служу трудовому народу! – выпрямился он.

– Майор Петров из штаба армии введет в обстановку и получишь новое задание. Бери чай и располагайся возле карты, – приказал комбриг.

Дежурный принес хорошо заваренный чай в мельхиоровом подстаканнике.

– Война для 18-й стрелковой дивизии началась 30 ноября 1939 года в 8 часов утра. К 19 декабря дивизия продвинулась на сорок километров в западном направлении и овладела Южным Леметти. Первые бои велись за села Уома и Лаваярви, – водил указкой по карте майор Петров. – Бойцы столкнулись с непривычной им тактикой финнов – колонна упиралась в завал, устроенный на дороге, и, как только саперы приступали к расчистке, – начинался их обстрел кукушками. А по утрам, из леса, выскакивала группа лыжников с двух или трех сторон. Постреляют пять – десять минут из-за деревьев и обратно в лес. Цель – запугать людей. Им это удалось. Много потерь: самострелы и дезертиры. Дивизии в усиление была придана 34-я легкотанковая бригада под командованием комбрига Кондратьева. И вся эта армада двигалась на запад по узкой дороге, пока не уперлась…

– А это не та танковая бригада, которая нас выручила? – оглянулся Никита на Храброва.

– Она самая. Теперь их надо выручать, – сказал Храбров, поправляя свой новый орден.

– 28 декабря финны, скрытно пройдя лесными дорогами,

вышли к Лаваярви и, пользуясь внезапностью, захватили гарнизон, – продолжил Петров. – Бой длился почти весь день, но наши не смогли сковырнуть финнов обратно. Дорога на Петрозаводск была перерезана. Вторая группа финнов ударила по Уома. Телефонная связь с центром прервалась, видимо, провода перерезали, а по рации не связаться.

– Уома – это тыл дивизии. Там расположены склады продовольствия, снаряды, патроны, бензин, фураж для лошадей, оборудование, – уточнил Храбров.

– Обоз, везущий зимнее обмундирование, не смог пройти через финнов, и рядовой состав дивизии мерзнет без полушубков, валенок и ватников. Комдив Кондрашов не захотел идти на выручку тыловым гарнизонам.

– Почему? Ведь без тылов много не навоюешь? – изумился Никита.

Майор Петров замялся с ответом.

– Тогда надо было бы отказаться от наступления. Нарушался график и приказ командования, – оторвался от чтения документов Ракутин.

«Еще не затихли репрессии. Все запуганы. Любой донос – и ты враг народа. В итоге гибнут люди», – подумал Никита, и ему стало грустно.

– В начале января финны начали окружать южное и северное Леметти. – Никита внимательно запоминал отметки. Не просто так ему все это показывают. – С постов стали пропадать часовые, и лишь утром обнаруживалась уходящая в лес лыжня, говорящая, что ночью в гарнизоне опять побывали финские разведчики. 3 января на гарнизон с трех сторон пошли финны. Они рвались к штабным землянкам. Знали, кто и где сидит. Атаку отбили, но финны тайно подтянули артиллерию и ежедневно стали обстреливать позиции дивизии. Комдив Кондрашов по согласованию с комбригом Кондратьевым издал приказ об организации круговой обороны. Особенно досталось неподвижным танкам. Телефонная связь с полками была нарушена, а потом восстановлена.

– Видимо, восстановили финны. Скорее всего, вся телефонная линия прослушивается, – сказал Храбров. – А еще активизировались снайперы. Передвижение по гарнизону стало опасным. Наши разведчики взяли пленных. Они рассказали, что руководит окружением Южного Леметти майор Аарнио Матти Армас, командир 4-го егерского батальона.

– И?.. – Никита вопросительно посмотрел на Храброва.

– Его называют Мотти. Матти – финское название котла на военном сленге.

– И этот «мастер котлов» всего лишь командир батальона? Не очень его там ценят, – тихо проговорил Никита.

– Ему в подчинение передали еще шесть батальонов, – услышал его Храбров. – Он здесь знает каждую тропку и быстро перебрасывает резервы. Финские самолеты разбрасывают листовки, где предлагают обменивать оружие и даже танки на деньги.

– И много дают за танк? – заинтересованно спросил Никита.

– Десять тысяч, – ухмыльнулся Петров. Бойцы, конечно, смеются, но на душе у них тревога, сумятица и страх. А самое главное – голод и морозы, к которым наши не готовы.

– Ладно, товарищи! Основное сказано, – прервал Петрова Ракутин. – Вчера утром в штаб армии пришла тревожная телеграмма.

Комбриг передал Никите листок бумаги. На нем было написано:

«Положение критическое. Командные пункты полков беспрерывно атакуются. В ротах осталось по тридцать – сорок человек. Тылы не прибыли. Требуется срочная эффективная помощь, иначе будет поздно».

– Прочел? – забрал Ракутин шифрограмму. – Твои подчиненные говорят, что ты можешь незаметно пробраться куда угодно. Это так?

– В этом есть определенно преувеличение, товарищ комбриг, но я действительно вижу ночью, почти как днем, – осторожно ответил Никита.

– Хорошее качество для пограничника и разведчика, – задумчиво проговорил Ракутин. – Тогда у нас есть задание для тебя. Нужно проникнуть в расположение штаба 18-й дивизии и передать им новую рацию и запасные батареи. Справишься?

– Сделаю, – не раздумывая ответил Никита. – Только мне нужно отдохнуть. Очень устал. А выходить лучше в полночь. К утру будем там.

– Детали обсудите с Храбровым и Петровым, – напутствовал его комбриг.

Группа вышла в путь после полуночи. С собой Никита взял Силантьева и еще пять пограничников, которые тише всех передвигались в лесу. В санитарной роте выпросили сани для перевозки раненых. Их мог утащить один человек. На них положили рацию с запасными батареями и медикаменты. Никита после обсуждения маршрута завалился спать на хорошо протопленную печь. Стихия Огня и плотный ужин полностью восстановили его силы. Разведчики довели до места

соприкосновения с противником и договорились, что будут ждать в этом месте три дня.

Никита, заняв удобную позу, обследовал путь вперед на пять километров. Сплошных окопов не было. В трех километрах обнаружился замаскированный дзот, перекрывавший тропу. Финны умели быстро возводить такие сооружения. Как правило, перед дзотом выставлялось минное поле.

«Ничего, прорвемся. Финны чувствуют себя в безопасности. А я снова буду прыгать», – мысленно подбодрил себя Никита. На расстоянии примерно километра до дзота он остановил группу. Эта ночь была особенно холодной. Не меньше минус сорока пяти градусов. Финны вели себя спокойно. Отойдя от своих бойцов, Никита прыгнул прямо к дзоту, возле которого курил часовой, выпуская дым колечками. Сразу усыпил его коротким импульсом. Часовой упал в сугроб, автомат тихонько лязгнул, никого не разбудив.

Никита осторожно открыл дверь и быстро осмотрел помещение. Все же дверь тихонько скрипнула, на звук обернулся солдат, подкладывающий дрова в буржуйку. Никита мгновенно усыпил всех. Почувствовав отток сил, он присел возле печи, восстанавливая энергию. В дзоте находилось четыре человека. Отдохнув, втащил часового в дзот и быстро всех обыскал. У пожилого сержанта нашел листок с картой минных ловушек. Обойдя ловушки, посигналил фонариком, и уже через пятнадцать минут группа отогревалась в дзоте. Допрос командира отделения не занял много времени. Выяснилось, что до утра их не хватятся. Лишь в полдень придет боец с горячим питанием.

Посоветовавшись с Силантьевым, Никита послал бойца за разведчиками. Остальные стали снимать одежду с пленных. Было очень холодно, а окруженцы умирали от обморожения, из-за отсутствия теплой одежды. Финнам была привычна такая погода, и, что более важно, они были соответствующим образом одеты. Одежду они носили слоями. «Принцип луковицы»: теплое белье, свитер, брюки и теплая куртка, а поверх всего этого маскировка из белых простыней. Эти накидки и капюшоны лыжных патрулей делали их похожими на форму американского ку-клукс-клана.

Любой из предметов одежды можно было в случае необходимости легко снять. В экипировке финнов имелось множество самых разнообразных вязаных вещей. Вещи эти были с любовью связаны пожилыми дамами, домохозяйками, молодыми девушками – всеми, кто умел держать в руках спицы. Вязались нагрудники, подшлемники, шарфы, перчатки и носки, подчас не очень элегантные, зато очень теплые и удобные…

Вскоре подошли разведчики во главе с лейтенантом,

которого, как и Никиту, досрочно выпустили из пехотного училища. Пограничники, аккуратно упаковав теплые вещи, отправились дальше. Прошли десять километров, замирая от каждого звука, но никого не встретив. По карте через шесть км должны были выйти к своим. Поэтому удвоили осторожность. Никита опять просканировал местность и обнаружил большой палаточный лагерь, который его группа обошла по дуге, и вскоре услышали звуки пулеметной стрельбы.

Силантьев, незаметно подобравшись к пулеметчику, ударил его прикладом в затылок. Вскоре группа, обогнув мины, которые Никита почувствовал с расстояния трех метров, вышла в расположение дивизии.

Никиту привели к усталому и какому-то равнодушному командиру дивизии Кондрашову, которому он передал пакет из штаба армии. Прочитав его, Кондрашов вызвал дивизионного радиста. Молодой сержант в круглых очках очень обрадовался новым батареям.

– Когда думаете возвращаться? – спросил Кондрашов.

– Сегодня вечером. У нас с собой пять комплектов теплой одежды и немного лекарств.

– Хорошо. Отдайте их в медсанбат, – приказал Кондрашов. – Перед уходом зайдите в штаб. Я передам вам пакет для командующего армией.

Начальник медицинской службы дивизии, с петлицами подполковника, вышел из операционной в окровавленном халате.

– Лейтенант Белов. Вам посылка с лекарствами, товарищ подполковник. – Глаза подполковника загорелись.

– Что там? – с надеждой спросил врач.

– Не знаю, товарищ подполковник, – пожал плечами Никита.

– Маша, прими! – приказал врач медсестре. – А вас, молодой человек, прошу следовать за мной.

…– А позавчера, 16 января, стало для нашей дивизии одним из самых страшных дней. Мороз – сорок градусов, а ночью доходило до пятидесяти градусов. Многие часовые отморозили руки и ноги. Медсанбат переполнен. А вторая беда – бесконечный артобстрел весь день. Впервые прилетели финские бомбардировщики и произвели прицельную бомбардировку гарнизона. Да вы пейте, лейтенант…

Никита отхлебнул чая без сахара. Кипяток с хвоей лучше, чем ничего, когда нет заварки.

– Во время обеда объявили, что столовая закрывается. Слишком велик риск передвижения людей по гарнизону, к тому же нет мяса, хлеба, все остальное подлежит тщательному учету и

выдается сухим пайком в подразделения. Лошадей уже всех съели – некоторых зарезали, другие околели сами по себе. Ни овса, ни сена в запасе нет.

Никита вздохнул. Ему тоже все это не нравилось, а как изменить ситуацию, он не знал.

– Но все же гарнизон яростно сопротивляется и сдаваться не собирается. Скажите, товарищ лейтенант, возможно провести раненых? Ведь вы же как-то прошли? – затаив дыхание, с надеждой спросила капитан Балуева – опытный хирург-травматолог, севшая слева от Белова.

– Прошли тренированные пограничники, – задумался Никита. – Хотя. Сани освободились. Думаю, одного раненого мы можем захватить.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – услышал он и отключился.

* * *

Утром Никиту разбудил шум боя. Быстро приведя себя в порядок, пошел выяснять, что происходит. Вскоре увидел группу в танкистских шлемах. Они несли на носилках своих товарищей в госпиталь. Никита разговорился со старшим лейтенантом Лемешевым, раненным в руку. Оказалось, что это прорвался из Северного Леметти небольшой отряд танкистов из 34-й легкотанковой бригады. Их там тоже окружили.

– Артиллерия первым делом уничтожила бензовозы и обездвижила танки. Сами машины старались не уничтожать, а только повредить, танки финнам самим нужны, и они старались их захватить, – рассказывал танкист. – Когда положение стало совсем безнадежным, было принято решение прорываться к своим, в Южное Леметти. Мы уничтожили оставшиеся танки, взорвали и сожгли около пятидесяти машин.

Из избы вышел доктор.

– Ну? – подскочил к нему лейтенант.

– Ваш комбат жив. Осколки я убрал. Но если через сутки не доставить его в нормальный госпиталь, то он умрет.

– И что же делать? – Лейтенант умоляюще посмотрел в глаза начальнику госпиталя.

– Ночью в тыл уходит группа Белова. Он обещал взять одного тяжелого. Мы хотели дать ему Настю – нашу медсестру. Она попала под бомбежку. Осколок рядом с позвоночником. Здесь оперировать невозможно.

– Слушай, Белов! Возьми еще и комбата. Где один, там и двое пройдут. Вот такой мужик. Не дай ему пропасть!

– Да я бы всех взял, но идти придется быстро. Финны хорошо бегают. После того как снимем пулеметчиков, уйдем в отрыв. За два часа надо выйти к нашим. А бежать придется в темноте и по буеракам. Растрясем.

– Пожалуйста. Титов многих наших спас, – с надеждой попросил танкист.

– Ладно. Возьму. Только тащить его будешь сам. Мои ребята вас прикроют. Доктор! Что у него с рукой?

– Кость не задета. Две недели лечения – и снова в строй. Только какое тут лечение, – махнул рукой доктор.

В общем, Никиту уговорили взять трех тяжелых и девять раненых ходячих. Третьим тяжелым был командир роты разведчиков. Наступил на мину, и ему оторвало ступню. Зато уточнил место расположения финских лагерей. Возле одного из них и решили проскочить.

Сборный отряд уходил оврагом. На другом его краю стоял пулемет, все дно было усеяно минными ловушками. Разведчики знали, когда будет пересмена у финских пулеметчиков. И в девять часов вечера Никита, создав портал, вышел позади двоих пулеметчиков. С помощью гипноза взял их под контроль, после чего быстро допросил. Узнав о расположении постов, посигналил Силантьеву, чтобы тот начинал движение. Свет фонарика стал тусклым, батарейки почти разрядились. Незамедлительно свою работу начал сапер. За двадцать минут он дошел до Никиты, прихватив несколько мин.

Никита внутренним зрением осмотрел тяжелораненых и незаметно запустил в них плетение малой регенерации. До госпиталя должны были дотянуть. Отряд Белова старался идти быстро, особенно когда вышли на наезженную дорогу. Позади обоза Силантьев расставлял мины.

Выходили к нашим постам возле большой ели, в ветвях которой затаился финский снайпер. Никита застрелил его с расстояния трехсот метров. Сапер снял две мины, и отряд через полчаса оказался в расположении пехотного полка. Их встречал полковой особист, которого по рации предупредили о выходе группы Белова. Он организовал грузовую машину, в которую переложили раненых. Все они добрались до медсанбата живыми. Пограничники доехали до штаба на санях. Доложившись Храброву, Ракутин уехал в Петрозаводск. Никита заснул без сил. Впрочем, сон их не особо добавил. Всю ночь снились кошмары. К нему приходили убитые горем родственники финских солдат…

Глава 8

Утром Никиту вызвали в штаб. В накуренной комнате сидело много командиров из разных отрядов. Обычно они занимались своими делами и редко собирались вместе. Служба охраны тыла армии дело хлопотное. Тем более когда несколько дивизий армии оказались в окружении. Вошел Ракутин вместе с майором Петровым. Все дружно встали.

– Майор Петров кратко доложит последние новости, – сказал Ракутин и сел во главе стола.

– Вчера днем по направлению к 168-й стрелковой дивизии выехал обоз в составе ста шести подвод. Дорога оказалась перегороженной. Ночью в лед были вморожены столбы и натянута колючая проволока в два ряда. Когда обоз прорвал первый ряд и дошел до второго, с двух сторон начался пулеметный огонь. Назад прорвалось только пять подвод.

В комнате раздались гневные возгласы.

– Итак, товарищи! – устало сказал Ракутин. – 168-я, как и 18-я, оказалась в полном окружении. Какие будут предложения?

– Нужно отбивать острова. Что для этого делает штаб армии? – спросил моложавый полковник. Его отряд действовал где-то севернее.

– Из Борисполя, что под Киевом, переброшена 204-я воздушно-десантная бригада. Она до конца января отрабатывает ведение боевых действий в лесисто-болотистой местности в зимних условиях. Без подготовки бросать ее в бой не имеет смысла, – переглянувшись с Ракутиным, ответил Петров.

– Нужно увеличить сброс грузов с самолетов, – посоветовал Храбров.

– У финнов хорошее зенитное прикрытие, поэтому приходится сбрасывать грузы с большой высоты ночью на костры. Финны тоже стали их зажигать, и многие грузы попадают к ним. Другие грузы сильно повреждаются при падении, – ответил Ракутин. – Еще идеи?

– Разрешите! – решив воспользоваться шансом, поднял руку Никита.

– Давай, лейтенант, – подбодрил его комбриг.

– Финские артиллеристы расстреляли 34-ю бригаду из пушек и постоянно обстреливают окруженные части. Разрешите мне отправиться в Сортавалу и уничтожить склад боеприпасов. Это будет лучшая помощь нашим дивизиям.

Ракутин и Петров переглянулись.

– Обсудим это позже с начальником разведки армии, –

ответил комбриг и закончил совещание.

Целый день ушел на согласование плана операции. Идея командованию понравилась, но Никиту не хотели отпускать одного. И все же он убедил командование, что одному ему будет действовать легче, а в случае неудачи потерь меньше. Начальник разведки отметил на карте, которую передал Никите, склады боеприпасов. Он очень надеялся на удачу.

На следующий день, как только стемнело, Никита через Ладожское озеро отправился в Сортавалу, конечную цель 8-й армии. Шел налегке, на хорошо смазанных лыжах. Ему дали мину весом в пять килограммов, которую он уложил на дно рюкзака. Сверху ее прикрывал запас продуктов на двое суток и двести штук патронов. Пройти предстояло по прямой восемьдесят километров. Одет он был в форму финского пехотного лейтенанта. Перед выходом фельдшер забинтовал ему голову. В городе он должен был выглядеть как офицер, находящийся на излечении.

Лед Ладожского озера, изобилующий торосами, не предполагал быстрой ходьбы. Поэтому пришлось идти по наезженной дороге. Вскоре показались острова, занятые противником. Обойдя их по дуге, Никита ушел в отрыв. Главное – не сломать лыжи и выдержать темп. До города добрался за два часа до рассвета. Лыжи оставил в укромном месте, на берегу.

На расстоянии пяти километров от города он стал свободно общаться с Камилой с помощью телепатии – универсального языка галактики. Она ожидала его в доме, где снимала комнату вместе с подружкой. Подружка была на работе, поэтому Никита сразу прошел в дом. После дружеских объятий и нескольких кружек чая, настоянного на каких-то редких травах, он восстановил силы и настроился на длительный разговор. Камила выглядела лет на двадцать. Вот только ее симпатичное овальное лицо портили узкие губы, короткая стрижка и мешки под глазами.

Разговаривали они по-немецки. Благодаря Белову Никита хорошо понимал этот язык, но для уверенного общения нуждался в разговорной практике.

– По линейному времени этого мира мы с Харви оказались здесь десять лет назад. Харви досталась состоятельная швейцарская семья, владевшая фармакологической компанией. Их единственный сын получил травму ныряльщика – прыгнул в воду и ударился лбом о дно. Пострадали шейные позвонки, у юноши отказали ноги и кисти. Он много раздумывал над самоубийством, но на него вышли наши люди и предложили обмен телами. Юноша с радостью согласился.

Камила налила себе чаю и сделала небольшой глоток.

– А ты? – сооружая себе бутерброд с сыром, спросил Никита.

– А я? – задумалась Камила. – Дочка авиамеханика из Мюнхена заболела скарлатиной. После смерти ее место заняла я. Несколько месяцев выясняла, где Харви? Затем долго переписывались с ним. Только через полтора года мы с отцом поехали в Женеву, рядом с которой жил Харви с семьей. Мне удалось частично восстановить ему подвижность рук. Он хотя бы научился обслуживать себя в элементарных вещах.

– Как Харви сейчас? – спросил Никита, поглядывая на часы. Скоро со смены должна была прийти соседка.

– Год назад его отец погиб в авиакатастрофе, – грустно ответила Камила. – Потом начались сложности с фирмой. Харви взял управление на себя, но с его ограничениями полноценно управлять бизнесом сложно. Кто-то пытается отобрать налаженное дело. Несколько контрактов прогорело. Пришлось заложить собственность…

– Чем я могу помочь? – прервал ее грустный рассказ Никита.

– После окончания школы я поступила на медицинский факультет Мюнхенского университета и специализируюсь в области нейрохирургии, вторая специальность – сосудистая хирургия. Я уже готова провести операцию, но мне нужна твоя помощь. Ты должен построить хирургическую темпоральную комнату. Операция сложная, а рисковать нельзя.

– Хм! – задумался Никита. – Ты же понимаешь, что Агарта и наш славный Ахетатон сильно отличаются от этого мира?

– Так создай в одной комнате маленькую Агарту! – умоляюще посмотрела на него Камила.

– Мне нужно подумать, – сказал Никита.

В это время в доме скрипнула входная дверь.

– Располагайся в моей комнате. Я скажу Гертруде, что ты мой знакомый и тебе нельзя говорить. Сейчас я ухожу на смену. Приду вечером.

– А где ты работаешь? – запоздало поинтересовался Никита.

– В местной больнице. В Финляндию приехала большая группа врачей от Красного Креста. Помогаем лечить раненых, пострадавших от агрессии СССР.

– Ладно! Иди. Лечи, мать Тереза, – тихо проговорил Никита, уютно устраиваясь на диване. – Скоро я вам еще работы подброшу.

* * *

Никита проспал весь день, восстанавливая силы. Вечером он

набросал список материалов, необходимых для постройки темпоральной комнаты. Знания всплывали сами собой. Пришедшая со смены Камила, вяло пережевывая бутерброды, просматривала список.

– Кедр, дуб, секвойя, граб – это понятно. Постараемся достать. А вот что такое камни бериллиевой группы в больших количествах?

– Мне понадобятся алмазы, изумруды, сапфиры, рубины. Можно и другие камни, но их понадобится больше. Камни требуется гранить особым способом, для лучшей проводимости энергии. У семьи Харви имеются фамильные сокровища? – улыбнулся Никита.

– Все заложено! – огорченно ответила Камила. – Но мы что-нибудь придумаем.

– Ладно. С камнями я сам что-нибудь решу. Их действительно необходимо много. А вы тем временем обшейте комнату деревом и покройте ее лаком на основе воска. Состав я написал. – Никита передал Камиле все необходимые бумаги. – А теперь перейдем к моим делам.

– Хорошо, рассказывай. А я тем временем подлатаю твою ауру. Она у тебя вся искорежена. Ложись на кровать и старайся не шевелиться.

Никита в течение десяти минут передавал Камиле суть своего задания, пока она проделывала пасы ладонями над его телом.

– А знаешь, у меня есть зацепка. Наш преподаватель по фармакологии недавно приехал откуда-то с Востока и привез множество самых разнообразных трав. Фармакологи нашего университета, некоторые из которых работают в «Дахау», участвуют в проекте под названием «Арийский травяной чай».

– Что за чай? – спросил Никита. – Никогда о таком не слышал.

– Это различные сборы трав из растений, которые растут на всех континентах, кроме Антарктиды конечно. Их дают заключенным в концлагерях, чтобы узнать воздействие той или иной травы на организм человека и тем самым разработать лекарства для лечения и поддержания здоровья арийской расы.

– Хорошая зацепка, – помрачнел Никита. – Пообщайся с ним. Ты хоть гипнозом владеешь?

– Естественно. В Германии он очень распространен среди медиков. Когда тебя ожидать?

– После войны, постараюсь уйти в отпуск. Я бы ушел с тобой хоть сейчас, но это тело арендованное. Мне его необходимо вернуть. Думаю, хозяин расстроится, если власти объявят его дезертиром и приговорят к смертной казни, а демобилизоваться в

данный момент невозможно.

Попрощавшись, Никита скрылся в ночи. Территория складов находилась на окраине Сортавалы. Преодолеть охрану оказалось несложно. Спрятавшись среди пустых ящиков, он стал наблюдать за обстановкой. Складов было несколько, а мина одна, поэтому он наметил тот, в который чаще всего въезжали машины. Незаметно пробравшись внутрь, стал изучать обозначения на ящиках. Язык был незнакомый, с трудом удалось понять, что груз из Швеции. Отжав ножом крышку ящика, Никита заглянул внутрь. Там, как и предполагалось, лежали снаряды, а не продовольствие и одежда. Установив самодельную мину, собранную армейскими умельцами, он поджег бикфордов шнур и телепортировался за пределы склада.

Дело было сделано. Сначала раздался взрыв огромной силы, вызвавший пожар, затем огонь перекинулся на другие склады, в которых тоже стало что-то рваться. Все дела, запланированные в Сортавале, были выполнены, и Никита телепортировался в сторону острова, у которого спрятал лыжи…

Взрыв нарушил что-то в пространстве, изменив координаты выхода. Он упал в прорубь, неудачно ударившись ногой о край льдины. Никита ощутил сильную боль. Рядом с прорубью стояла машина со снятым колесом. Два финских солдата пытались его заменить. Еще двое стояли рядом с прорубью и напряженно смотрели в сторону взорванного склада. Никита попытался сделать прыжок, чтобы уйти от них подальше, но сил совсем не осталось. От холода у него начались судороги. Руками он зацепился за края проруби. Солдаты быстро подхватили внезапно появившегося офицера и вытащили его на берег.

Когда вытаскивали из воды, с головы Никиты спала намокшая повязка. Ефрейтор, командовавший группой, стал задавать вопросы на своем языке. Никита, получивший сильную травму, впал в ступор. Солдаты стали стаскивать с него мокрую верхнюю одежду.

«О нет! Там же командирская гимнастерка, хоть и без ордена», – вяло мелькнула мысль. Попытался воздействовать на них гипнозом, но сил совсем не осталось. Финны увидели гимнастерку и, быстро сопоставив факты, ударили Никиту прикладом в спину, затем стянули руки веревками.

Никита отстраненно наблюдал за действиями финнов, накапливая энергию. Сейчас время работало против него. Финны быстро поставили колесо и закинули пленного в кузов. «Нехорошо!» – один из комиссаров Ленинградского округа заявил в газете «Красная Звезда», что все попавшие в плен – предатели. Никита начал усиленно медитировать, восстанавливая энергию.

Машина, проехав несколько километров, остановилась. Дерево, поваленное взрывом, перекрыло дорогу. Солдаты, достав топоры и пилу, бросились убирать преграду. Они провозились пятнадцать минут, основательно подчистив дорогу. Воспользовавшись моментом, когда охранник отвернулся, Никита совершил длинный прыжок в сторону леса. Быстро зарылся в снег и затаился.

Полчаса солдаты бегали возле машины, разыскивая его следы, потом укатили по своим делам. К этому времени Никита основательно задубел. Осмотревшись, обнаружил в двух километрах от себя домик, из трубы которого клубился дымок. В доме находились финский капитан инженерных войск, рассматривающий карту, и его денщик, готовивший завтрак. Усыпить их удалось почти без проблем. Денщик, падая, задел поднос с чаем, который разлился на полу. Быстро перенеся их в кладовку, Никита разделся и развесил одежду сушиться. Позаимствовав у офицера белье, он стал завтракать, рассматривая карту. Судя по всему, это была карта минных полей, установленных вокруг Сортавалы. Впрочем, армейские разведчики разберутся.

Дождавшись сумерек и прихватив офицерский полушубок, Никита отправился к острову, возле которого оставил лыжи. На этот раз никаких осечек не произошло. Пробежав по накатанной дороге почти двадцать километров, услышал звук мотора. Со стороны Сортавалы его нагоняла машина. Проверив свои силы, Никита встал перед машиной и поднял руки. Из машины выскочил водитель с автоматом и что-то сказал по-фински. Применив плетение паралича, Никита стал сканировать машину. В ней больше никого не было. После гипнотического воздействия на водителя, тот стал считать, что встретил лучшего друга…

…– Ты дальше рассказывай, Эрно, – проговорил Никита, сооружая бутерброд с салями и запивая его горячим кофе из термоса. – Где этот Симо так метко научился стрелять?

Они ехали уже полчаса, и водитель знакомил своего нового друга с порядками в финской армии. Сейчас он рассказывал о самом метком снайпере Симо Хяюхя по прозвищу Белая Смерть.

– Снайперскую подготовку он получил в крепости Утти. Каждый день убивает примерно десять красных. 21 декабря за один день застрелил 25 солдат. Сейчас у него на счету больше трехсот убитых, подтвержденных наблюдателями, – с восторгом рассказывал водитель официальную биографию национального героя.

– Понятно. Надеюсь, мы с ним встретимся! – сквозь зубы

проговорил Никита, спрятав термос в рюкзак. – Притормози!

Прикрыв глаза, внимательно осмотрел дорогу на пять километров вперед. А вот и пост из двух человек, которому водитель должен подвезти термос с горячей пищей. Небольшой блокпост, сделанный из ледяных блоков. Амбразура для пулемета. Машина, не спеша, подъехала к блокпосту, и Никита усыпил солдат. С помощью водителя затащил пленных в кузов, связал их и стер водителю память о том, как он их задержал. Не нужно, чтобы наши доблестные спецслужбы узнали о магии разума. У особого отдела, наверное, и так к нему много вопросов.

Через десять километров показался берег. Подъехав к нему, машина остановилась, и Никита еще раз внимательно все осмотрел. В кустах сидели пограничники и наблюдали за странной машиной. Одного сержанта он узнал. Он был из его отряда. Затормозив за двадцать метров перед засадой, Никита вышел из машины.

– Сержант, выходите. Это лейтенант Белов.

Было еще темно, но его сразу узнали. Через три часа Никита сидел в командирской избе и дописывал отчет о командировке. Уложился на четырех страницах. Вошел Ракутин и быстро прочитал отчет, хотя уже слышал о его похождениях.

– Хорошо. Авиаторы сегодня летали над Сортавалой и подтвердили уничтожение склада. Карта тоже довольно занимательная. Сверли дырку для ордена.

– Служу трудовому народу, – вытянулся Никита в струнку.

– Сегодня и завтра можешь отдыхать…

Прошло три недели с момента его возвращения из Сортавалы. После небольшого отдыха началась обычная служба охраны тыла. Все больше финских диверсионных групп просачивалось в тылы 8-й армии. Никите с его взводом удалось уничтожить две такие группы. Сейчас они гнались за третьей. Финские диверсанты напали на грузовики, перевозившие раненых, полностью уничтожив всех до единого.

Финская диверсионная группа состояла из сорока человек. Опытные лыжники быстро уходили от пограничников. Два раза они оставляли кукушек, но Никита сумел их заметить раньше и уничтожить с дальнего расстояния. Он теперь без труда сканировал пространство, замечая любого человека на расстоянии шести километров. Его мастерство хождения на лыжах также выросло.

– Скоро стемнеет. Я пойду в отрыв и постараюсь их опередить. А вы продолжайте преследование, – приказал он Алексееву.

– Добро, – тяжело дыша, ответил его зам.

Пробежав три километра на лыжах, Никита нашел большую сосну, снял лыжи и прижался к дереву спиной, восстанавливая силы. Сканирование показало, что финский отряд устроил засаду. Пройти по тропе можно было только через узкий мостик, а сбоку нависали скалы. Идеальная ловушка.

Поджидая отставших пограничников, Никита быстро вычертил схему местности в тетради, которую носил в планшете. Вскоре появились пограничники. Он дал им десять минут на приведение дыхания в порядок. Пар, исходивший от них, был заметен снайперам издалека. Тем временем он поделился своим замыслом с Алексеевым и сержантами.

Спустившись в овраг, чтобы его никто не видел, Никита прыгнул в тыл основной группе финнов. Первые пули полетели в пулеметчика и командира отряда. В этот же момент в бой вступили пограничники. Через двадцать минут все было кончено. Погибло два пограничника. Один получил ранение в живот осколком гранаты. После того как санитар обработал пострадавшему рану, Никита незаметно усилил ему регенерацию. Положив раненого на санитарные сани, отряд направился в медсанбат. Часть группы осталась возле места побоища ждать машину для вывоза убитых, пленных и оружия.

Отдав раненого хирургам, Никита и Алексеев отправились в штаб, где и доложились Храброву о выполнении задания.

– Сильно устали? – спросил озабоченно майор.

– Есть немного, – ответил Никита. – Целый день с финнами в казаки-разбойники играли.

– Потом отдохнете. Сейчас мы должны помочь нашей контрразведке разобраться с неудачными действиями 204-й воздушно-десантной бригады. Что? – посмотрел он на них. – Ничего не слышали?

– Мы уже несколько дней в поиске, – ответил Алексеев. – Видели в медсанбате много раненых.

– Вот и ладно. Поезжайте обратно и помогите следователям провести опрос раненых, пока их не отправили дальше.

Через двадцать минут они представились заместителю военного прокурора 8-й армии. Он собрал в тесной комнате десяток командиров и распределял задания:

– 14 февраля командир бригады полковник Губаревич приказал командирам батальонов провести рекогносцировку исходных положений для наступления. Бригада задачу не выполнила. Она практически вся разгромлена. Разбейтесь на пары. Один задает вопросы, другой все записывает. Времени мало. Раненые сразу эвакуируются дальше.

Никита с Алексеевым прошли в палату, где после операции отдыхал боец.

– Итак, лейтенант Арсен Габоев, – прочитал Никита командирскую книжку, специально для Алексеева, у которого был красивый почерк. – Расскажите, что вы помните?

– Наступление началось без артиллерийской подготовки в 5 часов 30 минут, – хриплым голосом стал отвечать Габоев. – В шесть часов подразделения батальона были уже на подходе к острову, встретив сильное огневое сопротивление с флангов. Мы залегли. Вскоре наступил рассвет. Потери увеличились. К 10 часам батальон потерял почти две трети личного состава убитыми и ранеными и в дальнейшем бой вести был не в состоянии.

– А вывести батальон вы не могли? – сдвинув брови, спросил Алексеев.

– Не было возможности. Абсолютно ровная местность, – закашлялся Габоев. Связные рот уничтожались фланкирующим огнем противника. Бойцам пришлось оставаться на льду до темноты…

– Рядовой Литов Леонид Александрович, – перешли они к следующему раненому. – Рассказывайте.

– Развернулись мы на льду красиво и пошли в наступление. Финны подпустили нас на расстояние двести – триста метров, а затем встретили сильным шквалом огня. – Литов погладил раненую ногу. – Особенно нас донимал огонь во фланг с материка. Первым упал, словно подкошенный, наш взводный, потом второй, третий… И тут в нескольких метрах от меня раздался взрыв. Больше ничего не помню.

– А вы помните, Литов, какая температура стояла? – спросил Алексеев.

– Нам сказали – пятьдесят шесть градусов мороза. А ведь верно, винтовка моя пятнадцатизарядная замерзла, даже патрон в патронник дослать не мог. А у финнов все стреляло. А я примерз ко льду. Ребята меня ночью из него вырубали. Вы не знаете, почему артиллерийской поддержки не было?

– Выздоравливайте, товарищ Литов, – сказал Никита, и они вышли из палаты…

Допросный конвейер продолжался целые сутки. На следующий день они докладывали о результатах расследования в штабе армии. В большой накуренной комнате собралось много командиров разных званий. Первым стал докладывать Никита:

– Нами выявлено, что одной из причин неудачных действий 2-го батальона является то, что было потеряно управление подразделениями. Молодой, необстрелянный командир

батальона, капитан Костюченко, растерялся. Выбиваясь из сил, он старался наладить связь с ротами, но это ему не удалось сделать. А начальник штаба батальона, капитан Каргашинский был убит. Будучи тяжело ранен, Костюченко с раздробленной правой кистью продолжал атаковать противника, засевшего в блиндажах за камнями. Достоверно установлено, что Костюченко погиб смертью храбрых.

– К сожалению, это нельзя сказать о комиссаре батальона, – продолжил Алексеев. Они заранее с Никитой договорились, что о политработниках будет докладывать он. – Старший политрук проявил трусость, не достойную большевика. Он не пошел с ротами в наступление, а отсиживался в тылу, не зная, что делается в батальоне. – Алексеев достал новый лист. – Политрук 4-й роты лейтенант Севастьянов рассказал, что выступление на исходные позиции батальона прошло неорганизованно. Был потерян минометный взвод. Вскоре минометчики вышли на исходные позиции, но без мин. Секретарь комсомольской организации батальона так отзывался о батальоном комиссаре Зубкове: «От комиссара я убежал, мне надоело отсиживаться с ним за камнями, и место мое было в бою. Ему комиссар бригады Боучилко приказал немедленно отправиться в батальон и вместе с комбатом Костюченко навести порядок в батальоне и перейти в атаку. Вместо этого он прибыл в медпункт в сопровождении двух бойцов, заявив: «Я ранен». Его рана легкая, подозрительная. Сделав перевязку Зубков немедленно отправился в госпиталь».

– Еще что-нибудь хотите добавить? – хмуро посмотрел на них начальник политотдела армии.

– Если кратко, то так, как мы воюем, – воевать нельзя, и финские учителя нам все время это доказывают.

Все заинтересованно посмотрели на Никиту. Главному контрразведчику и начальнику политотдела его слова явно не понравились. «Кажется, что-то не то сказал. Сказывалась третья бессонная ночь. Вот почему на допросах подследственному не дают спать. Не выспавшийся, усталый человек обязательно что-нибудь ляпнет», – быстро замелькали мысли в голове.

– Что вы хотели этим сказать лейтенант? – грозно посмотрел на него политработник.

– Потом поговорим об этом, а сейчас давайте заслушаем майора Храброва о действиях 3-го батальона, – выручил Никиту начальник штаба армии.

Через час совещание закончилось. Никиту сразу увел Ракутин в свой кабинет. Оставшись наедине, он жестко сказал:

– Будь острожен. Знаешь, сколько достойных командиров

пострадало за длинный язык?

– Простите товарищ комбриг. Усталость накопилась. Хожу как пьяный, – повинился Никита.

– Скажи, ты сможешь пройти в расположение 168-й?

– Думаю, да. Только отдохнуть надо.

– Уверен? В начале февраля финны начали опутывать гарнизон колючей проволокой. Прибивали колючку прямо к деревьям в несколько рядов на разной высоте. Теперь дивизия точно в капкане. Снайперы стреляют весь день во всех, кто появится в зоне поражения. У нас создалось впечатление, что финны превратили гарнизон в стрельбище и устраивают спортивные соревнования. Гарнизон оживает только в сумерки. Вылазки разведчиков прекратились, все, кто ушли, не вернулись.

– Что нужно передать? – спросил Никита.

– Доставить батареи для рации и пакет. В нем указаны формы костров. Финны прослушивают частоты радиостанции, и грузы все чаще попадают в их расположение. Сейчас отдыхай, пойдешь завтра.

Никита аккуратно собрал груз в рюкзак. Получилось килограмм двадцать. Кроме батарей решил захватить лекарства, в которых остро нуждались раненые. Обошел посты и углубился в расположение финнов. Это было нетрудно, когда ты видишь как днем, а у противника нет тепловизора. Шел не очень быстро. Рюкзак сильно замедлял движение. Вскоре раздалась пулеметная стрельба. Никита спрятался в овраге и некоторое время сканировал пространство вокруг себя.

В пятистах метрах впереди был пулеметчик, и время от времени стрелял в сторону колючей проволоки. Никита снял лыжи и замаскировал их, предварительно запомнив место схрона. Рассчитал координаты и прыгнул к пулеметчику, скрипнув снегом. Тот обернулся, но сразу упал без сознания. Гипноз работал без осечек.

Сняв с пулеметчика верхнюю одежду, Никита сломал ему руку. Так он никого не убьет и скоро сможет вернуться домой. Произведя небольшую коррекцию, прыгнул прямо к медсанбату. Не зря он так тщательно осваивал в Агарте этот метод перемещения. Без него выжить было довольно сложно.

Зайдя в медсанбат, передал лекарства капитану Игнатьевой, которая отдыхала в маленькой комнатке.

– Лейтенант Белов, вы откуда? – с надеждой спросила докторша.

– Извините, Вера Андреевна, очень спешу.

Возле штаба наткнулся на полковника Королева. Начштаба дивизии куда-то торопился.

– Товарищ полковник, вам пакет и батареи для рации.

– А, Белов? Ты как сюда пробрался? – изумленно спросил Королев, разворачивая пакет.

– Проскочил незаметно.

– Хорошо, пойдем к командиру.

Они вошли в землянку Бондарева. Комдив сильно приболел, но на его волевом лице не было отчаяния и безнадежности. Никита рассказал им о неудаче десантников.

– Значит, помощь придет не скоро, – резюмировал комдив.

– 204-я сейчас небоеспособна, – честно ответил Никита.

– Что в пакете? – обратился Бондарев к начштаба.

– Конфигурации костров. В штабе армии ждут подтверждение о получении пакета. После этого полетят У-2 с крупой и сухарями.

– Давай подтверждение и иди готовь костры, – сказал комдив Королеву.

Никита пошел с ним.

Дежурный взвод соорудил восемь костров и приготовился их зажечь в любое время. Костры нельзя было зажигать раньше, чем прилетят самолеты. Финская разведка работала хорошо и могла скопировать рисунок. Пока ждали самолеты, Никита разговорился со старшиной Крутовым – командиром взвода приемки грузов.

– Для людей продовольствие кончилось. Им – голодный паек. Фуража для лошадей не стало, они объедали друг другу хвосты, кору у хвойных деревьев съели до предельной высоты, насколько достает лошадь. Командование решило оставшихся забивать и сдавать на кухню. Когда этот резерв кончился, мы питались кто чем. Смотришь, красноармеец, еле сам идет, винтовку по снегу тянет и тащит найденную голову, ноги, или копыта какой-нибудь павшей лошади. В общем, кто что найдет – все в ход идет. Люди окончательно ослабели, валятся с ног, – устало рассказывал Крутов.

– Какая-то жуткая картина, – сказал Никита.

– Именно. Боец Красной армии бредет оборванный, закоптелый, грязный. Ткни его, и упадет. А в землянках тепло. Дров много. Когда тело разогреется, начинают беспокоить вши. Выйдешь из землянки, снимешь штаны до колен и давай вшей в снег стряхивать, навалится их, как льняного семени на снег набросано. Когда же все это закончится? Не знаешь, лейтенант?

– Знаю. Через несколько недель финны капитулируют. Вы только продержитесь.

– Летит! – крикнул наблюдатель, и красноармейцы быстро зажгли костры.

Сосредоточившись, Никита смог рассмотреть У-2. Когда самолет пролетал над кострами, второй пилот сбрасывал темно-серые брезентовые мешки. С тихим свистом они шмякались в снег, и к ним сразу бросались бойцы. Некоторые грузы падали в лес, который контролировался финнами. Вскоре вражеские зенитчики открыли огонь, и один из самолетов стал неуклюже пикировать в сторону леса.

Не прощаясь, Никита отправился в место его предполагаемого падения. Уйдя в невидимость, перескочил через колючку. Пройдя километр по заснеженному лесу, вышел возле большого валуна. Прислонившись к нему, отсканировал довольно оживленную местность. А вот и вы! Самолет врезался в сосны и застрял там, зацепившись хвостом.

Рядом суетились пятеро финнов. Двое вытаскивали из кабины летчиков. Не теряя времени, Никита побежал к ним. Преодолел расстояние за двенадцать минут. Хорошо, но можно лучше.

Незаметно подошел к самолету. Один летчик погиб, получив осколок в висок. Вторым летчиком оказалась женщина. Когда финский солдат снял с нее шлем, копна рыжих волос рассыпалась по белому снегу. Финны подогнали сани, в которые положили пилотов. Сопровождать их отправился один солдат. Когда сани отъехали на полтора километра, Никита остановил лошадь, создав иллюзию стены перед ней. После этого загипнотизировал и допросил возницу. Тот согласился вывезти их в расположение русских. Никита, изучавший в Агарте медицину, провел быструю диагностику летчицы. Она показала сильное сотрясение головного мозга. Приставив ладони к голове женщины, он поделился с ней энергией. Диагностика также определила, что у женщины есть склонность к стихии Воздуха, при развитии которой она может стать сильным магом.

Когда подъехали к дзоту, который перекрывал лесную дорогу, к ним вышел часовой. Усыпив его, Никита открыл дверь в землянку и облучил спящее отделение. После того как с Никитой поработала Камила, у него улучшились все способности, которым его обучили в школе. Пять минут ушло на обыск. Схема минного поля обнаружилась у ефрейтора. Девять противотанковых мин М-36. Связав руки командиру отделения, закинул его в сани. Аккуратно обогнув мины, отправились дальше.

Через полчаса вышли в расположение полка. Начальник разведки полка дал Никите сопровождающего, и через сорок минут они добрались до медсанбата. Энергия Никиты сделала свое дело, и, когда санитары вынимали пилота из саней, она открыла глаза.

– Где я?

– В медсанбате, – ответил он.

– Как Алексей?

– Погиб. Как вас зовут, товарищ летчик?

– Капитан Петровская, – тихо сказала она.

– Срочно несите ее в операционную, – приказал доктор.

«Если выживет, надо будет с ней познакомиться поближе», – мелькнула у Никиты мысль. Сильных магов в СССР он пока встретил немного. Они были, но не высокого уровня. Многие имели большие звания, например, Буденный, у которого имелся удивительный дар – чувствовать лошадей.

Следующие десять дней взвод Белова снова гонялся за группами диверсантов. Финны постоянно наращивали их количество. После того как его взвод уничтожил крупную группу диверсантов, Никиту вызвал Храбров. Он что-то писал своим убористым почерком в блокноте.

– Читай! – резко приказал Храбров, не отрываясь от писания.

Дежурный сержант положил перед Никитой серую папку. В ней оказались шифрограммы, полученные из 18-й дивизии.

Шифрограмма от 28.01.40 г.:

«Держались на лошадях. Теперь их нет – поели. Самолеты сбрасывают мало и нерегулярно. Продуктов нет, истощены. Бросили соль, но она рассыпалась. Народ истощен. Надо бросать сухари, концентраты, соль. Примите меры.

16 февраля с утра начался минометный обстрел. Потом заговорили пулеметы. Финны пошли в атаку, но, попав под наш пулеметный огонь, отошли. Мороз достигал 40 градусов. Затем началась психическая атака: в лесу пели финские женщины, били в бубны и приплясывали. За ними шли бывшие моряки, участники кронштадтского мятежа, осевшие в Финляндии. Горланили по-русски «Яблочко» под гармошку и ругались матом. Прикрывали же их юнкера выборгской военной школы. Защитники гарнизона решили, что сошли с ума».

– Это придумал майор Матти? – спросил Никита Храброва.

– А кто еще? Тот еще мозговерт.

«Может, ты и прав. Похоже, он маг Разума высокого уровня. Где же его обучали?» – подумал Никита.

Шифрограмма от 19.02.40 г.:

«Штаб армии. Ковалеву. Почему морите голодом? Дайте продуктов. Помогайте, выручайте, иначе погибнем все. Кондрашов».

«Положение тяжелое. Несем потери, здоровых 360, больных 750. Ослабели окончательно. Срочно помогите. Держаться нет

сил».

Шифрограмма от 22.02.40 г.:

«Черепанову, Серюкову. Авиация по ошибке бомбила нас. Помогите. Выручайте, иначе погибнем все».

– Что? Серьезно бомбили наших? – спросил он у Храброва.

– Контрразведка сейчас разбирается, но я не думаю, что там измена. Просто не хватает опытных летчиков, – оторвался Храбров от карты.

– Какой жестокий подарок на 23 февраля, – проговорил Никита.

– Следом за авиаторами отдарился майор Матти-Мотти. В этот день выкатили орудия на прямую наводку и примерно с трехсот метров стреляли по остаткам танков дивизии. Через два часа почти все танки были уничтожены. Вся надежда обороны дивизии, вся ее огневая мощь – были танковые пушки.

– Нельзя ли этого Матти захватить в плен и направить преподавателем в нашу Военную академию? – спросил Никита.

– Ты бы следил за своим языком, – резко ответил Храбров. – После войны Генеральный штаб будет изучать опыт этой войны. Предполагаю, что будут сделаны соответствующие выводы, – после небольшой паузы сказал Храбров.

Шифрограмма от 23.02.40 г.:

«Погибаем. Катастрофа началась. Требуем разрешения на выход. Дожидаемся до 16 часов. Кондрашов. Кондратьев».

– Команды на прорыв не последовало? – Никита вопросительно посмотрел на Храброва. Тот отрицательно покачал головой.

Шифрограмма от 27.02.40 г.:

«Вы нас все время уговариваете, как маленьких детей. Обидно погибать, когда рядом стоит такая большая армия. Требуем немедленного разрешения на выход. Если это разрешение не будет дано, мы примем его сами или примут его красноармейцы. Кондрашов. Кондратьев».

– Думаю, товарищ майор, вы не просто так дали прочитать эти шифрограммы, – посмотрел Никита на командира, закрывая папку.

– Ты правильно все понял. Завтра вечером командование даст Кондрашову приказ на выход из окружения. Я хочу, чтобы ты пошел к нему и помог чем сможешь.

– Выйду сегодня ночью. Свой взвод размещу в предполагаемом месте прорыва дивизии.

Никита смог пробраться в штаб 18-й дивизии в 18.00 28 февраля и подтвердить разрешение на выход из окружения. В

течение часа командиры разрабатывали план прорыва. Точнее, предварительно он уже был разработан. Уточнялись последние детали. Прорыв был запланирован на 21.00. Остатки дивизии и 34-й танковой бригады были поделены на две колонны. Более сильные шли в первой колонне – ею руководили комдив Кондрашов и комбриг Кондратьев. Во второй шли ослабевшие. Командовал всей операцией начальник штаба дивизии майор Алексеев, он же возглавлял вторую колонну. Военному комиссару Разумову поручили вынести и спасти знамя дивизии. Раненых, а их было более трехсот человек, решили оставить на милость победителя. Никита решил пойти со второй колонной.

В 21.00 вперед пошла разведка, за ней бойцы инженерной роты с саперными ножницами для резки колючей проволоки. Когда сняли мины и перерезали колючку – вся колонна бросилась бегом вперед. Все кричали «ура!» и стреляли на ходу куда попало. Было темно, а воины не обладали ночным зрением. Передовой отряд напоролся на финский лагерь, о существовании которого даже не подозревали. Завязался жестокий бой, и это спасло основную колонну от неминуемой гибели. Никита стрелял по вспышкам и часто попадал.

Колонна шла дальше. Были еще стычки с финскими сторожевыми постами, но их забрасывали гранатами и бежали дальше. Он слышал, как Алексеев подбадривал людей: «Не жалей пота – сбережешь кровь!»

В этом бою погибло около двухсот человек. В их числе и комиссар Алексей Разумов. Никита не сразу заметил, как он упал. Пришлось вернуться, по пути усыпив несколько финнов, обыскивающих погибших и достреливающих раненых. В небольшой воронке он нашел Разумова. Тот был еще жив, но тяжело ранен. Осколки попали ему в живот, пробив знамя дивизии. Такие раны не лечились. Остановив сердце Разумова, он стал снимать знамя с его тела. Аккуратно уложил окровавленное знамя в свой сидор и стал доставать документы комиссара из кармана гимнастерки. В это время прилетела мина, разорвавшаяся в десяти шагах сзади. Амулет защиты, отразив часть осколков, полностью рассыпался. Несколько осколков попали ему в спину. Собрав последние силы, Никита телепортировался к месту боя. Он выпал в пяти метрах позади наших пулеметчиков, прикрывавших выход дивизии.

– Твою мать, а ты откуда свалился? – крикнул старшина. – Санинструктора сюда. – Это последнее, что запомнил Никита о Зимней войне…

Глава 9

Никита ощущал, что его куда-то везли на санях, потом перенесли на операционный стол и положили на живот. Люди в белых халатах долго его оперировали. Затем снова долго везли на машине по неровной дороге. Тело чувствовало каждую кочку. Очнулся в больничной палате от громкого храпа, который исходил от какого-то командира, спящего на соседней койке.

Дверь открылась, и в палату впорхнула медсестра. С ее приходом воздух в палате как будто наполнился ароматами весенних цветов.

«Какое сегодня число?» – хотел спросить Никита, но у него вырвался из горла только хрип.

– Что вы сказали? – участливо спросила она.

– Пить!

Она протянула ему граненый стакан, наполненный водой, и Никита сделал несколько глотков.

– Не разговаривайте. Я позову доктора.

Через полчаса в палату вошел пожилой врач с седой бородой. Он подошел к Никите и сел на подставленный медсестрой табурет.

– Здравствуйте, товарищ Белов. Меня зовут Константин Алексеевич. Я главный врач госпиталя и ваш лечащий врач. Вы можете говорить?

– Да, Константин Алексеевич, – прохрипел Никита.

– Что последнее вы помните? – спросил врач, поднимая ему веки.

– Забрал знамя у погибшего комиссара. Рядом раздался взрыв. Осколки попали в спину. Потом я выбирался к нашим, – вспомнил Никита.

– По дороге вы потеряли много крови. В медсанбате впали в кому. Врачи не верили, что с такими ранами можно выжить, тем более идти так долго. У вас из спины достали пять осколков. По приказу комбрига Ракутина вас доставили сюда. Я по основной специальности нейрофизиолог. Меня очень заинтересовал ваш случай.

– Доктор! Как там 18-я и 168-я дивизии? Их спасли?

– 168-я смогла продержаться до заключения мирного договора 13 марта, – ответил доктор. – С 18-й сложнее, но об этом потом.

– Значит, война закончилась? – с облегчением спросил Никита.

– Закончилась! Мы победили, лейтенант!

– Когда меня выпишут?

– Завтра утром сделаем перевязку, и будете потихоньку вставать. Приготовьтесь, что полного излечения может и не произойти.

– Ничего, я сильный. Обязательно встану в строй, – спокойно ответил Никита. Увольнение из армии по уважительной причине было для него тоже хорошим вариантом.

– Ладно. Отдыхайте. Скоро обед, – сказал доктор, направляясь к выходу.

* * *

На следующий день появились первые посетители. Сначала пришла Петровская – летчица, которую он спас.

– Здравствуй, Феликс! Узнала, что ты лежишь в нашем госпитале и решила навестить.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – ответил Никита. – Как ваше здоровье?

– Просто Ксения. Я не намного тебя старше, – тряхнула она рыжими волосами. От этого движения у Никиты перехватило дух. – Я уже демобилизовалась. Сейчас снова работаю инструктором в аэроклубе.

– А я раньше хотел стать пилотом-истребителем. Даже в аэроклубе учился. Поступить в летное училище не получилось, а мечта летать осталась.

– Приходи к нам в аэроклуб. Там полетаем, – задорно улыбнулась она.

– Ловлю тебя на слове.

В дверь постучались, и в палату стремительной походкой вошел мужчина лет пятидесяти, с пакетом в руках.

– Это и есть твой спаситель? – спросил мужчина у Ксении.

– Знакомьтесь. Это Феликс, а это мой папа Андрей Владимирович. Он доктор исторических наук, старший научный сотрудник Эрмитажа.

Мужчины пожали друг другу руки. Петровский открыл пакет с мандаринами.

– Угощайтесь. Мой друг, капитан сухогруза, вчера посылку передал.

– Спасибо, Андрей Владимирович. А чем вы занимаетесь в Эрмитаже? – спросил Никита, очищая кожуру плода. – Вы тоже кушайте, а то одному неудобно.

Ксения взяла мандарин и быстро его почистила.

– Я возглавляю отдел научно-технической экспертизы

Эрмитажа. У нас в музее находится единственная в стране установка рентгена. Мы с большой точностью можем определить время написания любой картины, а также ее авторство.

– Как интересно! А у вас в музее есть только картины? Я слышал, что в Эрмитаже находится выставка драгоценных камней? – спросил Никита, вспомнив о темпоральной комнате для Харви.

– В Эрмитаже находится Бриллиантовая кладовая. Там собраны уникальные раритеты. А что я вам рассказываю? Как выздоровеете, приходите к нам. – Петровский достал небольшой карандаш и записал номер телефона в блокноте. – Вот! – передал он листок с номером Никите. – Как надумаете, лично проведу для вас экскурсию.

Еще через день Никита стал выходить на улицу, в небольшой сад. Вступив в контакт с деревьями, быстро залатал пробоины в ауре. С этого дня его выздоровление ускорилось. Когда он сидел на скамейке в парке и смотрел, как весело воробьи дерутся за крошки хлеба, к нему подошел Ракутин.

– Здравствуйте, товарищ комбриг! – попытался подняться Никита.

– Сиди, лейтенант. Вижу, тебе уже лучше. Давай поговорим о твоем будущем.

Никита замер в ожидании.

– Меня снова вернули на должность начальника штаба Ленинградского пограничного округа, и мы со Степановым хотим тебе предложить…

– С кем?

– Во-первых, не перебивай старшего по званию и по возрасту, – строго сказал Ракутин.

– Виноват! Исправлюсь! – быстро повинился Никита.

– А во-вторых, Степанов Григорий Алексеевич – это начальник управления пограничных войск Ленинградского военного округа. Свое начальство надо знать. Так вот! Мы решили, что для тебя будет полезным послужить начальником заставы.

– Я с радостью, товарищ комбриг, – облегченно выдохнул Никита. Ему очень хотелось оказаться на природе, вдали от больших городов и начальства.

– И вот еще что! Мы делали на тебя представление на звание Героя Советского Союза за Сортавальские склады и карту минных полей. – В голосе Ракутина проскользнула нотка вины. – Представление не прошло. – Комбриг задумался.

Никите удалось проникнуть в его четкие воспоминания. Эта способность обнаружилась недавно, после ранения, и он

тренировал ее, пользуясь каждым удобным случаем.

«В большом кабинете, с окнами на реку, сидели трое. Ракутин, Степанов и Мехлис – заместитель народного комиссара обороны и начальник Главного политуправления Красной армии. Его портрет висел в училище.

– Кто у нас следующий? – резко спросил Мехлис.

– Белов Феликс Иванович – пробрался в тыл к финнам и уничтожил склад с боеприпасами, что ослабило Сортавальскую группировку противника. Представлен к званию Героя Советского Союза.

– Подождите, товарищи. Знакомая фамилия. – Мехлис стал копаться в своих бумагах. – А, вот! Докладная от… не важно. Лейтенант Белов восхвалял финскую армию, подрывая дух военнослужащих. Сомнительное происхождение. Кто его вообще принял в пограничное училище?

„Вот гнида! Встретимся в узком месте. Устрою тебе промывание желудка“, – разозлился Никита.

– Товарищ армейский комиссар первого ранга. Лейтенант Белов за время войны проявил себя как храбрый и инициативный командир. Несколько раз был ранен. Смог вынести из окружения знамя 18-й дивизии, – вступился на него Степанов.

– А вот про 18-ю дивизию я вам не рекомендую вспоминать. Это же надо умудриться. На ровном месте попасть в окружение и дождаться полного разгрома. Спасибо, знамя не потеряли. Достаточно Белову ордена за этот подвиг. Ну и… – посмотрел он на нахмурившиеся лица пограничников. – Дайте ему досрочно следующее звание и назначьте начальником заставы. Есть у вас свободные должности?

– По условиям мира, мы получили несколько островов в Финском заливе. Будем там устраивать заставы. Только острова заминированы и на них пока еще нет инфраструктуры, – ответил Ракутин.

– Ничего! Трудности закаляют хороших командиров. Дайте ему только крепкого комиссара. Пусть подтянет его по политической линии».

Через три дня Никите разрешили выбираться в город. Раны на спине почти затянулись. Слава богу, позвоночник не был задет. Не откладывая дело в долгий ящик, он отправился на экскурсию в Эрмитаж, предварительно созвонившись с Петровским. Они встретились возле входа в музей, рядом с атлантами, которые «держат небо на каменных плечах». Сначала тот показал свое место работы. Его сотрудники в это время просвечивали картину Абрахама Блумарта. «Пейзаж с пророком

Илией». Потом Петровский, с кем-то созвонившись, сказал:

– Феликс! Вы, кажется, интересовались Бриллиантовой кладовой.

– Да! Было бы интересно.

– Сейчас там проводится экскурсия для работников «Союзювелирторга». Можете к ним присоединиться.

– С удовольствием!

Экскурсию проводил пожилой гид – прекрасный рассказчик, плохо выговаривающий букву «р». В группе было полтора десятка человек, две трети из них женщины.

…– В начале существования Эрмитажа ни у кого не возникало вопроса о принадлежности всех его сокровищ. Естественно, что собирателями и собственниками являлись российские самодержцы. Однако со временем ситуация стала меняться, и уже при Николае I появилось четкое разграничение на «личные» произведения и «государственные». Во время его правления в Эрмитаж пускались посетители, дабы узреть всю красоту и роскошь экспозиций. Одной из наиболее ярких коллекций являются украшения эпохи Возрождения, а именно ее морская тематика. Для украшений использовали барочный «неправильный» жемчуг. Одно из таких изделий – подвеска-каравелла из цельного изумруда.

«Хороший камушек. Мне бы подошел», – подумал Никита, вспоминая, как из изумруда делать целебный амулет.

– Творение механика-самоучки Ивана Кулибина в очередной раз доказывает, что на Руси всегда были умельцы, способные заткнуть за пояс любого Фаберже. Эти часы Иван Петрович смастерил в яйцеобразном корпусе. Особенность изделия состоит в том, что кроме часового механизма в них еще были маленькие фигурки, которые танцевали под чудесную музыку, издаваемую часами.

Жгучая брюнетка, с черной шляпкой на голове, как бы случайно коснулась Никиты своим бюстом. Когда он обернулся, женщина улыбнулась ему во все тридцать два зуба.

«По-моему, с духами переборщила. „Красная заря“ духи на любителя», – подумал Никита.

– Девятнадцатый век не сильно отличался от века восемнадцатого. Он был ознаменован знаковыми произведениями Карла Фаберже и его копиями императорских регалий. Среди них большая и малая императорские короны, скипетр и держава. Копии уменьшены в десять раз, но именно это придает им ценность, как уникальных творений ювелирного искусства. На этом наша экскурсия закончена. Спасибо за внимание.

– Большое спасибо за познавательную экскурсию! –

поблагодарил гида Никита. – А скажите, у Фаберже остались ученики в Советском Союзе?

– Насколько мне известно – нет! – задумался экскурсовод. – Многие уже умерли. Большинство уехали за границу. Знаете, добрая половина учеников работников фирмы «Фаберже» была родом из Финляндии.

– Вот оно как! – Какая-то мысль промелькнула у Никиты в голове, но он не сумел ее сфокусировать.

– А знаете, – влезла в разговор брюнетка, которая во время экскурсии старалась быть рядом с Никитой, – прошлым летом к нам из Финляндии приезжал ученик Фаберже. У него в Луосто большая фирма. Простите, что вмешалась в разговор. Меня Люба зовут. А хотите, товарищ лейтенант, мы с Соней пригласим вас в кафе, – обернулась она на девушку с веснушками, которая нервно сжимала в руках сумочку.

– Ну, молодые люди! – улыбнулся экскурсовод. – Не буду вам мешать отдыхать…

Выйдя из музея, не спеша направились к Невскому проспекту. Девушки оказались товароведами в ювелирно-антикварном магазине. После посещения кафе-мороженого они втроем долго бродили по ленинградским улицам, по пути заходя в ювелирные магазины и ломбарды. В ломбарде удалось обнаружить кулон с большим рубином и кольцо с бриллиантом. Посмотрев на ценник, Никита поморщился, его зарплата не позволяла такие траты. Теперь на первый план выходил вопрос денег.

– А в этом здании находится магазин, в котором мы работаем, – сказала Люба.

– Герцена, 24. Я запомню, – ответил Никита.

– Это здание раньше было известно как дом Фаберже, – пискнула Соня.

– И ученик Фаберже, – задумалась Люба. – Забыла, как его зовут. У финнов сложные имена. Заходил в наш магазин. Сказал, что в этом здании прошли лучшие годы его жизни.

– А как его жизнь сложилась? – спросил Никита.

– Говорит, что сейчас все хорошо. У его фирмы много заказов по всей Европе.

– Вспомнила! – вскрикнула Соня. – Он занимается изделиями из аметиста. В Финляндии крупнейший рудник аметистов.

– Как интересно! А вы знаете, что по поверьям во все века аметист считался мощным оберегом от злой судьбы, а из женского сердца камень изгонял неразделенную или старую любовь, открывая новые возможности, – сказал Никита. Теперь он знал, где добыть аметист. Этот камень был хуже алмазов и изумрудов, но тоже годился для постройки темпоральной

комнаты.

– Мы – комсомолки и в поверия не верим, – сказала Соня.

– Подожди, Соня! Расскажите нам еще что-нибудь про камни, – проговорила Люба, взяв Никиту за локоть.

– Часто аметист, особенно темных тонов, использовали как талисман непобедимые солдаты, он дает уверенность и храбрость, охраняет от необдуманных действий и поспешности.

– Ну! – дотронулась Люба до ордена Красной Звезды на его груди. – Вам этот камень точно не нужен.

– Расскажите, а за что вы получили орден? – спросила Соня.

– Военная тайна, – ответил он.

– А давайте зайдем в наш магазин, – схватила его за руку Люба. – Покажем, где мы работаем.

– Ладно, – согласился Никита, уступая ее напору.

В магазине, в антикварном отделе, его привлекла скрипка в потертом футляре. Попробовал поиграть, и неожиданно это у него получилось. Музыкальные способности Белова пробудились в нем. Сыграв отрывок из мелодии Вивальди «Времена года», Никита снискал аплодисменты продавщиц и редких покупателей, после чего стал гордым обладателем скрипки, за которую отдал трехмесячную зарплату.

* * *

На следующий день у Никиты произошла еще одна интересная встреча. Утром его вызвали в штаб Ленинградского пограничного округа и наградили орденом Красного Знамени. Также ему было досрочно присвоено звание старшего лейтенанта. После награждения Степанов, начальник Ленинградского пограничного округа, приказал Белову через неделю начать обустройство заставы на острове в Финском заливе…

Никита подошел к наполовину открытой двери кабинета главного врача, чтобы договориться о выписке. В кабинете происходил разговор на повышенных тонах. Заглянув, он увидел двух мужчин.

– Да как вы не понимаете, Константин Алексеевич! Я не видел свою семью три года и должен срочно выехать к ним, – настаивал мужчина лет сорока пяти, в военной форме без знаков различия.

– Я все понимаю, но пару дней ничего не решат. Проколем вам общий восстанавливающий курс, и я буду уверен, что до санатория в Сочи вы доедете нормально. Сейчас я позову

медсестру, и она быстро все сделает.

Выйдя из кабинета, доктор столкнулся с Никитой.

– А, лейтенант? – Какая-то мысль мелькнула на его лице. – Идите за мной.

Когда Никита вошел в кабинет, доктор представил его мужчине.

– Познакомьтесь – это лейтенант Белов. Отличился в прошедшей войне, – представил его доктор.

– Комкор Рокоссовский Константин Константинович, – пожал он руку Никите, разглядывая его новые награды. – Хотел бы услышать ваше впечатление о войне.

– С удовольствием расскажу все, что видел, товарищ комкор. Если доктор не возражает.

– Общайтесь! Только выполняйте все процедуры. Белов – твоя выписка через два дня, – проговорил доктор.

Никита с интересом рассматривал одного из будущих маршалов победы. Он был инициированным магом. Хотя, возможно, и не осознавал этого. Кроме способности управлять животными и магией разума, у Рокоссовского была развита стихия Земли. У нее было несколько направлений. Одна из них – школа камня. Его адепты воспитывали сильную волю и умели преодолевать любую боль. Стихии иногда избирали некоторых людей и всячески им помогали.

После обеда Рокоссовский пригласил Никиту на партию шахмат в свою палату. Он хорошо играл, почти все время побеждая. Тем не менее один раз Никите удалось свести партию в ничью.

Никита делился впечатлениями о Зимней войне, а комкор рассказал, что до поступления в армию несколько лет работал каменотесом, в мастерской своего дяди, научившись у него изящной резьбе по граниту и мрамору. Это объяснило Никите его сродство со стихией Земли. Еще он поделился опытом своей жизни в тюрьме, где провел последние три года.

Вечером в палату Рокоссовского вошел подполковник с петлицами кавалериста и доложил:

– Товарищ комкор, мы их нашли. Ваша семья проживает в Армавире. Вот адрес…

– Берите билеты на завтра! Я пойду выписываться.

Глава 10

Никита долгое время был недоволен выбором реципиента, которого ему подобрало руководство школы. Беготня по холодной Карелии, убийство финнов и смерть товарищей, негативно повлияли на него. И только в госпитале он примирился с этим выбором. За день перед выпиской на него накатило чувство, которое в школе называли «полное доверие к миру». Оно проявлялось в том, что человек уверен, что все и всегда происходит с ним на высшее благо всех и в первую очередь на его собственное благо. Такого человека уже невозможно вывести из равновесия, поскольку он прекрасно понимает, что даже самый трудный урок, который преподносит ему жизнь, идет ему на пользу и добавляет новые знания в копилку его души. Придя к этому, Никита послал благодарность всем сотрудникам школы, которые готовили его к миссии, а также пожелал Феликсу Белову – благополучно получить необходимый ему опыт и знания…

Феликс Белов открыл глаза, и его чуть не ослепил яркий свет. Зажмурившись, он попытался осознать, в каком месте оказался. Последнее, что запомнилось, – это поединок на боксерском ринге, который он, судя по всему, – проиграл. Воздух в палате был наполнен приятными ароматами. В нем ощущалось еще что-то очень расслабляющее. Впрочем, приятное ощущение длилось не долго. Сработала вспышка гнева. Эти вспышки начались после смерти матери и бабушки. Потом была жизнь в детдоме и банде, где ярость и агрессия помогали выжить. Спорт и военное училище частично научили контролировать негативные эмоции, но они то и дело проявлялись. Феликс снова открыл глаза и огляделся. Похоже, это больница. «Сукин сын Саргосян! Похоже, выбил меня нокаутом. А я так надеялся победить и пройти дальше».

– Здравствуй, Феликс! Мы рады твоему прибытию! – раздался рядом приветливый голос.

Белов повернул голову и увидел мужчину и женщину в красивых зеленых комбинезонах. На груди у них выделялись эмблемы в форме трех кругов, пересекающихся между собой.

– Где я нахожусь? – спросил Феликс.

– Ты находишься в особом реабилитационном центре…

Слово «реабилитационный» ввело Белова в бешенство. От матери он помнил, что «реабилитация» – это восстановление к жизни инвалидов! А значит, вся его жизнь пошла под откос. Ему уже не быть командиром, а чемпионат по боксу выиграет кто-то другой. Чтобы проверить, насколько все плохо, он попытался

встать, но тело не подчинялось. Удалось только двигать шеей и шевелить руками.

– Феликс! Все хорошо. Все наши действия направлены на то, чтобы ты поскорее восстановился и адаптировался после перехода. У вас это называется клиническая смерть. Некоторое время тебе предстоит жить в нашем мире – мире высшего измерения.

– Что?!! Какая еще клиническая смерть? Если бы я умер – то сейчас гнил бы в земле… Говорите правду! – на одном дыхании сказал Белов.

– Ты, Феликс, совершил переход. Перешел в другой мир. Твое старое тонкоматериальное физическое тело совершенно непригодно для жизни в нашем мире. И мы хотим создать тебе новое тело…

– Чего?! Какое еще тонкоматериальное тело?! Перестаньте издеваться надо мной! – заорал Белов. Когда он впадал в ярость, ему становилось не так страшно. Пока он не знал, как реагировать на всю эту чушь. Все его знания и опыт говорили, что этого не может быть, а значит – его разыгрывают. Но кому это надо?

В кабинете руководителя отделения для вновь прибывших в реабилитационный центр Пятого измерения проводилось экстренное совещание, на котором присутствовали: глава отделения – Олаф, мастер по работе с психической энергией – Бахрам и бабушка Белова – Глафира. Впрочем, эту элегантную женщину никто бы не назвал бабушкой. Глафира не являлась сотрудницей реабилитационного центра. Она трудилась в одном из миров, находящемся на уровне 4,94. Ее специализацией являлась морская фауна, а именно – скаты. Ее призвали в РЦ, чтобы встретить внука и помочь ему сделать первые шаги в новом мире.

– Друзья! – начал совещание Олаф. – У нас не простой случай. Наш пациент – Феликс. Он совершил переход по программе духовного замещения из физического мира. Этот мир находится на вибрационном уровне 4,302. Наш сотрудник занял его физическое тело для выполнения важной миссии. После выполнения задания он должен будет вернуть тело Феликсу. Вот только есть опасность, что физическое тело, из-за сложности миссии, может погибнуть, и Феликс останется жить в нашем мире. Наша задача – помочь ему поскорее адаптироваться. Добро от руководства получено.

– Задачу руководство поставило, – глубоко вздохнул Бахрам. – Но как ее решить? Ваш замечательный внук, – поклонился он Глафире, – обладает очень мощной энергетикой

разрушительного типа. Своим негативом он внес сильный дисбаланс в энергетику нашего отделения. Мне и моим сотрудникам пришлось очень потрудиться, чтобы сгармонизировать все энергии и защитить других пациентов нашего отделения.

– Вот поэтому мы и позвали уважаемую Глафиру, – улыбнулся Олаф. – Я считаю, что Феликсу просто необходимо некоторое время пожить в Обучающем мире.

Глафира задумалась и стала вспоминать все, что знала об этом мире. Сама она сразу попала на уровень 5,367 и после обучения решила отправиться в мир 4,94, где в одном из миров обитала большая колония скатов и хорошо оборудованный научный центр.

Обучающий мир – специально созданная реальность для совершивших переход жителей Четвертого измерения, которые могут принести дискомфорт в Пятое измерение. В Обучающем мире агрессивные и раздражительные люди проходят небольшую практику, в процессе которой меняются, учась на своих ошибках. Энергии Обучающего мира приближены к энергиям четырехмерности, а сама жизнь в Четвертом измерении и Обучающем мире схожа. Хотя и существуют значительные различия. В Обучающем мире все люди наделяются способностями, которые в четырехмерности писатели называют волшебством или магией.

Самый эффективный метод «перевоспитания» Обучающего мира – это материализация мыслеформ и многих допустимых желаний. В итоге – если человек мыслит и чувствует положительно, то все это в материализации дает прекрасный результат. Если мысли и поступки негативные – это мгновенно отражается на жизни участника эксперимента до тех пор, пока он не осознает причинно-следственную связь между мыслями, поступками и реальной жизнью. Например, есть программа под названием «Колобок». Если человек ругается матом, испытывает негативные эмоции, то каждый раз его тело подвергается трансформации, сильно деформируясь. В четырехмерном мире существуют крылатые фразы: «распирает от злости», «лопнуть от негодования», «почернеть от зависти». Все эти выражения имеют под собой реальную основу.

Невидимые низкочастотные энергии буквально воздействуют на Комплекс Многомерных Тел человека, меняя в худшую сторону его настоящее и будущее. В Обучающем мире люди все это испытывают на собственном опыте и за короткий срок учатся жить без негатива, а также многие повышают вибрации до такой степени, что им открывается путь в другие, более высокие

измерения. Другие превращаются в темных колобков, но через некоторое время начинают понимать свои ошибки и встают на путь исправления.

– Итак! – резюмировал Олаф. – Глафира общается с Феликсом, помогая ему адаптироваться в Обучающем мире, а Бахрам внимательно отслеживает все энергетические и прочие изменения в его КМТ. Если будут проблемы, сразу обращайтесь ко мне…

После того как люди в зеленых комбинезонах рассказали Белову, что он умер и находится в другом мире, в котором для полноценной жизни ему необходимо создать новое тело, его злость куда-то ушла. Возможно, свою роль сыграла легкая музыка и приятные ароматы, настраивающие на конструктивный лад. Ущипнув себя за руку, почувствовал легкую боль. Значит, это не сон. Быть может, чья-то шутка? Но кому нужны такие сложности, в которых задействованы столько людей?

В это время дверь в комнату открылась, и в нее вошла молодая красивая женщина с таким знакомым лицом.

– Бабуля, это ты? – не веря своим глазам, произнес Белов.

– Здравствуй, Феликс! – Глафира подошла к кровати и поцеловала его в лоб, как делала всегда, встречая и провожая единственного внука.

– Бабуля! Ну как же так? Ты почему здесь? Разговариваешь со мной… Ты ведь больше не существуешь. Тебя похоронили. Я даже несколько раз приезжал на твою могилу, – растерянно проговорил Белов, и на глазах у него появились слезы.

– Я – есть! – сжала Глафира руку внука. – Ты ведь чувствуешь меня?

– Чувствую! Так это правда? Жизнь после смерти существует?

– Еще как существует, а главное, она, в отличие от той страшной и суровой жизни, в которой мы существовали, гораздо лучше и интереснее. Вот ответь честно, счастлив ли ты был там, в своей жизни?

– Пока были живы вы – да! – задумавшись, ответил Белов. – А потом было много страха и боли. Но затем стало все налаживаться. У меня появились друзья. Я начал получать интересную профессию, нужную для страны.

– Хорошо. Предлагаю пойти и выпить за нашу встречу… травяного чая, – улыбнулась Глафира. – Вставай!

Феликс легко поднялся и вышел вслед за Глафирой в светящийся коридор, стены которого состояли из множества овальных дверей. Двери, а точнее энергетические порталы переливались самыми разными цветами. Он смог различить

несколько десятков цветов. Возле одной из них они остановились.

– Нам сюда.

Глафира надавила ладонью на темно-фиолетовую дверь, и они оказались на залитой солнцем улице. Улица была обычной. Много травы, деревьев, кустарников, некоторые виды он не смог опознать, но в целом ничего фантастического. Феликс разочарованно вздохнул. Вскоре они подошли к двухэтажному зданию, напоминающему кафе, похожее он видел в Казани, где был на соревнованиях. Приветливая официантка подвела их к столику возле окна с видом на танцующий фонтан. Через минуту она принесла горячий чай. Его аромат был непривычным, но приятным.

– Что-то я проголодался и не откажусь от более плотной пищи? – вопросительно взглянув на бабушку, проговорил Белов.

– А ты пей, Феликс, и, возможно, другой пищи не понадобится, – сказала Глафира и сделала большой глоток.

Белов сделал маленький глоток, а следом второй и третий. Вкус был изумительный. По телу довольно быстро распространилось тепло, которое выдавило из организма все страхи и волнения. И еще он вдруг почувствовал полное насыщение! Несколько глотков чая, по своей питательности заменили обед, состоящий из трех блюд в столовой училища.

– Что сюда добавлено? – удивленно спросил Белов. – Я сыт! А это со мной бывает очень редко.

– Это особый чай, состоящий из нескольких трав, но… с добавлением особых энергий, – ласково ответила Глафира. – Многие предпочитают питаться исключительно энергиями.

– В смысле – энергиями? – Белов начал вспоминать виды энергий, изученных на уроках физики: кинетическая, электромагнитная, потенциальная, гравитационная.

– Ничего! Ты быстро закроешь пробелы в образовании. А сейчас тебе надо знать основное. Жизнь на начальном уровне Пятого измерения практически не отличается от четырехмерного мира. Люди учатся, трудятся, ходят в театры, занимаются спортом, живут в домах и квартирах. Влюбляются и ходят на свидания, заводят семьи и рожают детей.

– Понятно. А где я буду жить? Найди для меня хотя бы койку в общаге! – утолив голод, обеспокоился о ночлеге Белов.

– Ты прав – это первое, что необходимо сделать, – улыбнулась Глафира, вставая. – Идем, Феликс, тебе жилье добывать. Кстати, просвети о своих предпочтениях: городская квартира или частный дом?

– Ого! – вспомнил Белов койку в казарме. – Домик хочу, как у нас был в Поволжье. И, если можно, вишневое дерево под окном и

еще ирисы.

– Пошли! – Глафира горько усмехнулась. Она сама высаживала те ирисы, которые запечатлелись в памяти внука символом счастья.

Пройдя несколько десятков метров, они оказались возле небольшого дома, окруженного зеленым садом. Под окном цвела вишня, на которой наливались спелые ягоды. А чуть в стороне была разбита клумба с ирисами.

– Ты в этом мире работаешь волшебником? – потрясенно посмотрел на бабушку Белов.

– А? Нет! Дом здесь уже стоял. Некоторые детали мне помогли создать друзья из Девятого измерения. Вот там живут – настоящие волшебники! Они могут мгновенно создавать почти любые вещи силой мысли. Вишня и ирисы – это подарок от Девятого измерения.

– Спасибо им. А как вы с собою связываетесь?

– С помощью силы мысли. У нас она называется телепатией.

– А я так смогу? – мечтательно спросил Белов.

– Не сразу. Для новичков у нас есть специальные устройства. Они небольшие – размером с книжку, а потом, конечно, научишься.

– Ладно, – сказал Белов и открыл калитку.

Дворик, размером в три сотки, был тщательно убран. Погуляв по нему, он понюхал ирисы, восстанавливая запахи детства, а также сорвал с дерева несколько вишен. Они были сладкими. Запулив косточки в кусты, повернул голову на соседний участок. Там высокая женщина распекала подростка. Мальчик, лет десяти, стоял, грустно опустив голову. Феликс, не отрываясь, всматривался в черты лица женщины. Перед выпуском из училища будущие лейтенанты старались найти себе жен, чтобы не ехать на заставы в одиночестве. Именно о такой невесте он мечтал по ночам в казарме. Стройная русоволосая красавица с голубыми глазами. Ее волосы волной падали ниже пояса.

«Какая девушка! Женился бы на ней не раздумывая! – пронеслась мысль в голове. – И женюсь, провалиться мне на этом месте!»

Дальнейшие свои планы он продумать не успел, потому что рухнул вниз по самую шею. Подбородок стала щекотать травка, а по щеке деловито побежал муравей. Впрочем, повреждений на теле не было. Белов поднял голову и увидел на краю ямы бабушку, которая протянула ему руку.

– Что со мной произошло? – удивился Белов. – Мы с тобой стояли на ровной траве. И вдруг – бац! – в яме оказался. Это какая-то ловушка?

– На жилых пространствах не бывает никаких ловушек. Здесь полностью безопасно. Ты сам сделал эту яму.

– Как это сам? Ничего я не делал!

– А кто произнес – «провалиться мне на этом месте»? – вздохнула Глафира.

– И что? Я постоянно так говорю. Это моя присказка.

– Это ты Там так говорил, а здесь запрещено. Табу! Нельзя не только поступать, а даже мыслить плохо. Запомни это мой дорогой! Очень хорошо запомни! – медленно проговорила бабушка.

Впрочем, Белов не очень вслушивался в слова бабушки. Его глаза притянула русоволосая красавица с глазами цвета неба.

– Это Мариана с сыном Михаэлем, – пояснила Глафира, перехватив взгляд внука, – тоже новенькие. Вместе перешли… Их одной бомбой убили. Характер у матери еще тот…

– Красивая девушка! – не отрывая от нее взгляда, восхищался Белов.

– Да, хороша. Ты слюни подбери и начинай осваиваться. А мне пора…

– А ты разве живешь не в этом городе? – наконец переключился на Глафиру Белов.

– Это не город, а отдельный мир, Феликс. Я тебе уже об этом рассказала. Будь внимательнее. Сейчас я живу в другом мире, на исследовательской станции. Как-нибудь приглашу тебя к себе в гости. Сейчас – до свидания!

За спиной Глафиры появилась мерцающая серебристым светом арка, в которую она шагнула. Через секунду портал погас, и на дворе остался только Феликс, который умер в своем мире, но тем не менее оказался живее всех других. Еще раз взглянув на соседний участок, в котором жила красивая соседка, и на новенький дом, он почувствовал, что ему начинает нравиться новая жизнь.

Его дом состоял из двух комнат и кухни. Ничего особенного. Односпальная кровать, застеленная синим одеялом. Небольшой шкаф и стол у окна. На столе стоял какой-то ящик. Неожиданно в голове всплыли знания, полученные в реабилитационном центре. Он подошел к ящику, который назывался компьютером, и дотронулся до экрана рукой. Экран открылся, и на нем высветилась фотография его бабушки. Вместо имени надпись: «Глафира. Ихтиолог». Пожелав спокойной ночи бабушке, он уснул с мыслями о Мариане.

* * *

Утром Белова разбудили лучики солнца, упавшие на лицо. Ночью ему снились хорошие сны, как в детстве. В душе поселилась легкая радость, от которой он давно отвык. Впрочем, она сохранялась недолго, – от тяжелого характера так просто не избавиться. Направляясь в ванную комнату, он спросонья ударился ногой о кресло.

– Понаставили хрен знает что! – массируя рукой ногу, стал бурчать привычные ругательства, не замечая, как его тело стало меняться. С каждым ругательством оно становилось другим. Рост уменьшался, а тело расширялось.

Жизнь в детдоме и училище выработали привычку постоянно трудиться. «Надо найти какое-нибудь дело! – решил Белов. – Причем срочно! Нужно связаться с бабулей. Может, чего толкового посоветует». Как только эта мысль оформилась в голове, на экране компьютера высветилось изображение Глафиры. Затем появились мигающие строчки: «Пройдись по городу и найди занятие по душе!»

Выпив чаю и съев грушу, сорванную в саду, Белов отправился на прогулку. На улице светило солнце, но жары не было. Стояла комфортная температура. Для юноши, выросшего в Саратове, город представлялся очень привлекательным. Дома и сооружения были самыми разными. Одноэтажные дома соседствовали с настоящими небоскребами. Некоторые дома напоминали тарелки, другие – прозрачные, в виде башен.

Внезапно он услышал приятную музыку и пошел туда, откуда она звучала. В Саратове, играя в оркестре на различных мероприятиях, они с друзьями неплохо зарабатывали. Войдя в парк, он нашел концертную площадку. На сцене расположилась группа музыкантов и играла красивую музыку. Присев с краю он не заметил, как пролетело время. Музыка была так прекрасна, что все плохие мысли ушли. Ушли на время, когда музыканты закончили играть, пришла зависть. Феликс осознал, что так играть он не сможет. Просто не хватит таланта. То, что было хорошо для Саратова, здесь воспринялось бы как жуткая какофония. Незаметно он стал еще толще.

С заплетающимися ногами Белов побрел дальше, размышляя, какими навыками он обладает. Через некоторое время дорога привела его к сооружению, похожему на стадион. Он уселся на скамейке и стал присматриваться к деятельности спортсменов. Они бегали, прыгали, метали диски, летали и перемещались какими-то странными способами.

Высмотрев в толпе тренера, он подошел к нему и спросил:

– Скажите, а могу я тоже заниматься спортом.

– Конечно, а каким именно? – внимательно осмотрел Белова

тренер.

– Раньше я занимался боксом. У меня первый разряд, – с гордостью проговорил Белов.

– Бокс? – задумался тренер, куда-то подключившись сознанием. – А! Видов спорта, связанных с насилием, у нас нет.

– Что? Бокса нет? – ошарашенно переспросил Феликс.

– Мы можем предложить множество других видов спорта, связанных с развитием твоих тел. Вот, например, сейчас мы готовимся к ежегодному городскому соревнованию по прыжкам на Луну, – улыбнулся тренер.

– Каким еще прыжкам на Луну? Вы что, меня за идиота принимаете? – рассердился Белов.

– Ежегодным! Городской комитет по спорту выбирает место на Луне, и участники соревнования должны телепортироваться как можно точнее в указанное место. В этом году мы будем прыгать в море Змеи.

Внезапно группа ребят, занимавшихся на турнике, рассмеялась. Белову показалось, что они высмеивают его.

– Море Змеи? Да пошли вы! Бокс им не нравится! Сами бараны. – Белов решил, что здесь над ним издеваются. Внезапно тренер и ребята возле турника превратились в баранов. Баран, бывший тренером, поднялся на задние копыта и сказал: «Ме-е-е!» Оглянувшись вокруг, Белов увидел только баранов, которые ходили по стадиону и мычали.

В ужасе он выскочил со стадиона и побежал в сторону дома. Впереди показался фонтан с прохладной водой. Белов подставил лицо под струю и вскоре успокоился. Сразу вспомнились слова бабушки о том, что в этом мире нельзя не только говорить плохо, но даже думать. «Получается, что мои мысли материализовались. А значит, это я настоящий бар… Спокойно. Я умный и талантливый. Больше обзывать других людей я не буду. Они все хорошие и приветливые. Жаль, что с боксом не получилось, но на нем свет клином не сошелся. Пойду домой, а завтра решу, что делать»…

Вечером к Белову пришла бабушка. Внимательно выслушав отчет о его приключениях, она сказала:

– Молодец! Вовремя вспомнил мое предупреждение. Ты с детства был сообразительным, быстро все схватывал. Потому и выжил после нашего ухода. Кстати, последствия могли быть серьезными.

– Какие последствия? И куда делись бараны? – настороженно спросил Белов. Он волновался, что его накажут.

– Бараны так и остались бы баранами. Ты же их создал.

– То есть я их заколдовал, и они могли не вернуться в

человеческое состояние?

– Еще чего! Кто бы тебе позволил так с людьми обращаться. Люди как были людьми, так и остались. Просто ты своими негативными мыслями создал ненужные фантомы. Впрочем, они были только в твоей реальности. Были не долго. Ты сумел все исправить, – успокоила внука Глафира.

– А если бы не исправил?

– В этом случае у бригады мастеров энерготрансформации появилась бы лишняя работа. А они и так загружены – дальше некуда. Представь себе, сколько подобных негативных мыслеобразов ежесекундно создается в четырехмерности на энергетическом уровне! Сколько там каждое мгновение создается баранов, овец, куриц, козлов, петухов, чертей, дураков. Чтобы человечество не задохнулось в этих мыслеформах, бригады мастеров энерготрансформации работают не покладая рук.

– Понятно. А что происходит с моим телом? Его можно сделать, как было раньше? Полагаю, это тоже связано с плохими мыслями? – мрачно посмотрел на себя Феликс.

– Ты осознал на собственном опыте, как работает система. Главное теперь – контролировать себя, не допускать злости, зависти, раздражительности, агрессии. Это будет сложно. Потому что в Обучающем мире все эмоции гипертрофируются, то есть увеличиваются во много раз, чтобы ты их быстро выявил и мог с ними работать.

– Это многое объясняет, – задумчиво ответил Белов. – Здесь я веду себя как капризная девчонка-истеричка. Самому тошно. На Земле я так себя не вел, хотя многими поступками не горжусь. Бабушка, я хочу устроиться на работу. Помоги мне!

– Хорошо! Сегодня составь список своих умений, а завтра подумаем, как их реализовать в этом мире.

Когда бабушка ушла, Белов отправился во двор полюбоваться прекрасным садом, а также подышать вкусным воздухом Пятого измерения. Ему казалось, что он состоит из тысяч ароматов, а сам воздух нежно его окутывает, наполняет силой, дарует успокоение и радость в душе.

Блаженное состояние прервал крик со стороны соседей. Молодая соседка сначала кричала на сына, потом зарыдала. Феликс перескочил невысокий забор и подошел к Мариане. Сначала он ее не узнал. Соседка, вчера еще походившая на актрису, сегодня стала низенькой и круглой.

– Привет! Я твой сосед. Меня зовут Феликс! – представился Белов. – Я знаю, что тебя зовут Мариана.

– Очень приятно. Ты не знаешь, что со мной творится? – с надеждой посмотрела она на Белова. – Разносит как на дрожжах!

– Успокойся, Мариана! – не зная, что раздраженному человеку нельзя говорить «успокойся», стал утешать женщину Феликс. – Все будет хорошо. Посмотри на меня – такой же круглый…

– Ты мужчина. Для вас красота не обязательна! – резко возразила женщина. – А мне с этим уродством что делать? Ведь здесь кругом одно издевательство. Посмотри на это! – Мариана отворила дверь в душевую, и оттуда посыпались… золотые монеты и серебряные кубки. – Видишь! Даже помыться не могу! Когда я попала в этот мир, мне сказали, что тут исполняется любая мечта. Пожелала того, о чем мечтала всю жизнь – в золоте купаться и питаться из серебряной посуды.

– Ну у тебя и запросы! – усмехнулся Белов.

– Понятно, что не буквально. Просто устала от бедности… – Мариана обернулась, о чем-то вспоминая. – Ты не видел Михаэля? Послала его к колодцу ведро воды принести.

Калитка открылась, и в нее протиснулся сын Марианы. В руках у него было небольшое ведро, которое он с трудом нес. Пальцы у мальчика были загнуты неестественным способом.

– Матерь Божья! А это еще что? – забилась Мариана в истерике, а затем прижала ладонь к губам. – Ой! Это я сама ляпнула, что у него руки-крюки, ничего по дому делать не умеет! Да тут что не скажешь, сразу все сбывается. Как жить дальше будем, Феликс?

– Все просто! Нужно думать, прежде чем говорить, раз уж слова, мысли и желания мгновенно осуществляются.

– Ты прав. До меня туго доходит. Какая я все-таки безголова… Ой!

Мариана прикрыла рот ладошкой. Затем вытерла слезы и обняла сына.

– Прости меня, мой любимый. Ты самый лучший! Твои руки самые сильные и ловкие! А ты – самый прекрасный! – Она на мгновение задумалась и улыбнулась. – Этот мир удивительный. Просто срочно необходимо научиться ему соответствовать.

– Научимся! – ответил Белов и рассказал о том, как провел свой день. Посмеявшись, они заключили соглашение о том, что будут помогать друг другу.

На следующее утро, открыв портал в саду, где Белов делал зарядку, вернулась бабушка. Позавтракав, они стали обсуждать будущее Феликса.

– Решил, чем будешь заниматься? – посмотрела на внука Глафира.

– Знаешь, учеба в военном училище мне нравилась. По ее

окончании я стал бы защищать границу Родины. А у вас есть пограничники?

На миг Глафира задумалась, подключившись к информационному полю, после чего ответила:

– Структуры, защищающие наш мир, конечно существуют. Темные силы постоянно пробуют нас на прочность. Но эта служба в данный момент для тебя закрыта. Во-первых, ты не имеешь гражданства Агарты, во-вторых, находишься в Обучающем мире, и не известно насколько затянется твое пребывание в этом месте. Но не расстраивайся! Ничего невозможного не существует. Какие еще идеи?

– Когда я жил в детдоме, в старших классах мне доверяли проводить занятия с первоклашками. Учителей постоянно не хватало. Директор говорил, что у меня неплохо получается. По крайней мере, с таблицей умножения, чтением и трудовым воспитанием проблем не было.

Глафира улыбнулась и ласково посмотрела на внука.

– Что не так? – нахмурился Феликс.

– Хватит сидеть! Проведу тебе небольшую экскурсию по школе. У меня там друг работает директором. – Закрыв глаза, Глафира стала с кем-то обмениваться мыслями. – Нас ждут.

Открыв портал прямо в комнате, они шагнули в него и оказались перед большим зданием, из которого выбегали дети.

– Иди один. Там тебя встретят. А у меня наметилось срочное дело, – задумавшись, сказала бабушка, исчезая в портале.

Через арочные врата Белов прошел в здание, где его встретил друг Глафиры – высокий мужчина в фиолетовом костюме.

– Нафанаил! – представился он. – Глафира просила ознакомить с преподаванием нашей школы. Предлагаю пойти на урок к второклассникам.

Они вдвоем зашли в класс, в котором двенадцать детей увлеченно слушали учительницу.

– Здравствуйте – это Феликс! – представил директор Белова. – Он недавно в нашем мире, и ему интересно узнать, что вы узнали в прошедшем году.

Поздоровавшись с детьми, Феликс стал задавать им вопросы, начиная с таблицы умножения и заканчивая общими знаниями о мире. Чем дольше они отвечали на вопросы, тем сильнее портилось у него настроение. Усилием воли Белов взял под контроль свои чувства, чтобы никому не навредить, и через пятнадцать минут осознал, что это ему нужно учиться у этих маленьких ребятишек. Большинство его знаний в этом мире оказались непригодны. Подавленным он вышел из школы и сел на лавку возле фонтана.

«Либо в этом классе собрались гении, либо мой мир очень примитивный», – взяв себя в руки, стал размышлять Белов. Будучи комсомольцем и курсантом пограничного училища, он привык гордиться своей страной, считая ее самой передовой во всем.

Рядом присел Нафанаил, посылая Феликсу энергию доброжелательности.

– У нас в стране есть тоже много умных детей, но здесь они совсем другие. Пока не пойму, в чем дело, – проговорил Белов.

– Все очень просто. У вас учеба базируется, в первую очередь, на запоминании. Чем больше ребенку дали знаний, тем лучше учитель справился с работой. Наша система образования построена на том, чтобы научить детей самостоятельно мыслить.

– Как же! Вы решили проблему с получением информации. В любой момент ребенок может достать любые сведения прямо из информационных полей планеты. Выходит, что и вовсе ничего учить не надо. У каждого с собой в кармане Ленинская библиотека. Я прав?

– Нет! Все не так! В скором будущем, когда ученик станет взрослым, а взрослеют в нашем мире быстрее, чем у вас, ему придется освоить какую-нибудь профессию. И здесь придется накапливать необходимые профессиональные знания. Представь себе пилота космического корабля или сотрудника «Института изучения новых форм жизни», которые действуют в самых разных мирах. И что? Когда важна каждая секунда для принятия решения, им за каждой мелочью подключаться к информационным полям? Это и неудобно, и занимает определенное время. Да и возможность такая не всегда предоставляется. Поэтому целесообразнее хранить базовые профессиональные знания в своем Комплексе Многомерных Тел, то есть – запоминать. Кстати говоря, и письменность у нас существует. Используется не так широко, как в вашем мире. Мы предпочитаем хранить информацию в чистом виде, без перевода в систему графических символов. Но любой человек все равно ее знать обязан, как и правила правописания. Устному счету тоже обучаем, значит, без таблицы умножения не обойтись!

– А еще какие отличия? – заинтересованно спросил Феликс, понимая, что ему нужно снова учиться.

– У вас коллективная форма обучения, у нас индивидуальная. У одного учителя редко за раз бывает больше пяти учеников. Индивидуальный подход к каждому ученику – важнейшее условие воспитания и обучения. Ни то, ни другое невозможно без понимания и чувствования его внутреннего мира. Без этого не получится определить наклонности и его главный талант. Мы

считаем, что все дети талантливы с рождения.

– Да! Индивидуальный подход – это прекрасно! Вот только у нас недостаток хороших учителей, поэтому классы переполнены, – проговорил Белов и задумался. Вариант с преподаванием в школе не сработал.

– Если захочешь, то можешь учиться в нашей школе, – уловил его настроение Нафанаил.

– Хотеть-то я, может, и хочу, только начинать придется с начала. Вот только сидеть за партой с детьми мне не интересно.

– Сидеть за партой не обязательно. Я уже говорил, что у нас индивидуальное обучение. Опытные преподаватели составят программу обучения и выявят твой основной талант.

– Хорошо. Я подумаю. А сейчас не подскажете, где находится зоопарк.

– Почему зоопарк? – с интересом посмотрел на Белова Нафанаил.

– У нас в детдоме была зооферма. Там были кролики, курицы, поросята, хомячки, два ужа и еж. Мы по очереди чистили за ними клетки. Уж с такой работой в зоопарке я справлюсь.

– Я понял тебя, – проговорил Нафанаил, открывая портал. – Тебе туда.

Белов попрощался с директором и шагнул в овал портала. Портальная площадка оказалась на высоком холме, откуда открывался живописный вид на территорию заказника. Смотритель, встретивший его, поинтересовался о цели прибытия и посоветовал начать с обзорной экскурсии.

Глайдер, куда уселись Белов и еще пятеро туристов, мягко оторвался от земли, и экскурсовод начал увлекательный рассказ о местной флоре и фауне. Заказник, располагавшийся в Пятом измерении на уровне 5,003, владел огромными площадями, на которых проживало множество животных, о которых Феликс читал только в мифах и легендах. Пегасы с большими белыми крыльями, летавшие по территории заказника, и единороги никого не оставили равнодушными. Тем не менее судьба его решилась возле вольера с обезьянами.

После окончания экскурсии, когда Белов шел в направлении администрации заказника, его привлек белорукий гиббон с шерстью песчаного цвета, сосредоточенно жующий банан. Впавший в детство бывший курсант пограничного училища стал корчить ему рожи. Тем неожиданней стал для него голос, раздавшийся в голове:

«Добрый день, молодой человек! Могу ли я чем-нибудь помочь?»

В один миг покрасневший Феликс стал украдкой

оглядываться, но вокруг никого не было. Разве только гиббон, доставший откуда-то еще один банан, подошел к ограде и протянул его Белову. Одновременно с этим жестом в голове Феликса снова раздался голос:

«Угощайся».

– Спасибо, – взял банан Белов. – Это вы со мной говорите?

«Мы обращаемся друг к другу на „ты“. Меня зовут Евдоким, что на языке великого Гомера означает „славный“. А как зовут моего нового друга?»

– Феликс, что означает…

«„Счастливый“, – перебил его Евдоким, – или „приносящий счастье“, „плодородный“, „радующий“, „живительный“».

– Все верно. Даже не буду спрашивать, откуда ты это все знаешь.

«А я отвечу! Мое хобби – семантика имен различных языков Земли. У тебя редкий дар, Феликс! Ты понимаешь нас. Такие специалисты в этом мире нарасхват. Поэтому хочу поинтересоваться: ты никогда не задумывался о карьере ученого-зоолога?»

– Честно говоря – нет, но моим любимым писателем был Сетон-Томпсон. Он хорошо писал о животных, а я всегда любил работать в живом уголке.

В десяти метрах от Феликса открылся портал, и из него вышла красивая женщина с длинными русыми волосами.

– Приветствую тебя, Феликс! Меня зовут Агния. Я возглавляю этот заказник. Вижу, у тебя проявился дар, как у Глафиры. Ты тоже понимаешь животных. Евдоким считает, что ты сможешь с ними гармонично сотрудничать. Если тебе это интересно, то мы можем принять тебя на испытательный срок.

– Я согласен! – радостно ответил Феликс. Он чувствовал, что нашел дело по душе.

Глава 11

После выписки Никита получил назначение в 103-й пограничный отряд. В пассажирском поезде Ленинград – Выборг было многолюдно. В вагоне с жесткими диванами ехали в основном военные, как и он получившие направление на новое место службы. Все разговоры, естественно, крутились вокруг прошедшей войны на Карельском перешейке.

Никита снял ордена. Оставил только медаль «За отвагу». Ему не хотелось вступать в разговоры, и он просто смотрел в окно. Хотя был конец марта, зима не думала сдаваться. Белый снег укрывал дома, дороги и деревья.

Перед отъездом, после долгих сомнений, он написал письмо на имя Сталина. Письмо было написано от имени чиновника Министерства торговли и промышленности Российской империи. Якобы перед смертью он решил помочь своей многострадальной родине. В нем он писал о секретных геологоразведочных экспедициях, работавших до революции, в результате которых было найдено много полезных ископаемых. Никита хорошо знал о месторождениях, найденных после войны. Экономическую географию он любил и хорошо знал. К тому же, работая в прокуратуре, пришлось поездить по различным предприятиям. Может, успеют поставить нефтяной завод в Татарской или Башкирской АССР? Еще он написал о месторождениях урана в Казахстане и якутских алмазах. Все месторождения были указаны точно, с привязкой к местности. Нужно было только потратиться на экспедицию и бурение.

Сомнения же его заключались не только в собственной безопасности. Главное, что с его подачи построят заводы и отравят окружающую природу, которую он всю жизнь защищал. Но ничего не поделаешь. Без заводов не будет нормально вооружена армия, а без армии СССР завоюют, и эти месторождения будут служить ее врагам.

– Пересекаем старую границу с Финляндией! – торжественно объявила девушка-проводница с комсомольским значком на груди.

Народ прильнул к окнам. Пропал, словно его и не было, снег. Исчезли великолепные ели. Вся земля была перемолота бомбами и снарядами. Обугленными столбами стояли, расщепленные без крон, деревья, печные трубы на местах. Вокруг валялось брошенное врагом оружие, исковерканная техника…

К утру Никита добрался до поселка Рempетти, в котором

находился штаб 103-го отряда. В поселке располагалось много воинских частей. Поэтому пришлось уточнять путь у встреченного капитана. Штаб отряда занимал большой дом, срубленный из вековых сосен.

Принял его начальник штаба отряда майор Охрименко. Плотный, крутолобый, среднего роста, он сразу оглушил Никиту своим басом. Беседа была долгой и обстоятельной. Семен Никифорович разузнал все, что ему хотелось, о новоиспеченном начальнике заставы.

– В жизни всегда есть место подвигу. Но молодые пограничники, в том числе и командиры, почему-то связывают его с перестрелками, преследованием нарушителей и прочими книжными приключениями, – посмотрел ему внимательно в глаза Охрименко. – А разве служба в течение нескольких лет на отдаленном острове, где не увидишь никого, кроме своих подчиненных да нечастых гостей – командиров из комендатуры и отряда, служба в жару и холод, в дождь и пургу, служба, каждый день связанная с риском для жизни, – разве все это не подвиг?

«Ладно. Заканчивай агитировать. Говори уж, куда ты меня хочешь засунуть. Я не против. Все не война», – подумал Никита, внимательно смотря в глаза майору.

– Сегодня вам предстоит совершить марш-бросок через Финский залив на остров Койвисто, где располагается 1-я комендатура. Познакомишься с комендантом – капитаном Малым. Он человек завидной храбрости. За бои с белофиннами награжден орденом Ленина. Там уже будут ждать новые подчиненные вместе с политруком. Их вы поведете на остров, где будет располагаться ваша застава.

«Тяжелый марш-бросок по льду, с чемоданом и скрипкой, это не есть хорошо. Я еще до конца не восстановился».

– Вы, кажется, приуныли? Не вижу оснований для этого. Военная судьба изменчива. Знаю точно: толковые начальники подолгу на заставах не задерживаются – их ждут продвижение по службе, учеба в академии…

– Академии? – переспроси Никита.

– Да, академии. В личном деле написано, что вы владеете иностранными языками и к тому же награждены орденами и медалью. Почему их не носите? – ткнул ему пальцем в грудь майор.

– Не хочу сильно давить авторитетом на подчиненных.

– Ну, вам виднее! Но прежде чем уйти с заставы, потрудитесь оставить о себе добрую славу. Добейтесь, чтобы вы, образно говоря, всегда оставались в строю, чтобы пограничники, сменяя друг друга, как эстафету передавали рассказы о ваших делах.

– Сделаю для этого все возможное.

«Вот только застава просуществует недолго», – подумал Никита.

Запищал зуммер телефона.

– Мы уже закончили, Александр Александрович.

Охрименко вышел из-за стола и пожал Никите руку, пожелав успехов.

– Комиссар ждет вас.

Военком отряда батальонный комиссар Пьянков был небольшого роста, но с широкими плечами. У него были способности к магии Разума. Во время разговора на его лице не гасла улыбка. Слушая Никиту, он чуть заметно кивал, словно ободрял, вызывая на откровенный разговор.

– Никогда не забывайте, что к подчиненным надо относиться, как отец к сыновьям. Не заигрывать с ними – народ быстро разгадывает фальшь. Не кричать на них – криком человека не воспитаешь. Ни в коем случае не путайте формирование коллектива с составлением боевого расчета. У каждого человека есть мечта, большая или маленькая, но мечта, может быть даже, одна на всю жизнь. Надо знать, о чем мечтает каждый из ваших подчиненных, помогать осуществлению этой мечты. Ведь при всем желании человек может добиться невозможного.

«Такую лекцию мне мог прочитать преподаватель по психологии в Агарте. Тебе бы инструктором там работать!»

– Вам уже довелось повоевать. Это хорошо: боевой опыт – самое большое богатство для военного человека. Но война показала не только наши сильные стороны – они у всех на виду, но и наши недоработки в обучении и воспитании людей и во многом другом. В боевой учебе мы допускали много условностей и послаблений. А надо учить людей тому, что нужно в бою, и так, как бывает в бою. Хромала и наша политическая работа. По требованию штаба войск погранокруга мы готовим сейчас предложения по устранению недостатков. – Пьянков похлопал по лежавшей перед ним бумаге. – В скором времени обсудим этот документ с начальниками и политруками застав. Подготовьте свои идеи.

«Молодец комиссар. Пограничные войска лучших забирают».

– Требование современной воинской жизни – ни одного дня без учебы в обстановке, приближенной к боевой! Не забывайте: тот, кто стоит на месте, идет назад. Назад! – повторил батальонный комиссар, повысив голос. – Понимаете? Умейте сами и научите подчиненных ползать по-пластунски, окапываться. Умейте сами и научите подчиненных владеть штыком и прикладом, метко стрелять из всех видов табельного

оружия, метать гранаты. В будущей войне, а она, думается мне, не за горами, героем будет тот, кто отважен и всесторонне подготовлен в военном отношении.

До острова Койвисто Никите дали провожатого, который сразу взял его тяжелый чемодан. Лед был еще крепким, если не считать множества уже затянувшихся воронок от снарядов и бомб. Дошли довольно быстро.

Первый, кого Никита увидел в штабе комендатуры, был его бывший политрук Андрей Алексеев, с которым за время службы у него сложились доверительные отношения.

– Феликс, снова вместе! – крикнул Алексеев. – Я назначен к тебе на заставу политруком.

Они крепко обнялись. В отделе кадров Ленинградского округа работали нормальные люди. Никита знал, что плохой комиссар может испортить много крови. Им изначально дали много власти.

– Смотри, кто со мной!

Никита оглянулся и увидел улыбающегося Миргачана Силантьева. Он обнял его тоже. Проверенные боевые товарищи это очень важно.

– Личный состав заставы видел?

– Прекрасные ребята! – с гордостью отозвался Алексеев о пограничниках. – Такие же, какие были у нас во взводе. Многие служат по пятому году. Любой из них, если потребуется, заменит нас с тобой.

– Это хорошо, что их не демобилизовали! Для нас хорошо, – улыбнулся Никита. – Для них плохо, но на все воля начальства.

– Меня особенно радует то, что и коммунисты есть. На заставе будет полнокровная партийная организация!

«Кто о чем!»

Дежурный пригласил к коменданту. Комендант встретил их радушно. На чисто выбритом лице, продубленном солнцем и ветрами, выделялись острый нос и прищуренные, словно всматривающиеся, карие глаза. Меркурий Семенович Малый был точен, немногословен и внимателен к людям. Говорил он только по делу, емкими и ясными словами. Когда чисто служебные дела были решены, Меркурий Семенович сказал:

– Поговорим о хлебе насущном. Сегодня познакомитесь с личным составом, получите продовольствие, оружие, боеприпасы, погрузите все это на розвальни – и в путь. Продовольствие, обмундирование и снаряжение, боеприпасы, почту, мы будем доставлять вам гужевым транспортом, затем на катерах.

И вот отряд Никиты прибыл к своему новому дому. Быстро

освободили сани, перенесли грузы на берег и остановились, внимательно осматривая морской маяк, дома поселка и окружающую местность – недавний узел сопротивления, левый фланг линии Маннергейма.

Остров – бывшая морская крепость, прикрывал собой Карельский перешеек с запада. Он вытянулся с севера на юг на восемнадцать километров, ширина два – пять километров.

По-весеннему ярко стало светить апрельское солнце. Холодный воздух пропитался запахами хвои, березы, черемухи и тополя. Снег был заляпан черными пятнами – следами артобстрелов и бомбежек. Повсюду – разбитая, искореженная боевая техника и прочее военное имущество. Работы предстояло очень много. Пока еще не разведан ни один метр земли, на которой пограничники будут служить, и непонятно, какие сюрпризы найдутся в уютных с виду домиках, выкрашенных масляной краской.

Все дороги и подступы к огневым точкам на островах Выборгского залива, были заминированы. Только в Тронгзунде и на островах саперы обнаружили и обезвредили пять с половиной тысяч мин и различных фугасов.

Поселок почти не пострадал от военных действий. Только в некоторых домах взрывной волной были выбиты стекла, сорваны с петель двери, да снаряд разворотил крышу в бане. Баню отремонтировали первой и уже через несколько дней в ней парились.

Издали облюбовав вместительный, хорошо сохранившийся дом, Никита стал осторожно к нему пробираться. По пути почувствовал две мины и обвел их палкой. Приданные заставе саперы сразу их обезвредили.

Внутри дома все говорило о поспешном бегстве хозяев: ящики выдвинуты, шкафы открыты, на полу разбросаны обувь, книги и постельное белье. Герань на окнах погибла, земля в глиняных горшочках потрескалась. Стены промерзли и покрылись инеем. А вот печь-голландка, облицованная кафельными плитками с рисунками из сказок Андерсена, оставалась изящной и нарядной.

«Простите нас, хозяева. Удачи на новом месте», – мысленно проговорил Никита. Ему стало жаль их, ставших жертвами этой короткой, но кровопролитной войны.

Старшина сразу приступил к своим обязанностям, распределив бойцов на уборку. Белов с Алексеевым отправились на осмотр подведомственного участка границы. Ровным белым полотном тянулся скованный льдом Финский залив. Вдали, в мерцающей дымке, виднелись очертания гранитного берега Финляндии. Там жили люди, которые сейчас ненавидели новых

хозяев острова и хотели вернуть его обратно.

Медленно, энергетически прощупывая каждый метр, Никита прокладывал будущую дозорную тропу вдоль берега. Примечал каждую деталь. Сканирование острова давалось не просто. В промерзшей земле осталось множество гостинцев от финнов, но тем не менее дело делалось. Он все дальше продвигался вглубь острова. В тех зарослях подходящее место для МЗП – малозаметных препятствий. С этой высотки идеально наблюдать за финским берегом. Кустарник навис над берегом. Летней ночью разведчик может причалить здесь на лодке. Алексеев обратил внимание на две росшие вместе пушистые ели. Прекрасное место для наблюдательной вышки. На много километров будет видно.

Когда они вернулись с рекогносцировки, в доме уже было прибрано. Топилась печь, а на плите в большой кастрюле готовился суп. Повар снимал пробу с обеда.

«Повезло со старшиной! Быстрый и основательный». Никита часто ловил себя на мысли, что ему везет с окружавшими его людьми. Старшина Доценко был человеком энергичным и хозяйственным. Хотя и где-то упертым. Но не как баран. Если что-то задумывал, обязательно доводил дело до конца.

После вкусного обеда состоялся митинг. На нем выступил политрук. У него это получилось. Красноармейцы клялись зорко охранять границу, быть отличниками боевой и политической подготовки, крепить дисциплину.

Чуть позже прозвучал приказ старшего лейтенанта Белова:

– Приказываю заступить в наряд по охране Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Через неделю на заставу прибыл заместитель Никиты – лейтенант Саблин, который оказался замечательным художником и рассказчиком, к тому же хорошо пел и прекрасно разбирался в музыке. Командир с такими разнообразными талантами быстро включился со всеми на одну волну, помогая сплачивать коллектив. Все пограничники были людьми опытными, но их собрали из разных застав.

Памятуя печальный опыт финской войны, пока не растаял снег, Никита поставил всех на лыжи. Многие совсем не умели на них ходить. Лыжные переходы и стрельба с лыж из разных положений закончилась только, когда снег пропитался водой. Оттепель пришла внезапно. За несколько дней растаял снег, и зажурчали ручейки. Пограничники сразу же собрали и сожгли испорченное военное имущество, доставшееся от противника, и, оставшийся от финских крестьян мусор.

По вечерам командиры прикидывали, где лучше построить

дзоты, блокгаузы, отрыть окопы, щели и траншеи, оборудовать стрельбище, штурмовую полосу и площадку для занятий спортом. Ни на один день не прекращались занятия. Политическая, противохимическая, строевая и инженерная подготовка, стрелковые тренажи, штыковой бой, гранатометание, топография сменяли друг друга. Саблин разнообразил программу и усложнил нормативы, поэтому пограничники, хоть и служили пятый год, но занимались с охотой.

Для себя Никита нашел удобную бухточку, в трех километрах от поселка, и, разложив костерок, стал каждый вечер играть там на скрипке. Сначала играл простые произведения, которые помнил Белов, потом у него в голове стали возникать произведения, услышанные в Агарте. Большинство из них воспевали прекрасную природу Пятого измерения и были очень мелодичны. На третий день, когда он исполнял мелодию «Полет стрекозы», увидел перед собой Агидель. После этого она стал приходить каждый вечер. Агидель рассказала, что стихиальные духи очень любят, когда под треск дров от костра поется или играется гармоничная музыка.

Они часто вели разговоры на разные темы. В частности, Агидель рассказала о пространственной ловушке, в которую попал Никита после своей гибели. Их во множестве устраивали демонические существа, которые контролировали низший и средний астрал, примыкающий к Земле. Жертвы веками могли находиться в ловушках, отдавая энергию всех своих многомерных тел, а также дары и способности, накопленные во время жизни в физическом теле.

Никите просто повезло, что Агидель являлась хранительницей его рода и реки Северная Двина что он смог преодолеть страх и призвать ее на помощь. Обычно высшие силы без просьбы не приходят на помощь. На Земле действует принцип свободы воли и по умолчанию считается, что если человек не просит о помощи, то он решил справиться с препятствием сам, чтобы получить силу и опыт.

В один из вечеров Агидель познакомила его с малыми стихиалиями. Так все совпало, что это оказалось несложно… В конце апреля проклюнулась первая трава. Верхний, самый маленький, слой земной коры, где прячутся корни и семена растений, имел в тонких мирах свое соответствие – прекрасную страну Дараинну, область благих духов, специализация которых – корни и семена. Ландшафт этого мира Никиту сразу заворожил. Семена и корни тихо светились нежнейшими оттенками изумрудного, серебристого и лазурного цвета. Вокруг каждого зерна мягко мерцала живая аура.

Жители Дараинны – маленькие существа, напоминающие белые колпачки. Сверху у каждого еще один колпачок, поменьше, вроде головки. У них имелась пара нежных и ловких конечностей – среднее между руками и крыльями. Способ передвижения – медленная левитация. Перелетая по воздуху, они что-то творили над семенами и корнями, как над колыбелями. Эти маленькие существа владели знаниями о том, как из крошечного семени вырастить большое дерево, со всей уникальностью своих форм. Если бы не их неутомимый труд, то инфернальные силы получили бы доступ к этим колыбелям и давно уже перекодировали земную поверхность в непроходимые заросли чудовищных форм. Существует множество вампирически хищных и безобразных видов растений, с помощью которых темные силы производят свою экспансию в другие миры. Светлые стихиалии воспринимали людей осязанием. Люди для них небезразличны. Отношение к каждому человеку определялось его отношением к Природе.

Пограничники усиленно занимались облагораживанием острова. После сожжения мусора по инициативе старшины заложили клумбы с цветами. Все это произвело впечатление на жителей Дараинны и позволило Никите вступить с ними в контакт.

После того как он познакомился с жителями Дараинны и сыграл им «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик» Петра Чайковского, между ними завязалась теплая дружба. Они показали связь их мира со слоем, который называется Мурохамма. Этот слой соответствовал нижнему ярусу лесов – мхам, травам, кустам, всему, что люди называют подлеском. Следствием дружбы стало то, что Никита стал лучше чувствовать обиталище стихиалей деревьев, которое называется Арашамф.

Стихиалии Мурохаммы и Арашамфа даже близко не напоминали людей. В мирах Пятого измерения они разумны, прекрасны, мудры и на равных общаются с лучшими представителями человечества. В Арашаме они облекаются эфирными телами и погружаются в полудрему. Деревья трехмерного и четырехмерного мира – их физические тела. Ландшафт Арашамфа напоминал зеленоватые языки благовонного пламени. Некоторые из них подобны праведникам и благосклонны к людям. Они терпеливы, спокойны и смиренномудры.

Иногда между ними совершалось нечто торжественное, как в церкви литургия. Когда человек попадал в ритм этой литургии, то его тела очищались и на душе становилось легко. Он становился единым с Природой и чувствовал все ее страхи и боли, а также

радости и счастливые моменты. Никита сразу запретил пограничникам втыкать ножи в деревья, приказав сделать ростовые мишени, а также развесить вокруг заставы скворечники.

После того как растаял лед в заливе, прибыл катер с группой командиров. Рядом с капитаном Малым легко и молодцевато двигался рослый и плечистый майор. Когда Белов поспешил ему навстречу, сопровождавшие майора лица, в том числе и комендант, приотстали.

Рапортуя, Белов внимательно рассматривал свое прямое начальство. Из-под припухлых век на него глядели, не мигая, серые с желтинкой глаза. Широкие брови вразлет, строгое неулыбающееся лицо, крутой подбородок. «Характер у мужика не простой. Надеюсь, сильно придираться не будет». Начальник отряда Петр Михайлович Никитюк молча пожал Никите руку и так же молча прошел мимо. Гости побывали всюду: в помещениях, где жили пограничники, в курилке и на кухне, на продовольственном складе и в бане, на конюшне и в коровнике.

– Молодцы, – одобрительно сказал майор и широко улыбнулся. – Ничего другого от вас я не ожидал.

«Да. Мы такие!» – мысленно выдохнул Никита.

– Соберите свободных людей в ленинском уголке, – приказал он.

Майор Никитюк оказался человеком простым и душевным, а также веселым и общительным. Несколько минут он рассказывал личному составу о задаче, стоящей перед заставой. Ответив на все вопросы, сам стал их задавать.

– Как разжечь костер в дождливую погоду? Как определить время, если нет часов? Чем можно питаться в лесу? Как вправить легкий вывих?

Бывалые пограничники уверенно отвечали на все вопросы.

– Молодцы! В трудную минуту и сами не пропадете, и других выручите.

На Карельский перешеек Никитюк приехал с Сахалина, где был начальником штаба погранотряда, и знал множество веселых историй из пограничной жизни, увиденных за долгую службу. Когда он рассказывал некоторые из них, в ленинском уголке стоял хохот.

Вместе с Никитюком и капитаном Малым на заставу приехали комиссар 1-й комендатуры старший политрук Ковалев и военфельдшер Гринь. Комиссар Ковалев обратил внимание на красноармейца Петра Гузенко, делавшего солнышко на турнике. Тот был отличником пограничной службы: меткий стрелок, спортсмен, к тому же ни дня не мог прожить без газеты или

книги.

– Хорошо работает, но допускает ошибки, – оценил действия Гузенко Ковалев.

– Да, это один из лучших наших бойцов, – вступился за него Алексеев. – Я даже политинформацию ему проводить доверяю.

– Значит, не имеет права совершать ошибки.

Ковалев быстро скинул с себя снаряжение и подошел к турнику. Подтянувшись двадцать раз, стал делать подъемы переворотом, затем закрутил солнышко. Это произвело на всех присутствующих впечатление.

На следующее утро пошли на стрельбище. Солдаты стреляли метко. Давалось три патрона. В основном набирали 26–27 очков. Гузенко выбил 29. Комиссар выбил три десятки.

– А не хочет ли командир заставы показать свои навыки стрельбы? – спросил Ковалев.

– Что вы предлагаете? – Сейчас Белов находился в хорошей форме.

– Стрельба с расстояния триста метров по консервным банкам. Десять выстрелов, – азартно предложил комиссар.

– Хорошо, – согласился Белов.

Алексеев отмерил расстояние, и Ковалев, лежа на старой шинели, отстрелялся из своей снайперской винтовки.

– Восемь из десяти сообщил боец. – Комиссар довольно улыбнулся.

– Неплохо. Может, увеличим расстояние до километра? – спросил Никита, чтобы поддержать славу заставы.

– А попадете? – подошел к ним Никитюк.

– По финнам не промахивался.

Красноармейцы отмерили расстояние и поставили банки. Никита взял свою СВТ-38 и встал на дистанцию. Проверил ветер и вошел в транс. Время на миг остановилось. Он четко видел банки. Быстро произвел выстрелы и в полете подправил две пули.

Ух! Вышел из транса, почувствовав легкую потерю энергии. В последнее время он много занимался со своими тонкими телами. Все пробои в ауре были залатаны. Никита быстро набирал энергию через укрепившееся эфирное тело. Благодатная природа Карелии и светлые духи, буквально облеплявшие его во время игры на скрипке, сделали все тела мощными. Каналы стали разветвленными и более утонченными. Он даже подозревал, что стихиалии считали его чем-то вроде дерева и помогали, как умели, развиваться.

– Десять из десяти, – подбежал радостный Алексеев.

– Теперь понятно, за что вы получили свои ордена, – задумчиво проговорил Никитюк. – Странно, что вас не оставили в

штабе округа, в отделе боевой подготовки.

– Думаю, наше мудрое начальство считает, что нельзя стать хорошим командиром, если ты не набрался опыта в качестве начальника заставы, – вступился за начальство Никита.

– А это верно, – проговорил комиссар. – Застава – основа пограничной службы. Может, покидаем гранаты на дальность и пробежим полосу препятствий на время?

– Здесь сразу сдаюсь, – поднял Никита руки, – пока еще спина до конца не зажила. А давайте устроим рыбалку на время. Кто больше выловит рыбы. У нас здесь хороший клев.

Они вышли в море на катере и стали ловить на удочку. Никита использовал заклинание рыбаков по привлечению рыбы, и у всех начался сильный клев. Начальство оказалось азартным, и через два часа катер был завален окунем и судаком. Вечерняя уха, приготовленная опытным поваром, не оставила никого равнодушным.

С тех пор застава стала на хорошем счету у начальства. Особенно нравилось приезжать начальнику отряда. Старый кавалерист любил ездить по острову на коне, и командиры по очереди его сопровождали…

Глава 12

Вначале июня, после небольшого концерта, который Никита устроил для Агидель, она сделала ему подарок. Показала древнюю духовную практику под названием «Золотая сфера гармоничной событийности». Это такой способ сотворчества с тонким миром. Достаточно простой и эффективный.

Сначала необходимо было выразить «Чистое намерение» для осуществления задачи. Важное условие: чистое намерение – это такое намерение, которое не способно никому и ничему принести вреда. После формулирования и высказывания намерения нужно мысленно представить перед собой золотую сферу. Первоначально она может быть небольшого размера. Затем по мере разворачивания энергоинформационного процесса сфера увеличивалась и могла стать очень большой. Нужно было встать в центр сферы и призвать в нее представителей группы поддержки. У каждого она своя. Никита призвал славянских богов, ангелов, православных святых и тех учителей, которые покровительствовали жителям Агарты. После этого сферу необходимо было укутать голубой или радужной оболочкой – в зависимости от того, как быстро вы хотите реализовать свое намерение. Голубая оболочка позволяла развиваться событиям медленнее, но гармоничнее. Никита чувствовал, что время сжимается, поэтому окутывал сферу радужной оболочкой. Она позволяла развиваться событиям быстрее, но в этом случае для достижения гармонии на некоторых этапах требовалось больше энергии и, возможно, некоторое изменение сценария.

Первым делом он создал сценарий излечения Харви и каждый день напитывал сферу своей энергией. Потом он начал получать подсказки от Агидель и других помощников. В этом процессе главное было не строить железобетонных сценариев, они должны быть очень гибкими, а еще важно не устанавливать точных сроков реализации намерения. Группе поддержки лучше было знать, когда реализовать намерение, в какие именно сроки. Вторая часть намерения давалась сложнее. Никита только четко представлял, как к нему в руки попадает «Книга жизни и смерти». Тем не менее он старался каждый день вливать свою энергию в Золотую сферу гармоничной событийности.

В июле Золотая сфера наконец заработала – на остров вместе с начальником комендатуры приехал один старый знакомый. Не Никиты, а Белова, поэтому он не сразу его узнал, тот несколько постарел. Редкие волосы на голове стали седыми, а морщин на лбу прибавилось. Это был тот самый майор НКВД, который

проверял знание языков Белова в отделе кадров Саратовского НКВД. Он был одет в полевую форму пограничника.

– Здравствуй, Белов. Майор Шармазанашвили. Надеюсь, ты меня помнишь? Где мы можем поговорить наедине?

– Здравия желаю, товарищ майор! Вы умеете ездить верхом? – спросил Никита.

– В местах, откуда я родом, без этого ты не можешь считаться джигитом. Заодно покажешь остров. Все говорят, что у вас тут очень красиво.

– Это так. Оседлайте нам две лошади и соберите бутерброды, – приказал Никита старшине, который вместе с дежурным нарядом принимал грузы.

Отъехали от заставы на пять километров и спешились возле небольшого живописного озерца.

– Красивое место, – огляделся майор. – Смотрю, и дрова собраны.

– Разжечь костер? – предложил Белов, принимая поводья.

– Да! Нам многое нужно обсудить.

Никита быстро разжег костер и подвесил над огнем котелок с водой для чая. Майор умылся водой из озера и сел на бревно возле костра.

– Как хорошо здесь! – Майор сделал глоток чая из жестяной кружки. – Как давно я не был в отпуске!

– Угощайтесь, товарищ майор.

– Пока мы наедине, просто Владимир Харитонович.

Никита передал ему хлеб с салом.

– К сожалению, отдыхать некогда. Работать надо. Новая война не за горами, а стоящих кадров почти не осталось.

– Простите, Владимир Харитонович, а какую службу вы сейчас представляете?

– Я возглавляю Школу особого назначения НКВД (ШОН). Сейчас решаю, подходишь ты нам или нет. – Майор закашлялся, и Никита решил сделать ему диагностику.

– Про твои дела на войне знаю, но многое не сходится. Советую отвечать правдиво. Информация будет перепроверяться.

– Ладно. Мне нечего скрывать. – По спине у Никиты побежали мурашки.

– Вот и хорошо. В отчетах о твоих операциях говорится, что ты как бы заранее предвидел, где находится противник и его количество. Подчиненные даже стали называть тебя шаманом.

– Да. Было такое. Я могу ощущать живых людей в километре от себя, – приуменьшил свои способности Никита.

– Интересная способность. Еще пишут, что ты обладаешь гипнозом. Это, конечно, не уникальная способность, но

интересно, как ты ее развил? – вопросительно посмотрел на Никиту майор.

– Когда мы жили в Средней Азии, мама часто брала меня на работу. Она принимала много родов, которые зачастую проходили сложно. Чтобы уменьшить боль у пациентов, она использовала гипноз. Я часто наблюдал, как она использует часы на цепочке, которыми вводила клиентов в транс. Помощником у нее работал китайский лекарь. Он лечил людей с помощью тибетской медицины.

– Доктор Люй Бяо. В середине 30-х вернулся к себе домой в Гонконг, – вспомнил майор. – Твоя мама некоторое время сотрудничала с институтом мозга Владимира Бехтерева. А как у тебя это стало получаться?

– После травмы во мне что-то изменилось, – задумался Никита. И ведь правду сказал. – Когда я о чем-то просил, люди охотнее стали идти мне навстречу.

– В чем это проявлялось? – докапывался майор.

– Тут главное в себя поверить. Я помнил, как доктор Люй Бао давал приказ пациенту и тот мгновенно засыпал. На фронте мне довелось потренироваться на финских солдатах. Сначала они сопротивлялись, а затем я научился мгновенно усыплять сразу несколько человек, только это требовало большого расхода сил.

– Это уже интересно. Еще что-нибудь?

– Когда я допрашивал их, то вводил в гипноз, и они отвечали на все вопросы.

– А людьми управлять не пробовал? – спросил майор, о чем-то задумавшись.

– В смысле?

– Ну, например, приказываешь вражескому офицеру, чтобы он вынес документы из своего штаба.

– Не пробовал, – задумался Никита.

– Попробуешь! Не важно. Главное, у тебя есть ценные способности для следователя и разведчика. И вовремя проявились. Не ошибся я в тебе, Белов. Будем думать, где искать специалистов, чтобы развить твои таланты. Раньше у нас всем таким мистическим занимались Глеб Бокий и Александр Барченко, – задумчиво проговорил он, о чем-то вспоминая. – Барченко в начале 20-х годов возглавлял экспедицию в центр Кольского полуострова в поисках Гипербореи и изучения такого явления как «меряченье».

Никита вопросительно посмотрел на него.

– Насчет Гипербореи ничего не знаю, хотя Барченко утверждал, что нашел ее. А меряченье – это что-то вроде массового гипноза. Потом он с Владимиром Бехтеревым

несколько лет изучал явления гипноза и телепатии. У них были большие успехи. Руководство ОГПУ считало, что разработки, связанные с телепатическими волнами, имеют большое оборонное значение, и это оружие может стать решающим в великой битве пролетариата за завоевание планеты.

– А что с ним стало? – спросил Никита, догадываясь.

– Расстреляли. – Майор наколол на палочку бутерброд с салом и стал коптить его на угольках.

– За что? – Никите все меньше хотелось уезжать с этого милого островка в страшную Москву, где бушуют такие страсти.

– Они с Бокием организовали тайную организацию – «Единое Трудовое Братство». Хотя это не главное. Глеб Бокий возглавлял спецотдел НКВД, сейчас он называется 9-й отдел ГУГБ НКВД СССР. В его задачи входили сбор компрометирующей информации на руководство партии. Ежов арестовал Бокия без ордера. Требовал все материалы передать ему. Бокий отказался, упертым был человеком. А знаешь! – вскрикнул он. – Кто-то из их отдела должен был выжить. Если они живы, надо будет перевести их из лагеря к нам, – сделал отметку в блокноте майор. – А еще что-нибудь умеешь?

– Что, например? – осторожно уточнил Никита.

– Не знаю. Вот, к примеру, у нас в библиотеке ШОНа остались работы Барченко «Передача мыслей на расстоянии», «Опыты с мозговыми лучами», «Гипноз животных».

Никита задумался. Раскрывать НКВД все свои способности он не собирался.

– Ладно, потом разберемся.

– Скажите, товарищ майор, а можно я останусь на острове, в пограничных войсках? А в Москву поедет кто-то более достойный? – затаив дыхание, спросил Никита.

– Нельзя! – жестко ответил майор. – Ты думаешь, для чего я с тобой так откровенен. Скоро ты попадешь в нашу систему. Ты, собственно, уже в нее попал. Пограничные войска всегда были под контролем НКВД. Так останется и дальше. Нам важно, чтобы молодые большевики учли наши ошибки и больше их не повторяли. Ты уже вступил в партию?

– Еще нет. Собираюсь, – быстро ответил Никита.

– Собирается он! Не затягивай! Ладно, слушай, раз уж у нас пошел доверительный разговор. После Гражданской войны полностью изменилась внешнеполитическая обстановка и положение внутри страны. Европейские государства активно включились в разведывательно-подрывную работу против советской власти. В эту работу подключились тысячи белоэмигрантов, которые поднимали восстания по всей стране.

Накал борьбы был крайне ожесточенным. Кто, по-твоему, должен был сражаться с внешними и внутренними врагами?

– Ну, так!

– Правильно. Кадровые сотрудники органов безопасности. В гражданскую с этим проблем не было. Брали в ВЧК всех желающих. Главное – правильное происхождение из рабочих и крестьян. Ну и желательно быть коммунистом. А вот после ее окончания процедура усложнилась. Профессиональные революционеры и коммунисты со стажем ушли работать в советские и партийные учреждения. Кадровая политика поменялась. Поставь еще чаю.

Никита сходил к ручью и наполнил котелок свежей водой. Подбросил дров, и вскоре вода в котелке снова закипела.

– А кого вы набирали после Гражданской войны?

– Тогда у нас был, наверное, самый сильный кадровый голод. Материальное обеспечение сотрудников мизерное. Зарплата очень маленькая, а ее еще и задерживали на несколько месяцев. Сотрудники ВЧК-ОГПУ делали многочисленные отчисления для инвалидов, детских домов, для ликвидации последствий голода, в фонды помощи бастовавшим немецким и японским рабочим, для общества друзей воздушного флота, Доброхиму и многим другим.

Оставшихся денег с трудом хватало на покупку еды и одежды. Пока не ввели НЭП, основные поставщики продуктов были спекулянты и крестьяне. Как ты понимаешь, цены на все они задирали.

В 1921–1922 годах чекисты, как и весь народ, регулярно голодали. Из войск и органов ГПУ начался массовый уход. Среди сотрудников ЧК было много самоубийств, женщины-сотрудницы вынуждены были заниматься проституцией, чтобы прокормить себя и своих детей. Сотни, если не тысячи сотрудников по всей стране были арестованы и расстреляны за разбой, на который они шли из-за голода. – Майор снова сильно закашлялся.

– Владимир Харитонович, вы чем-то серьезно больны?

– Больные легкие. Врачи настоятельно посоветовали ехать в санаторий, но до осени не могу.

– Мама и Люй Бяо показывали методы лечения с помощью биополя. Я вижу вашу ауру. Она порвана в нескольких местах. Хотите, я попробую ее залатать?

– Что нужно делать? – резко спросил майор.

– Ничего. Просто сидеть.

Никита попросил духов этого места помочь майору и стал потихоньку штопать разрывы ауры в районе правого легкого. Через пять минут почувствовал усталость, но основные дыры были закрыты.

– Пару месяцев продержитесь, но лучше вам не курить.

– Спасибо. Чувствую себя лучше. А с курением… пытаюсь бросить. Пока не получается. Спасибо за лечение. Кашлять хочется меньше. Так на чем мы остановились?

– На бедственном положении чекистов в 20-х годах.

– Верно. После ухода из органов революционеров и идейных коммунистов в органы просочилось множество мутных личностей с правильным происхождением и полным отсутствием совести. При Ягоде и Ежове в руководство НКВД проникло много настоящих врагов, которые инициировали репрессии, во время которых погибло огромное количество достойных людей. Из-за границы отзывалось много наших разведчиков – нелегалов. Против них возбуждались дела по необоснованным обвинениям. Большинство из них было расстреляно. После расстрела Ежова, как тебе известно, пост наркома занял Лаврентий Павлович Берия. Он, естественно, не захотел работать с людьми Ежова и вымел их поганой метлой, – со злостью проговорил майор.

Майор взял бутерброд с колбасой и жадно его съел, запивая чаем.

– В данный момент снова сложилась ситуация с нехваткой грамотных людей. В большинстве отделов недокомплект. Многие резидентуры за рубежом стоят пустые. Отсюда нехватка достоверной информации для высшего руководства страны. Постоянно проводятся новые наборы. Главное требование – наличие высшего или неоконченного высшего образования. Хватит с нас полуграмотных пролетариев, которые учились писать, подписывая смертные приговоры. Проникся?

– А в какой отдел вы планируете меня направить?

– Рано тебя куда-то направлять. Сначала будем обучать. С 1 сентября ты будешь учиться в Школе особого назначения НКВД, – принял принципиальное решение майор.

– А чему я буду учиться и как долго? – спросил озадаченно Никита. Снова учеба.

– Обучение длится один год. В Школе две кафедры. «Восток» – на ней изучают мандаринский, фарси, турецкий и японский языки. И «Запад» – английский, испанский, итальянский, немецкий и французский языки. По итогам собеседования с комиссией определится, на какой кафедре будешь учиться. Направление получишь в штабе Ленинградского пограничного округа. – Майор поднялся, отряхивая крошки с колен. – Давай выдвигаться обратно. У меня еще трое кандидатов в Ленинградском округе. А потом надо вылетать в Одесский округ, есть там несколько перспективных командиров.

Когда Белов провожал гостей до пристани, майор Никитюк

сказал ему:

– Уходишь в отпуск с 1 августа. Начинай передавать заставу Саблину.

Глава 13

Две недели прошли в делах и заботах. Состоялось партийное собрание, на котором Никиту приняли кандидатом в члены партии. Сердечно попрощавшись со своими друзьями и знакомыми, он покинул благодатный остров. Совокупность положительных эмоций, накопленных на нем, перекрыли ужасы Зимней войны.

Поезд остановился в Выборге ровно в полдень. Оставив чемодан в багажном отделении вокзала, отправился гулять по городу. Город отошел к СССР в марте согласно условиям Московского мирного договора и полностью подходил Никите для осуществления его планов, которые он разработал на острове.

В линейном отделе милиции Белову посоветовали старушку, у которой можно было снять комнату, что он и сделал, заплатив ей за месяц вперед. Следующий день посвятил экипировке. Полдня наблюдал, в чем ходят бывшие финские граждане, а ныне жители Карело-Финской ССР. На местном рынке купил вполне добротные, хотя и ношеные вещи, в которых деревенские жители направлялись в город за покупками.

Ранним утром, взяв удочку, направился к границе, до которой было километров тридцать. Предупредил хозяйку, которая собрала ему в дорогу еды на два дня, что будет отсутствовать долго. Шагалось легко, и через шесть часов, лежа в густом малиннике, Никита уже рассматривал границу. Несколько раз патруль прошел в трехстах метрах от него, ничего не заподозрив. Когда наступила ночь, Никита перебрался через границу и, обойдя финскую заставу по дуге, пошел по направлению к городу Лаппеенранта. Ночью по дороге никто не ездил, и к трем часам он подошел к городу. Нашел живописную поляну возле маленького озерца, на которой и заснул, выставив предварительно сторожевую сеть на триста метров, которая реагировала на любое существо крупнее зайца. Один раз пришлось пробудиться. Это прошел олень на водопой.

Окончательно проснулся в семь часов. Быстро умывшись, вышел на дорогу возле города. Сев на пенек, стал ждать попутную машину на Хельсинки, заодно позавтракав пирожками с рыбой. Прождав два часа, остановил машину местного фермера, который отправлялся по делам в Порвоо. После небольшого внушения, фермер согласился его подвезти бесплатно. Никита представился немцем. На заставе успел выучить три сотни финских слов и несколько часов до города практиковался в языке. От Порвоо до Хельсинки ходил рейсовый автобус, на котором он за два часа

доехал до столицы Финляндии. Местных денег у него не было, и Никита решал, где взять финансы.

Встречают по одежке, гласит народная мудрость. Поэтому первым делом он узнал расположение магазина готового платья. Оказалось, что лучший торговый дом находится в центре. В нем же можно было подобрать аксессуары. Таксист довез его до входа. Портье сначала не хотел пускать плохо одетую деревенщину, поэтому пришлось устроить скандал на немецком языке.

Управляющий магазином, после внушения оказался довольно любезным человеком, готовым искупить вину грубого швейцара. Опытная продавщица быстро подобрала для Никиты самые модные вещи. Костюм и обувь оказались итальянского производства, а нижнее хлопковое белье – английского. Также ему предоставили кожаный чемодан, куда он аккуратно сложил старые вещи. Может, еще пригодятся! Напоследок управляющий одолжил на время сто марок и рассказал о местных гостиницах и банках.

Незаметно наступил вечер, и Никита, остановив свободное такси, направился в уютную гостиницу на окраине города с видом на море. Хозяева гостиницы – приятная пожилая пара, предоставили ему номер люкс и плотный ужин, после которого усталый путник отключился и проспал десять часов. Утром он решил направиться в местное представительство банка «Беренберг» – старейшего банка Европы, который также рекомендовал управляющий магазином. Основными акционерами банка являлись немцы.

Проезжая мимо Финского национального театра, Никита заметил магазин театрального реквизита и остановил такси напротив входа. Непонятно еще, как пойдет разговор с банкирами, поэтому следовало подстраховаться. Молодая высокая финка, хорошо владевшая немецким языком, уговорила его купить рыжий парик и усы, которые помогла сразу нацепить. Пришлось ей сделать небольшую корректировку памяти, чтобы она его забыла.

Филиал банка находился в историческом центре города. Фасад массивного четырехэтажного здания, отделанный карельским мрамором, смотрелся красиво, хотя и немного тяжеловесно. Найдя старшего администратора, Никита подождал, когда тот освободится, и сказал на немецком:

– Проведите меня к управляющему банком.

– Вам назначено?

– Нет, но управляющий непременно захочет со мной поговорить. – Пришлось слегка воздействовать на него.

– А! – мелькнула догадка на лице администратора. – Вы из

немецкого консульства?

– Именно! – кивнул Никита.

Они проследовали в лифт с тяжелыми железными дверями, которые закрывались вручную, и поднялись на четвертый этаж. Возле красивых дверей из карельской березы сидела миловидная секретарша.

– Марта! Этот господин из немецкого посольства, – представил его администратор.

– Господин Брокдорф сейчас занят. Освободится в течение двадцати минут. Я могу приготовить чай или кофе, – улыбнулась секретарша Никите. – Здесь вам будет удобно ожидать, – указала Марта рукой на кожаное кресло.

– Чай с лимоном, пожалуйста. – Он сел в кресло и взял свежий номер «Франкфуртер Цайтунг».

Начал пролистывать заголовки. Почти все написанное оказалось понятным. Лишь некоторые слова вызывали заминку. Белов явно нуждался в языковой практике с носителями языка. «Доблестные итальянские войска предприняли наступление с территории Эфиопии в британский Сомалиленд».

«Надо же какая драка из-за Сомали. А в моем бывшем мире остались пираты да нищее население, и ни один европеец в трезвом уме не хотел туда соваться».

– Ваш чай. – Секретарша поставила перед ним чашку, сделанную из белого фарфора.

– Благодарю вас, фрау Марта, – улыбнулся Никита секретарше. Чай старался пить осторожно. Неизвестно было, как крепко держит клей.

Через десять минут из кабинета вышло двое мужчин в дорогих костюмах. У одного были золотые швейцарские часы на руке.

– Можете входить, – пригласила Никиту Марта.

Он вошел в просторный кабинет с большим окном, из которого открывался красивый вид на площадь. За столом сидел плотный мужчина лет пятидесяти, с массивным подбородком и цепкими глазами.

«Ого! Какая мощная энергетика!» – оценил банкира Никита.

– Почему вы пришли сегодня? Я же сказал консулу, что сделка произойдет через два дня, – с ходу наехал на него банкир.

«Как интересно! Сделка. Какие-то дела с консулом. Кажется, я удачно зашел!»

С ходу парализовал Брокдорфа, не пожалев энергии.

«Какой сильный дядька». Пять минут у Никиты ушло на то, чтобы подчинить его, после чего банкир стал сотрудничать.

– Что за сделка состоится через два дня? – уточнил Никита,

усаживаясь напротив Брокдорфа.

– Сделка по обмену драгоценностей на технические алмазы, – медленно, через силу ответил управляющий.

– Драгоценности у вас? – задержав дыхание, спросил Никита.

– В сейфе.

– Открывай!

Брокдорф достал из кармана связку ключей, с трудом встал из-за стола и подошел к большому черному сейфу. Открыв дверь, повернулся к Никите и замер.

– Садись, – приказал Белов и подошел к сейфу.

Внизу стоял портфель из крокодильей кожи. Остановив дыхание, достал его и взвесил на руке. Килограмм восемь, не меньше. Попытался открыть, но не смог. Портфель запирался на небольшой замок.

– Ключ, – протянул он руку.

Брокдорф достал из внутреннего кармана пиджака маленький ключ, который подошел к замку. Внезапно раздался дребезжащий телефонный звонок, и Никита вздрогнул.

– Ответь!

– Это Марта. Докладывает, что пришел посетитель, – посмотрел он на Никиту.

– Скажи, что ты сегодня никого больше не принимаешь.

Положив трубку, Брокдорф уставился на Никиту. В его взгляде была злость. Этот сильный человек продолжал бороться.

– Зачем обменивать драгоценности на технические алмазы? – усилил Никита давление на банкира.

– Это нужно для нашей промышленности, которая бурно развивается. Возникла нехватка данного сырья.

– У вас закончились технические алмазы и вы решили обменять их на драгоценности? – стал догадываться Никита, вываливая бриллианты из черного мешочка на стол Брокдорфа. В других мешочках были не очень крупные изумруды и рубины.

– Да. У меня есть связи со шведскими промышленниками, которые закупают технические алмазы у «Де Бирс». Они согласились уступить партию, но это разовая сделка. Я хочу пить!

Никита налил ему из графина воды в стакан и помог выпить.

– Расскажи о «Де Бирс» и добыче технических алмазов.

– В 1939 году мировая добыча технических алмазов составила 10,5 миллиона карат, но 94 процента мировой добычи алмазов контролирует «Де Бирс» – жемчужина британской короны, возглавляется с 1929 года семьей Опенгеймеров. Они этнические евреи и имеют тесные связи с банкирскими домами Ротшильдов и Морганов.

– Где вы взяли бриллианты на обмен? – Никита стал уставать.

Держать под контролем управляющего и выкачивать из него информацию становилось все тяжелее.

– В мае наши доблестные войска захватили Антверпен, который является алмазной столицей мира. Алмазошлифовальная отрасль промышленности, как и продажа бриллиантов, а также других драгоценностей, контролируется евреями. Все их активы были конфискованы в пользу рейха и будут обменяны на технические алмазы. – Брокдорф стал тяжело дышать.

«Плохой признак. Надо заканчивать».

– Если технические алмазы контролируются Британией, с которой вы воюете, а шведская сделка разовая, то с кем вы в дальнейшем собираетесь вести обмен?

– Не знаю. Абвер нашел канал. Через несколько дней драгоценности будут вывезены из Антверпена.

– Где пройдет обмен?

– Не знаю. – Пот все сильнее капал с Брокдорфа.

– Где находятся драгоценности в Антверпене?

– Не знаю. – Банкир начал закатывать глаза.

– Спать! – приказал ему Никита, и Брокдорф резко ударился головой об стол. – Последние сорок минут у тебя сотрутся из памяти. – Сделав внушение, Никита стал быстро забивать уже свой портфель и карманы пиджака пачками денег из сейфа. Стерев отпечатки пальцев, он еще раз осмотрелся, чтобы ничего не забыть, и вышел из кабинета.

Попросил вскочившую Марту вызвать администратора, что она и сделала по телефону. Когда тот пришел, Никита произвел им обоим легкую коррекцию памяти. После этого спустился по лестнице вниз и вышел через запасной выход. Поймав такси, отправился в свой отель, сделав пересадку возле вокзала. От сильного стресса почувствовал усталость. Требовалось отдохнуть и продумать план дальнейших действий.

Обед и послеобеденный сон восстановили силы. Освободив стол, произвел инвентаризацию трофеев. Его личный бюджет пополнился на 100 тысяч немецких рейхсмарок, 56 тысяч фунтов стерлингов и 200 тысяч финских марок. После чего занялся драгоценностями. В основном в мешочках находились хорошо ограненные бриллианты от одного до пяти карат. Самый ходовой размер, который сложно опознать. В одном из мешочков нашел кольца. Высыпав на стол, он долго изучал их. Самым привлекательным оказался перстень с желтым алмазом на десять карат.

Сосредоточившись, Никита создал плетение и в течение часа конструировал из этого камня пространственное хранилище.

Основы пространственной магии преподавали всем выпускникам школы в Агарте. По структуре кристалл алмаза имеет форму тетраэдра, и при этом атомы углерода располагаются в центре. Получается очень стабильная атомарная связь в самой структуре кристалла, и этим объясняется повышенная прочность вещества. Поэтому в бриллиант можно вложить сложнейшие плетения, и он не разрушится.

На Земле о пространственных хранилищах было известно давно. Вот только технология их создания была утеряна, а сами они упоминались, в основном, в мифах и легендах. В Древней Греции такие артефакты называли рогом изобилия. Изображались они в руках бога богатства Плутоса и других богов. Из Греции перекочевали на гербы аристократических семейств Европы и многих городов мира. В русских сказках этот волшебный предмет называли скатерть-самобранка.

Никита надел кольцо на средний палец, и оно своим светом заворожило его. Надо быть осторожным. Эти сверкающие камни свели с ума множество людей. Сосредоточившись, он переместил портфель в хранилище, затем вынул его обратно. После получасовой тренировки у него это стало получаться мгновенно. Хранилище было небольшим. Примерно кубический метр. Его объем зависел от размера камня, огранки и чистоты камня. Древние мастера создавали большие пространственные хранилища с помощью кластера камней, соединяемых в виде браслета или ожерелья.

После недолгого раздумья Никита принял решение отправляться в Антверпен. Если удастся перехватить пусть небольшую партию алмазов, это не только позволит построить темпоральную комнату, но и спасет некоторое количество жизней соотечественников.

На следующий день, попрощавшись с хозяевами, он, вызвав такси, отправился в аэропорт. По дороге снова заехал в магазин одежды, где прикупил разных вещей, заодно вернул долг управляющему магазином. Сложив все лишнее в чемодан, Никита спрятал его в хранилище. В дороге решил выдавать себя за студента, путешествующего налегке. Веселый рюкзак и спортивная обувь хорошо дополняли новый образ.

Прямого рейса в Антверпен сегодня не было. Через два часа самолет отбывал в Вену, через четыре в Берлин, через семь в Брюссель – столицу Бельгии. Оттуда несложно добраться до места по хорошим европейским дорогам. Очередь в кассу прошла довольно быстро, и симпатичная кассирша попросила паспорт. Ее коллега и финский офицер, стоящий у Никиты за спиной, обратили на «студента» внимание. «Всех сразу не

загипнотизируешь!» Пришлось сдавать назад.

– Извините, кажется, паспорт остался в рубашке, на дне рюкзака, – сказал он, выходя из очереди.

– Ничего страшного, – вежливо улыбнулась кассирша.

Не спеша отошел от очереди и стал думать, как решить проблему. Объявили посадку самолета из Стокгольма, и встречающие потянулись к месту прилета. Он неосознанно пошел за ними. Остановившись напротив пункта выдачи багажа, стал внимательно рассматривать молодых мужчин. Его внимание привлек человек лет двадцати пяти, несший большой коричневый чемодан. Чем-то неуловимым он напоминал Никиту, только лет через пять. Он целеустремленно направлялся к выходу. Подойдя к нему сзади, послал импульс на желудочно-кишечный тракт. Парень стал оглядываться в поисках кабинки для уединения. Нашел и, прибавив скорости, побежал туда.

Дождавшись, когда тот выйдет и вымоет руки, Никита взял мужчину под контроль и позаимствовал его паспорт. Взамен сунул ему в карман пачку финских марок. Так он оказался гражданином Швеции Гунаром Эриксоном 1914 года рождения.

Выждав, когда очередь в кассу опустеет, снова подошел к кассирше и протянул ей паспорт, одновременно взяв ее под контроль. Ему без проблем дали билет на рейс до Брюсселя. Осталось пройти таможню. До отлета было несколько часов, и он на такси поехал в кафе, где и просидел до рейса. Таможню прошел легко. Ему быстро поставили штамп в паспорте, и через несколько часов Никита уже гулял по вечернему Брюсселю. До Антверпена ехать пятьдесят километров. По прекрасным дорогам такси прошло это расстояние за час, доставив его в Алмазный квартал. Сняв лучший номер в очень приличной и недешевой гостинице, расположившейся на берегу красавицы Шельды, он заснул.

Утром во время завтрака Никита разговорился с пожилым метрдотелем о городе и алмазах. Тот порекомендовал своего племянника – студента четвертого курса исторического факультета местного университета, который подрабатывал гидом. Через полчаса в номер зашел спортивный парень лет двадцати пяти и быстро обшарил номер глазами.

– Натан! – представился он. – Вас устраивают мои расценки? Расход на бензин отдельно.

– Полностью устраивают, – оглядел гида Никита. Он не знал, с чего начать, в поисках следов алмазов, захваченных нацистами, поэтому попросил Натана рассказать об истории алмазов. Парень оказался хорошо образованным, но, как потом выяснилось, антисемитом и нацистом.

…– А сейчас мы проезжаем «Алмазный квартал». Он находится прямо в центре города возле железнодорожного вокзала, куда с 1836 года прибывали поезда с неограненными драгоценными камнями. Здесь расположены сотни ювелирных фирм и ювелирных магазинов, а также несколько фабрик по обработке алмазов. В начале XX века здесь была основана и первая биржа драгоценных камней. Бриллиантовый рай занял пять улиц в еврейском квартале, – поморщился Натан. – Так сложилось, что этим бизнесом занимались в основном ортодоксальные евреи.

– Натан, расскажи мне о «Де Бирс».

– «Де Бирс» – группа компаний, которая играет ведущую роль в разведке, добыче, розничной и промышленной торговле алмазами, а также огранке бриллиантов. Больше девяноста процентов алмазного рынка принадлежит им.

– Что ты знаешь об основателе «Де Бирс»?

– Основатель бриллиантового гиганта, – почесал нос Натан, – Сесил Родс. Он родился в 1863 году в семье священника. С детства был болезненным и слабым. В шестнадцать лет врачи диагностировали туберкулез и дали три года на дожитие. Родители отправили его в Южную Африку, где он открыл хлопковую ферму и забыл о болезни, когда нашел первый бриллиант. Вскоре он переселился на ферму братьев Бир в Кимберли. На территории фермы были алмазные копи. Десятки тысяч человек арендовали у братьев клочки земли. Старательский труд оказался очень тяжел для Родса, поэтому он решил заработать на инфраструктуре. Он закупил оборудование – насосы, инструменты и стал сдавать его в аренду, в том числе за долю в будущих доходах. Постепенно ему стали должны многие старатели. Новые деньги он пускал на скупку прав на участки, артели, алмазы. Как правило, старатели – это сборище искателей приключений, негодяев и беглецов. Поэтому он их жестко контролировал. Журналисты писали, что каждый день, после работы, Родс заставлял всех работников принимать касторку и садиться на горшки. Обыски уже не помогали, – засмеялся Натан.

– Надо мыть руки, после того как потрогаешь алмазы, – пошутил Никита.

– Точно, – улыбнулся Натан. – На них много грязи и крови. Несмотря на набранные обороты, бизнес был сравнительно маленьким. Родс составил бизнес-план и поехал в Европу. Он обратился в банк Ротшильдов, и те его одобрили, выделив миллион фунтов стерлингов. Чтобы сделать монополию алмазного рынка, они основали Лондонский синдикат с

эксклюзивными правами на поставку драгоценных камней. Одновременно Родс поступил в Оксфордский университет, в котором обзавелся связями с английской аристократией. После этого он начал сокращать добычу и закрывать прииски.

– Зачем? – удивился Никита.

– Создание искусственного дефицита. После этого цены резко взлетели вверх. Существует легенда, что у руководства «Де Бирс» есть девиз: даже если во всем мире останется четыре человека, на рынке должно остаться не более двух алмазов.

– Неплохо для сына священника. Блестящие камни сделали его влиятельным человеком.

– Ты не представляешь насколько. В 1891 году Родс, при участии лорда Бальфура, Ротшильда, Милнера и Эшлера, создал «Круглый стол» – некий неформальный клуб, экспертную площадку, которая объединила представителей аристократии, влиятельных финансистов, высших чиновников, владельцев наиболее крупных промышленных и добывающих компаний. К моменту создания «Круглого стола» Родс уже прочно вошел в британскую элиту, он стал не только обладателем крупнейшего состояния и владельцем компании – мирового алмазного монополиста, но и премьером капской колонии Великобритании. Подлинный смысл «Круглого стола» проявился уже через несколько лет. Эта организация сыграла решающую роль в использовании государственной машины и бюджета Великобритании в целях установления и контроля структурами Родса и Ротшильдов над мировым рынком золота и металлов платиновой группы, контроля, который был окончательно оформлен в виде так называемого «лондонского фиксинга по золоту» в 1919 году, сразу после Мировой войны.

В 1886 году в Трансваале были открыты крупнейшие в мире месторождения золота. В 1887-м Родс создал компанию «Голд филдз оф Сауз Африка», которая начала скупать в Трансваале золотоносные участки. Мощность новых месторождений составила сорок процентов мировой добычи золота. Это был «контрольный пакет» мирового золотого рынка. Обладание этим пакетом давало шанс выстроить глобальный рынок золота по «алмазной модели». Но Трансвааль – независимое государство, дружественное Германии. Проблема решалась только с помощью армии и бюджета Великобритании. Началась англо-бурская война, главным итогом которой стало установление контроля компаниями Родса над золотыми месторождениями Трансвааля и Оранжевой республики. Родс не дожил до победы – скончался в марте 1902 года. Но дальнейшее развитие событий показало, что его стратегия по созданию управляемых сырьевых рынков, в

основу которой легла «алмазная модель» «Де Бирс», будет востребована и развита надгосударственными структурами, прототипом которых стал «Круглый стол».

«Вот это да! Классическая история о попаданце? Пятый ребенок из небогатой семьи, с семью классами образования, ставит под свой контроль рынок драгоценных камней и золота. Родс был болен неизлечимой болезнью сердца и туберкулезом, но жил активной жизнью почти полвека. В честь его названы две страны – Южная Родезия и Северная Родезия. Одному человеку, даже очень умному, такое не под силу. К тому же во время Англо-бурской войны, которую он развязал, используя ресурсы Британской империи, впервые на земле появились концентрационные лагеря. Всего в них англичане загнали 200 тысяч человек, что составило примерно половину белого населения бурских республик. Примерно 26 тысяч человек, по самым скромным подсчетам, погибло от голода и болезней».

– Молодец. Вижу, ты хорошо владеешь этой темой, – похвалил Натана Никита.

– А то! Кроме истории, я изучаю политологию и являюсь членом фашистской партии «Народный фронт».

– А за что вы выступаете?

– Наша партия выступает за создание корпоративного государства на основе католицизма. А еще мы всегда выступали за дружбу с Германией и против евреев.

– Кстати, вернемся к «Де Бирс». Что там было после смерти Родса?

– Идеи Родса были восприняты членами «Круглого стола», но не находилось человека, который их мог реализовать в быстро меняющихся условиях. Эрнст Оппенгеймер – являлся этническим евреем с немецким паспортом, пятым сыном небогатого торговца табаком.

«Опять пятый сын из небогатой еврейской семьи с большими амбициями».

– С помощью денег Ротшильдов и Морганов он создал Центральную сбытовую корпорацию, через которую проходит девяносто четыре процента добываемых в мире алмазов.

– Скажи, пожалуйста, а где можно достать крупные камни? – спросил Никита.

– Тебя интересуют только алмазы или бриллианты?

– Все равно, главное по сходной цене.

– Когда немецкие войска входили в город, наши люди поработали с некоторыми еврейскими диамантерами. В следующие ночи мы помогали нашим друзьям из абвера и также получили свой процент. Так что у нас неплохой партийный фонд.

Осталось только его обналичить.

– Хорошо. Подготовь встречу с нужным человеком. Я тебя отблагодарю.

– А зачем тянуть? У нас свой ювелирный магазин. Тут рядом, – показал Натан на соседнее здание.

– Пошли.

Ювелирный магазин располагался в старинном здании и ранее принадлежал еврейской семье, которая, переписав собственность на ювелира, близкого к бельгийским нацистам, исчезла.

Витрины магазина изобиловали кольцами, цепочками и браслетами. Ничего особенного! Никита оглянулся на Натана.

– Мы к директору, – сообщил Натан милой продавщице. – Он у себя?

– Да. Он на месте.

Директор магазина – энергичный толстячок лет пятидесяти, сидел в большом кожаном кресле и рассматривал какие-то бумаги. Натан представил Никиту как представителя ювелирной фирмы из Скандинавии. Директор встал и пожал посетителю руку, а тот, воспользовавшись прямым контактом, применил к нему свои умения из магии Разума. Через двадцать минут они стали лучшими друзьями. Директор выложил все камни, спрятанные в его сейфе. Там было несколько бриллиантов, не больше пятнадцати карат, и партия неотшлифованных изумрудов. За пять камней пришлось расплатиться круглой суммой в немецких марках. Грабить нацистов в данный момент было нерационально, тем более что денег хватало.

– Господин Ламье. Мне нужны крупные камни. Тридцать карат или больше, не обязательно алмазы.

– Камни большого размера достались немецкому правительству. Два дня назад их вывезли из города, – вспомнил Ламье.

– Куда? – чуть возбужденно спросил Никита.

– Не знаю, – огорченно ответил он. – Но мой знакомый из Имперского банка Германии должен знать. Он уезжает только завтра.

– Как с ним можно встретиться?

– Сегодня господин Шварц будет в казино. Он играет каждый день вечером, после восьми. Проигрывает двести марок, а затем сразу уходит.

– Чиркните адрес казино. И опишите вашего знакомого.

Вечером Никита входил в казино, которое незатейливо называлось «Антверпен». Несколько раз крутанув рулетку и

проиграв сто марок, он уселся за карточный стол и стал ждать господина Шварца, работавшего каким-то клерком в Имперском банке Германии. Тот пришел ровно в восемь и сел рядом. Никита специально так сделал, чтобы это место было свободным. Через полчаса они ужинали в ресторане казино. Расплачиваться можно было фишками. У Шварца оказался неплохой вкус, он предпочитал выдержанные белые французские вина под рыбу. После двух бутылок его язык развязался, а вместе с ним вылезло раздутое чувство собственной важности.

– А ты знаешь, кто мой шеф?

– И кто? – процедил Никита лениво.

– Сам Курт Брюннер.

– Не слышал о нем.

– О нем мало кто слышал. Брюннер личный помощник Вальтера Функа, – поднял палец вверх Шварц.

– А кто такой Вальтер Функ? – спросил Никита чуть заплетающимся языком. Он быстро хмелел от алкоголя.

– Что? Ты не знаешь, кто такой Вальтер Функ? – возмущенно спросил Шварц.

– Я не слежу за политикой.

– Функ два года назад был назначен имперским министром экономики. А год назад он стал к тому же президентом Имперского банка, а еще через полгода – членом совета министров по защите рейха, ответственным за военно-экономические мероприятия.

– Вот как! Значит, фюрер ему доверяет?

– Именно.

– А что вы с Брюннером делаете в Антверпене?

– Выполняем приказ Функа. Несколько месяцев назад он издал указ, согласно которому евреям отказано в праве на хранившуюся в банках и других учреждениях собственность.

– И как? Все изъяли? – уточнил Никита, подливая болтливому немцу вина.

– Как же – все! Они за тысячелетия научились прятать. Вот только… – Шварц захихикал. Все их счета я успел арестовать. – А драгоценности, что хранились на бирже, в банках и ювелирных магазинах, уже тю-тю. Улетели. – Шварц помахал руками.

– У них что, есть крылья? – удивленно спросил Никита.

– У них нет, а у самолета есть.

– А! Понятно. А куда улетели?

– В Швейцарию, но… тсс. Это тайна, – прижал указательный палец к губам Шварц.

– Я – никому. Ты большой человек Дитрих.

– Ик! Это да. Есть немного. Выпьем еще, – доливая в бокал

остатки вина, заплетающимся языком сказал он.

– А куда они полетели? Швейцария большая, – спросил Никита, пристально глядя в глаза Шварца.

– Не знаю. Я хочу в туалет, – захныкал Шварц.

– Вспомни, куда улетел Брюннер. Это важно, – пришлось надавить на него сильнее.

– Не знаю. А, вспомнил! Эльза заказывала им номер люкс в «Хилтоне». Это его любимая гостиница.

– А кто такая Эльза? – спросил Никита, всматриваясь в глаза Шварца.

– Его секретарша. – Шварц живо ее представил. Холодная стерва. Черты лица правильные, но глаза ледяные. «Никогда бы с такой не связался». – Они вместе спят! – сказал Шварц и отключился.

– Эй, Шварц! А в каком городе гостиница? – безуспешно попытался растолкать его Никита. – Ладно, хрен с тобой, спи.

Расплатившись, он отправился в гостиницу. От разговора со Шварцем разболелась голова.

– Как отдохнули? – встретил его консьерж при входе.

– Неплохо. Скажите, а как можно быстрее добраться до Швейцарии?

– Мне нужно пятнадцать минут, чтобы сделать звонки.

– Хорошо, я буду в номере.

Не принимая душа, Никита упал на кровать и попытался остановить головную боль. Когда удалось ее заглушить, в номер постучали.

– Входите.

– Рейс на Женеву отправляется завтра в десять часов двадцать минут, – отчитался консьерж.

– Разбудите меня в семь часов, – произнес Никита и вырубился.

Глава 14

– Наш самолет совершит посадку в аэропорту Женевы через двадцать минут, – разбудила Никиту симпатичная стюардесса авиакомпании «Люфтганза», и занимательная книга об истории драгоценных камней упала с его коленей на пол. Стюардесса быстро подняла ее и с улыбкой вернула обратно. – Просьба пристегнуть ремни.

Положив рюкзак на заднее сиденье желтого «пежо», Никита занял место справа от водителя такси. Назвав адрес, он попросил ехать через центр города. Таксист разговаривал на французском языке, которым владел Белов, поэтому лекция «о самом красивом городе в мире» была выслушана благосклонно. Через час такси остановилось у ворот живописной виллы, расположенной на берегу озера. Не успел Никита подойти к воротам, как они плавно распахнулись перед ним.

– Вас ожидают, – произнес охранник с армейской выправкой на французском языке.

Двухэтажная вилла, с покатой крышей, прижималась к невысокой горе. Вода в большом бассейне призывно сверкала, отражая белые облака. Газоны были идеально выстрижены. Следов упадка не наблюдалось. Возле парадного входа был небольшой фонтан. Никита, зачерпнув рукой воду, умыл лицо. В это время открылась дверь дома, и из нее выкатилась инвалидная коляска, которой управлял парень лет двадцати. У него было волевое лицо, короткие волосы и массивные мышцы на руках.

– Харви! – подошел к парню Никита и обнял его, наклонившись.

– Здравствуй, друг! Давно так меня никто не называл. Здесь я – Вальтер Гаузер, – хриплым голосом на немецком языке произнес Харви.

– Вальтер так Вальтер. Как ты себя чувствуешь?

– Теперь уже хорошо. Раз вы с Камилой рядом, то все будет хорошо.

– Где она?

– Завтра вечером прибывает ее самолет.

На крыльцо вышла полноватая женщина.

– Это Герда – моя служанка. Она покажет твою комнату. Через полчаса жду за столом.

Стол накрыли на веранде второго этажа с видом на Женевское озеро.

– Молодец! Умеешь ты хорошо устраиваться, – довольно произнес Никита, когда принесли десерт. Вкусный горячий

шоколад, так же как фондю и телятина по-цюрихски, произвели на него впечатление.

– Это да! Я такой! – улыбнулся Харви. – Вот только знал бы ты, как мне надоела эта долбаная коляска, – с силой ударил он по колесам. – Да и это все – заложено. – Показал он руками на виллу.

– Ничего! Свобода близка! – подбодрил друга Никита.

– Комнату мы обшили по твоему чертежу и залакировали. Вот только с камнями возникли проблемы.

– Что? Финансы поют романсы?

– Банки больше не кредитуют, – грустно ответил Харви и разлил остатки вина в фужеры.

– Какие нехорошие банкиры. Придется их наказать. Твое здоровье! – Никита поднял фужер, а затем выпил вино до дна.

– У тебя есть план? – с надеждой посмотрел на него старый друг.

– Есть. Но нужен человек, который может отследить одну «сладкую парочку».

– Ален – мужчина, который открыл тебе ворота. Его семья служит моей уже несколько поколений. Доверяй ему, как мне.

Ален, имевший связи во многих силовых структурах Швейцарии, в течение суток выяснил, что господин Брюннер и его жена Эльза проживают в номере люкс на последнем этаже гостиницы «Хилтон» в Цюрихе. Расстояние в двести восемьдесят километров до Цюриха Никита преодолел на поезде за пять часов и занял номер люкс в той же гостинице. Быстро переодевшись, он отправился на ужин в ресторан гостиницы, куда недавно ушел Брюннер с женой.

Сел напротив них. Брюннер оказался высоким плечистым мужчиной с тяжелым подбородком. Он с удовольствием поедал свиные ребрышки с картошкой и запивал пивом. Настоящий немец. Жена клевала какой-то салат, иногда бросая цепкие взгляды на посетителей ресторана. Белов был в летнем белом костюме и очках. Осмотрев его, Эльза отвела глаза. Меры маскировки сработали.

Заказав себе устриц и овощной салат, Никита стал подбирать ключик к Брюннеру и через десять минут взял его под контроль. Когда парочка поужинала и встала из-за стола, поднялся и он. Они вместе доехали до последнего этажа. Эльза открыла дверь и первая прошла в номер. Никита заскочил сразу за ними, пока дверь не закрылась. Коснулся рукой Брюннера, и тот осел мешком на пол. Эльза оглянулась на шум, но было поздно. Быстро усыпив ее, Никита аккуратно положил на кровать. Пусть отдохнет.

Разговор предстоит основательный.

Закрыв дверь, подхватил Брюннера под мышки и перенес в кресло. Сам уселся напротив. Несколько минут воздействовал на него, а затем начал разговор.

– С какой целью находитесь в Цюрихе?

– С целью обмена бриллиантов и других драгоценных камней на технические алмазы, – четко ответил Брюннер.

– Зачем вам технические алмазы?

После недолгого сопротивления информация пошла потоком.

– Германия является пионером в применении технических алмазов – вначале в виде абразивов для шлифовки лучшей в мире оптики «Цейс», – громко, как бы читая лекцию в университете, стал рассказывать Брюннер. Было ясно, что в свое время он получил хорошее образование. – В 1927 году Крупп запатентовал материал Widia, что переводится как «алмаз». Этот агломерат карбида вольфрама и кобальта совершил революцию в металлообработке – скорость и чистота резки самых твердых сталей возросли на порядки. Но затачивать резцы из Widia можно только алмазным инструментом. Примерно в это же время немецкие машиностроительные фирмы создали и внедрили технологии и алмазный инструмент для финишного хонингования, позволяющего увеличить ресурс двигателей автомобилей, самолетов, танков и подводных лодок в несколько раз. У технических алмазов десятки, если не сотни областей применения в военно-промышленном комплексе.

– Ладно. Это понятно. – Никита не был настроен на длинные лекции. – Как произойдет обмен?

– Через посредника. У нас есть партнер – банк «Швейцарский кредит». В подвале банка мы зарезервировали большое хранилище, куда складировали наши драгоценности. Когда в Цюрих прибывает партия технических алмазов, ее привозят в банк. Там происходит их оценка, а потом обмен согласно рыночной стоимости, за исключением процента банка.

– Откуда привозят технические алмазы?

– Из Африки. Бельгийское Конго, – уточнил Брюннер.

– Что? – удивился Никита. – Но разве бельгийский король сейчас находится не в Англии, которую ваше правительство пытается захватить?

– Подробностей я не знаю. Доставку технических алмазов осуществляет банк «Швейцарский кредит». Моя задача – обмен и переправка технических алмазов на промышленные предприятия Германии.

– Кто курирует сделку от банка?

– Симон Готфрид – заместитель директора банка по

безопасности.

– Когда состоится следующая сделка?

– Предварительно следующая партия технических алмазов будет доставлена послезавтра утром.

– Как встретиться с Готфридом?

– Сейчас он находится на своей вилле за городом, где и проживает с семьей.

– Сделаем так, – посмотрел Никита на часы. – Позвони ему и скажи, что завтра утром к нему на виллу подъедет Джордж Буш, по важному делу.

Разговор по телефону занял три минуты, после чего Никита достал блокнот из пространственного хранилища и сказал:

– Пиши все, что знаешь про сделку с алмазами.

Брюннер взял блокнот и, достав из кармана ручку с золотым пером, принялся быстро строчить.

– Кстати, неужели ты себе не оставил камней? Быть того не может, чтобы к чиновнику что-нибудь не прилипло!

Брюннер почти минуту боролся со своей жадностью, а затем показал на сейф.

– Открывай сокровищницу!

Сделав над собой усилие, немец открыл сейф.

– Что там у тебя? Ты пиши. Не останавливайся. Ого! – Никита достал небольшой чемоданчик. Отщелкнув застежки, открыл его. – Это я опять удачно зашел. А Золотая сфера действует. Вижу, герр Брюннер, у вас хороший вкус.

Брюннер собрал большую коллекцию самых разных камней. Кроме бриллиантов, коллекцию украшали большие рубины карат на тридцать пять, десяток изумрудов и пять сапфиров.

– Вижу, ты хочешь подарить мне эти камни? – послал он импульс Брюннеру.

Тот, поборовшись с собой, утвердительно кивнул.

– Спасибо друг. Это щедрый подарок. Я тоже сделаю тебе дар. Подарю жизнь. Что может быть ценней? Впрочем, сейчас формально мы не враги. Написал? – Никита взял в руки три листка. Хороший почерк. – Число, подпись. Возможно, я к тебе еще обращусь. – После этого он стер у Брюннера и его жены память о последнем часе и усыпил.

Утром после завтрака, не откладывая дела в долгий ящик, отправился к банкиру на виллу. Его провели к нему в кабинет и, когда они остались наедине, быстро взял Симона Готфрида под контроль. Тот, в свою очередь, рассказал интересную историю, подтвердив, что технические алмазы добываются на месторождениях Бельгийского Конго. Добыча осуществлялась компанией «Форминьер», которая полностью контролировалась

«Де Бирс». Маршрут алмазов пролегал из Конго в Германию через Танжер и Каир. Алмазы провозились под видом посылок Красного Креста, которые не досматривались. Также в 1939 году банк «Швейцарский кредит» стал сотрудничать с американцами. Они создали Швейцарско-Американскую корпорацию и открыли отделение в Нью-Йорке.

Когда он кончил говорить, Никита попытался расслабиться в кресле. У него стала болеть голова от таких запутанных схем. Летом 1940 года началась битва за Британию. Германская авиация каждый день десятками сбивала английские самолеты и бомбила английские города, в которых погибало множество народа. В это же время «Де Бирс», корпорация, связанная с Британской короной, продавала технические алмазы немцам. Американцам же отказывалась их продавать, якобы опасаясь падения цен на алмазы. Американцы в ответ запретили Оппенгеймеру в праве въезда в США, а операции компании «Де Бирс» в этой стране были свернуты как не отвечающие антимонопольному законодательству.

– Сколько противоречий. Впрочем, это не мое дело. Когда будет доставлена партия технических алмазов? – спросил он у Готфрида.

– Сегодня ночью, – ответил тот, хлопая глазами.

– Большая партия?

– Семьсот тысяч карат.

– Сколько это килограммов? – попытался Никита заняться умножением. – Один карат, кажется, 0,2 грамма, умножить на…

– Сто сорок килограмм, – быстро ответил Готфрид.

– Когда посылка будет доставлена, первому звони мне. Я подъеду в банк. Там все мне покажешь. О нашем разговоре никому ни слова.

Никита поднялся и направился к выходу.

– Кстати. Посоветуй нормальную ювелирную фабрику, где можно приобрести станки и инструмент.

– В десяти километрах от города по дороге на Базель есть фабрика, с которой мы сотрудничаем.

– Хорошо. Позвони им. Скажи, что я сейчас подъеду. После этого забудь обо мне, пока не доставят технические алмазы.

Ювелирная фабрика располагалась в живописном городке, окруженном горами. Управляющий встретил гостя, рекомендованного Готфридом, возле входа и провел небольшую экскурсию по пустой фабрике. Он же показал, как работает станок, и Никита, попросив его не беспокоить, стал творить. Первым делом из неотшлифованного рубина сделал амулет

защиты. Качество, а соответственно, и цена рубинов зависит, прежде всего, от цвета. Самые дорогие рубины – бирманские. Именно такой рубин весом в тридцать восемь карат лежал перед ним. Насыщенный красный, с легким синеватым оттенком. Его еще называли «цвет голубиной крови».

Особенность бирманских рубинов в том, что свой невероятно яркий цвет они сохраняют при любом освещении. В этих камнях часто встречаются иглы рутила, находящиеся под углом сто двадцать градусов друг к другу, создающие так называемый эффект астеризма. При правильной огранке в таких рубинах видна шести– или двенадцатилучевая звезда, и он знал, как правильно производить огранку. При создании темпоральных комнат приходилось много работать руками.

В книжке, которую взял в самолет, Никита вычитал, что в Мьянме, где с древнейших времен добывают лучшие рубины мира, считали, что этот камень делает человека неуязвимым, но для этого его надо «погрузить в плоть», то есть зашить под кожу, чтобы он стал частью тела владельца. После чего тот может не бояться ни копья, ни меча, ни стрелы, ни пули.

После того как Никита создал амулет защиты, взял самый большой алмаз, на шестьдесят карат, и огранил его особым способом, которым местные мастера пока еще не владели. Камень потерял около трети веса, но приобрел уникальные способности. Он превратился в пространственный карман, размером – пять кубических метров.

После этого Никита сосредоточился на лечебном браслете. Точнее, их было несколько. Диагностический, регенерирующий и останавливающий кровь. Затем сосредоточился на камнях для темпоральной комнаты. Работал быстро, и к вечеру десятая часть задуманных амулетов лежала в хранилище. Туда же он упрятал станок, предварительно купленный у хозяина…

Поужинав в хорошем кафе на набережной, Никита отправился в отель. Звонок разбудил его в три часа ночи. Звонил Готфрид.

– Посылка доставлена.

– Хорошо. Отпустите всех. Я сейчас приеду. Никому больше не сообщайте об этом.

Он быстро собрался, стер отпечатки пальцев в комнате и еще раз тщательно осмотрелся. Возвращаться сюда не придется. Возле зеркала надел шляпу, бороду и очки. Мало ли как все пойдет. На такси добрался до банка, выйдя за два квартала до него. Готфрид ожидал возле запасного выхода и быстро провел его в хранилище банка. Поднял решетку, и они вошли в комнату с большим столом, на котором стояло семь ящиков весом по двадцать

килограмм. На ящиках была изображена символика Красного Креста. Никита не стал их вскрывать и сразу переложил в хранилище. На досуге можно будет разобраться.

– А где драгоценности, которые доставил герр Брюннер? – посмотрел он на Готфрида.

Тот подошел к соседней стене, состоящей из множества ячеек.

– Вот эти пять! – указал он на большие ячейки в самом низу. – Но нужны ключи.

– Вот, – достал Никита связку ключей с номерами, которую ему любезно предоставил Брюннер.

Готфрид стал вставлять ключи в отверстие ячеек, и через десять минут драгоценности уютно расположились в новеньком хранилище.

– Еще что-нибудь? – спросил Готфрид.

– Ну, если вы настаиваете, то я возьму некоторую сумму наличными. – Харви говорил, что ему срочно нужна «наличка».

– Пройдемте в соседнее помещение.

Готфрид отпер стальную дверь, и они вошли в комнату, где на столе лежали в пачках деньги ведущих мировых государств. Там находились не только швейцарские франки, немецкие марки, американские доллары, но и советские рубли. Навскидку их было несколько миллионов.

– Господин Готфрид. Можно вас на минуту, – послышался из-за двери женский голос.

– Извините. Я на минутку, – сказал Готфрид и вышел. Вслед за ним закрылась дверь.

– Как интересно! – подумал Никита и стал быстро прятать валюту в хранилище.

Внезапно дверь открылась, и в нее вошли двое вооруженных охранников.

– Поднимите руки вверх, – проговорил один из них, и два пистолета уставились Никите в лицо.

Он поднял руки и подошел к ним. Второй достал наручники. Не став дожидаться дальнейшего развития событий, Никита усыпил их и пошел к двери. Охранники с грохотом упали на пол. Внезапно кольнуло сильное предчувствие опасности. Когда он вышел в коридор, Эльза выстрелила в него из «вальтера». Пуля попала в грудь. Никита чуть пошатнулся, но устоял на ногах. Раздалось еще три выстрела, которые снова не нанесли ему вреда.

– Ну, хватит! Защита работает нормально, – закончил он эксперимент, усыпив Эльзу и Готфрида. Больше никого в помещении не было.

– Ты на кого работаешь? – спросил он, разбудив Эльзу.

– Третье управление СД, – чуть заплетающимся языком ответила она.

– Кто твой начальник и чем вы занимаетесь?

– Начальник управления группенфюрер СС Отто Олендорф. Наш департамент занимается вопросами государственного строительства рейха, иммиграции, расы и народного здоровья, науки и культуры, промышленности и торговли. Отдел D3, в котором я служу, – занимается финансовыми учреждениями, валютой, банками и биржами, а также страхованием, – чуть задыхаясь, ответила Эльза.

– Как ты меня вычислила?

– Наш человек в банке сообщил, что прибыл ожидаемый груз, а нам ничего не сообщили. Я приехала проверить и сразу заподозрила неладное.

– Понятно. Сейчас ты заснешь и, когда проснешься, забудешь последний час.

Он также подкорректировал память остальным и вышел через черный ход. В Цюрихе его больше ничего не держало, поэтому взял такси и поехал на окраину города, где его ждал Ален. На автомобиле они вернулись в Женеву. Во время поездки у Никиты начался отходняк. Его стала бить сильная дрожь, унять которую удалось с помощью фляжки коньяка, которую Ален держал в багажнике. Радовало то, что амулет защиты проявил себя хорошо. Четыре револьверные пули истощили его на двадцать четыре процента, и восстановился амулет полностью за полчаса.

Следующую неделю Никита провел в поместье Харви, заканчивая работу над темпоральной комнатой. Камила помогала ему во всем. Харви, которому Никита передал почти все свои трофеи, занимался финансами. Расплатившись со срочными долгами, он нанял детективное агентство для отслеживания действий конкурентов. Ален с камнями отправился в США. Ее промышленность остро нуждалась в технических алмазах.

Через неделю комната была готова. Врач и пациент сильно волновались перед операцией, но Никита чувствовал, что все пройдет хорошо. В этой операции он работал на подхвате у Камилы, подавая ей инструменты. Все процессы в организме Харви темпоральная комната остановила, точнее, замедлила во много раз. Поэтому Камила не спеша удалила осколки позвонков, а затем поставила необходимые импланты, созданные Никитой. Долгое время заняло восстановление сосудов, а затем гармонизация эфирного и астрального тела. На этом этапе в операцию активно включился Никита.

Харви начал вставать через три дня. Позвоночник стал

активно восстанавливаться с помощью амулета регенерации.

Вскоре руководитель детективного агентства дал отчет о проведенном расследовании.

– Господин Гаузер! Заказчик рейдерской атаки на вашу фирму – Рихард Фрич.

– Я слышал это имя, – вспомнил Харви.

– Он руководит фармакологическим концерном. Штаб-квартира концерна находится в Мюнхене. Там же он и проживает.

– А почему он решил отобрать мою фирму? – спросил Харви.

– Из-за начавшейся войны поставки некоторых видов сырья прекратились. Для их продолжения ему понадобилось дочернее предприятие в нейтральной стране, которое могло бы свободно осуществлять торговые закупки в любой стране. Проблема заключается в том, что его будущий тесть штандартенфюрер СС Рудольф Лернер занимает большую должность в Главном административно-хозяйственном управлении СС. Там он возглавляет управление импорта.

– А чем занимается это управление? – спросил Никита.

– Оно руководит всей хозяйственной деятельностью СС, в том числе эксплуатацией труда заключенных концентрационных лагерей, – ответил детектив.

– Это плохо, – задумчиво пробормотал Харви. – Что еще узнали?

– Мои люди сообщили, что через пять дней состоится свадьба Фрича с дочерью Лернера в поместье Фрича под Мюнхеном. На нее пригласили много важных гостей.

На следующий день Никита отправился в Мюнхен. Харви хотел поехать с другом, но он еще полностью не восстановил здоровье и нуждался в курсе массажа. К тому же ему необходимо было создать себе алиби. Оставлять в живых Фрича и Лернера было нельзя. Никита попросил детектива, чтобы в Мюнхене ему передали план поместья, где произойдет свадьба, а также расположение соседних поместий и список гостей.

Существовала еще одна причина оказаться в Мюнхене. Там работал доктор Рашер, преподававший в Мюнхенском университете и одновременно работавший в концлагере Дахау. Камила узнала, что он состоит в «Аненербе» – «министерстве магии» Германии. Эта влиятельнейшая организация финансировала, в том числе, экспедиции в Тибет…

Границу Никита перешел ночью. Она охранялась не очень серьезно. Выйдя на дорогу возле Линдау, остановил попутный автомобиль, направлявшийся в сторону Мюнхена.

Водитель, пожилой бюргер, высадил его в Старом городе, возле отеля с видом на собор Пресвятой Девы Марии. Отель был небольшой, но со своим изящным стилем. Все было выдержано в золотисто-голубых тонах. Альпийские пейзажи, украшавшие стены, радовали глаз. Контрастом бил по глазам только хозяин отеля, который встретил нового постояльца в фойе. Он был каким-то обрюзгшим, со свиными, бегающими глазками и сразу вызывал антипатию. Никита даже хотел найти другой отель, но уже почти наступила ночь. Поэтому остался тут, и пожалел.

Ночью приснился кошмарный сон. К нему в комнату вошел какой-то зомби в робе узника концлагеря. Зомби был замороженным, а изо рта, которым он что-то невнятно говорил, шел пар. Никита долго не мог проснуться и сделал это только после того, как зомби коснулся его своей холодной рукой. Вскочив, быстро включил ночник и перекрестился дрожащей рукой, смотря на собор.

– Матерь Божья! Прости и помилуй мя, грешного. Все! Утром надо съезжать.

Спать пришлось с включенным светом. На рассвете, во время беспокойного сна, ему показалось, что он услышал женский голос, который шел со стороны собора Святой Богородицы:

– Помоги ему.

После этого Никита больше не спал и стал думать, что делать. Утром, во время завтрака, поговорил с хозяином отеля, применив магию. Оказалось, что хозяином тот стал недавно. До этого владел бакалейным магазинчиком. Его брат служил в гестапо. Вместе они разработали рейдерский захват отеля, которым владели мать и сын. На них был написан донос. Гестапо при обыске отеля обнаружило коммунистическую литературу. Мать погибла при допросе, а сын попал в концлагерь, предварительно переписав собственность на нынешнего владельца. Никита понял, кто навещал его ночью. Справедливости ради, надо сказать, что не только его. Поэтому надолго в отеле никто не задерживался. У хозяина тоже вид был не очень. Мало того что со здоровьем проблемы, так еще и прибыль резко упала.

Целый день Никита бродил по городу, досконально его изучая. У него был баварский акцент, доставшийся от Белова. В будущем он хотел выдавать себя за уроженца Мюнхена. Для этого нужно владеть местными нюансами. Он посетил местный музей – Пинакотеку. Осмотрел Немецкий музей – крупнейший технический музей Европы и собор Пресвятой Богородицы, который местные называли Фрауэнкирхе.

С сотрудником детективного агентства встретился в

университете. Тот передал Никите всю запрашиваемую информацию. Больше часа он анализировал ее в университетском кафе. Затем пошел в магазин и купил монографию профессора Мюнхенского университета Карла Хаусхофера – «Геополитическая динамика меридианов и параллелей». Неожиданно увлекся и сам не заметил, как прочел треть книги.

В это время с ним соединился Айрис, посоветовав встретиться с Хаусхофером и подлечить старого мага. Пробиться на этот уровень Четвертого измерения из Агарты было непросто, поэтому, не откладывая просьбу Айриса в долгий ящик, он отправился в университет, на кафедру геополитики, которую тот возглавлял. Секретарь сказала, что профессор в отпуске и дала его адрес. Впрочем, он уже был известен Никите.

Глава 15

До имения Хаусхоферов, Хартшиммельхоф, Никита добрался на такси. Благо оно располагалось недалеко от Мюнхена. Представился студентом Стокгольмского университета, изучающего геополитику. Супруга хозяина – Марта, пожилая женщина, сохранившая следы былой красоты, провела его в библиотеку и попросила подождать. Хаусхофер работал с сыном в своем кабинете над очередной статьей.

Никита подошел к массивному дубовому столу, чтобы рассмотреть, над чем трудится один из отцов геополитики. На столе лежало несколько книг по истории Тибета, Индии, а также манускрипт с изображением богов и демонов Востока. Быстро пролистав их, он взял выписки на больших листах бумаги, написанные убористым каллиграфическим почерком. Заголовок на первом листе назывался: «Миф о происхождении тибетского народа». Он начал чтение:

«Тибетцы происходят от обезьяны и божества подземного мира и вод Лу. Эта легенда известна в поздней индийской обработке: „Когда-то давно, в то необычайное время, когда был Тибет и не было тибетцев, божественные бодхисатвы Манджушри, Авалокитешвара и Ваджрапани сошлись вместе, чтобы выяснить, как продвигается великое дело спасения от страданий всех живых существ. Манджушри вспомнил о пустынной стране к северу от Гималаев, которую следовало бы заселить людьми и сделать в будущем главным оплотом великого учения Шакья-муни. Но где взять людей? Жители родины Шакья-муни не смогут жить в стране высоких, суровых гор и глубоких долин. И сказал Манджушри: «В Тибете нет людей, но есть демоны мужского и женского рода. От демонов рождаются только демоны. Если кто-то из нас станет обезьяной-самцом и будет жить с горной ведьмой, то это положит начало заселению Тибета». И вот милосердный и сострадательный Авалокитешвара, который был покровителем пустынной и незаселенной людьми Страны снегов, стал обезьяной-самцом по имени Даг ринпо – Мужчина – чудовище ущелья – и начал жить с горной ведьмой, которую звали Даг ринмо – Женщина – чудовище ущелья. У них было три сына и три дочери, от которых и произошли жители Тибета“».

Вернув лист на место, Никита взял толстый том с картинками и стал внимательно рассматривать рисунки буддийских божеств, среди которых было много «защитников». Никита перелистал несколько страниц, и ему открылся лист, на котором тем же почерком было написано:

«Живя на Востоке, я задался вопросом: от кого эти защитники защищают? Оказалось, что в индо-тибетской мифологии существует огромное количество разной нечисти, которая вредит человеку. Для того чтобы предотвратить вред от действия этой нечисти, и существует множество ритуалов, связанных с защитниками.

Демонов существует очень много. Обычно говорится, что их триста шестьдесят видов, но чаще всего упоминаются следующие:

– Цен – живущие в камнях демоны мужского пола, красного цвета, изображаются в виде красных всадников на красных конях, иногда с красными флагами.

– Цати – одни из самых могущественных и вредоносных демонов. Изображаются похожими на людей, в белых военных одеждах, с оружием в руках. Считается, что вред от Цати заключается во всяких нервных болезнях.

– Роланги – ожившие мертвецы.

– Ньен – атмосферные духи, существа желтого и зеленого цвета, внешне напоминающие быков, насылают на людей болезни.

– Дуд – черного цвета духи, вселяющиеся в людей и вызывающие одержимость.

– Мамо – черные демонессы. Проявляются в виде стихийных бедствий и эпидемий.

– За – божества планет. Считается, что вред от них проявляется в виде эпилепсий.

– Ракшасы – людоеды. Изображаются как волосатые человекообразные чудовища, покрытые красно-бурой шерстью.

– Наги – тоже считаются вредоносными существами, которые могут насылать различные болезни и приносить иной вред. Изображаются как люди со змеиными хвостами.

И еще огромное количество других».

Никита вынул из толстой книги об истории Тибета следующий лист, который был озаглавлен «Буддизм в Тибете», и быстро просмотрел его по диагонали.

«Значительная часть населения Тибета принадлежит к религии бон-по, «черной вере», которая отвергает Будду полностью. Она открыто считает всех буддистов врагами и признает Далай-ламу только как гражданского правителя – без религиозной власти. Эти люди очень догматичны и не позволяют буддистам и ламаистам входить в их храмы. В их ритуалах все наоборот. Они поклоняются таинственным богам свастики. Они совершают ламаистские ритуалы в обратном порядке, не считают себя тибетцами и полностью изолированы от Лхасы. Среди них практикуется самый низкий тип шаманизма, колдовства и черной

магии».

В коридоре послышались голоса, и Никита быстро отошел от стола. Через минуту дверь отворилась, и в библиотеку вошел крепкий старик лет семидесяти, с аристократической внешностью.

Он посмотрел незваному гостю в глаза и сразу нанес ментальный удар, который Никита выдержал с большим трудом. Придя в себя, ушел в защиту и стал изучать энергетику этого мага. Да! Без сомнения Хаусхофер был магом Разума. К счастью, не самого высокого ранга. С помощью амулетов Никита смог передавить его. Обессиленный маг упал в кресло.

– Почему вы меня атаковали?

– Вы пришли убивать? – тяжело дыша, ответил Хаусхофер.

– Это уже интересно! – медленно произнес Никита. – Даже если и так, то к вам и вашей семье у меня нет вражды.

– Что вы от меня хотите?

– Просто поговорить. Но от нашего разговора будет зависеть ваша дальнейшая судьба. Постарайтесь быть откровенным.

Они проговорили несколько часов. Точнее, говорил Карл Хаусхофер. Изредка Никита задавал уточняющие вопросы.

Все началось в 1908 году. Майора Хаусхофера командировали на два года в Японию. Эта страна потрясла его – он увидел общество, построенное на иерархии, верности и воинской чести, в котором древняя, языческая культура мирно уживалась с современной техникой.

Изученный японский язык открыл двери в оккультные круги. Хаусхофера даже приняли в общество Зеленого Дракона, познакомив с императором и его семьей. Во время посвящения ему открыли тайну: некогда просторы Евразии объединяла могучая цивилизация героев и воинов, следы которой можно встретить как на Западе, так и на Востоке. С тех пор мечта о возрождении этой цивилизации наполняла все мысли Хаусхофера.

При посвящении ему активировали способность, которую он назвал «вторым зрением». При помощи этой способности он мог непроизвольно предвидеть многие еще не случившиеся события.

– Эта способность досталась мне от моих фризских предков, – проговорил Хаусхофер. – Налейте воды, пожалуйста.

Никита передал ему стакан воды, которой он запил какую-то таблетку.

– А как у вас работает второе зрение?

Хаусхофер, задумавшись, закрыл глаза и некоторое время молчал, прокручивая события своего прошлого.

– Первый раз оно проявилось в августе 1915 года. В то время я возглавлял артиллерийские части, находившиеся в Мюнстерской долине. В какой-то момент с позиций прибыл лейтенант Зелль. Позже он стал моим адъютантом. После доклада у меня появилось ощущение, что я должен любой ценой задержать лейтенанта. Моему взору предстали ужасные картины. Я стал задавать ему разные нелепые вопросы, и так прошло полчаса. После этого я его отпустил. Через полтора часа стало известно, что позиции, на которые отбыл лейтенант Зелль, подверглись ураганному артиллерийскому обстрелу. Погибли все офицеры. Если бы я его не задержал, то лейтенант тоже бы погиб.

Следующий случай произошел почти через год. Я увидел, как знакомый мне офицер погибает. После этого стал за несколько дней или недель предвидеть смерть моих знакомых и родственников. Такой вот дар, а скорее проклятье. Хотя несколько раз оно спасало меня. Например, один раз я смог поменять расписание эшелонов, на одном из которых должна была переброшена моя часть. По прошествии нескольких дней во время движения по железной дороге я заметил ранее отведенный для моей части состав. Офицерский вагон в нем был разорван в клочья.

– А как вас угораздило связаться с нацистами? – спросил Никита.

Хаусхофер тяжело вздохнул, а затем, чуть набычившись, стал отвечать:

– Поражение моей страны в мировой войне потрясло меня и многих моих товарищей. Я всегда считал, что Германия должна объединить всю Евразию под своим водительством. Я соединил множество чужих идей в стройную теорию, стержнем которой стала убежденность в великой мировой роли Германии. Я считал, что гегемония «атлантических» держав (Англии и США), основанная на торговле и плутократии, приходит в упадок. Ей на смену приходит власть «материковых стран» – «хартленда», из которых Германия является главнейшей. Но победить она может только в союзе с другими державами «хартленда» – Россией, Китаем и Японией.

– Полагаю, такие идеи импонировали многим вашим соотечественникам?

– Поначалу нет. Свои идеи я стал пропагандировать в журнале «Альманах геополитики», который сам и основал, а также с кафедры Мюнхенского университета, профессором которого стал после войны. На мой семинар записалось восемь студентов. Самым талантливым оказался – Рудольф Гесс. Мои лекции он слушал особенно внимательно и постепенно стал

любимым учеником. В конце 1923 года Рудольф и его друзья нацисты попытались совершить переворот, но потерпели неудачу. Когда я навещал ученика в Ландсбергской тюрьме, он познакомил меня с «героем, которому суждено спасти Германию». Тогда Гитлер смиренно ждал моих советов. Я читал им лекции – о жизненном пространстве, упадке атлантизма и грядущей славе Евразии, объединенной под знаменем «нового порядка». Лекции продолжались, и мои мысли перекочевали в книгу, которую издатели позже назвали «Майн кампф». – Хаусхофер внезапно замолчал, закрыв глаза.

Дверь в библиотеку открылась. Марта вкатила тележку с дымящимся фарфоровым заварником и печеньем.

– Господа. Чай?

– Спасибо, госпожа Хаусхофер. – Никита взял чашку и сделал глоток.

– Позже мы приняли Гитлера в общество Туле. Дитрих Эккарт – один из создателей общества – научил Гитлера излагать свои мысли письменно и выступать перед массами.

– Расскажите об этом обществе, – попросил Никита, поставив чашку на столик.

– Легенда о Туле содержится в германских преданиях, где говорится, что остров с таким названием был центром магической цивилизации. Эккарт и некоторое наши соратники считали, что не все тайны Туле были безвозвратно потеряны. Они верили, что до сих пор существуют маги, которые способны выступать в роли посредников между людьми нынешними и «тем, что находится Там». А там – хранилище сил космического, запредельного происхождения. Посвященные в эту тайну могут черпать из хранилища, чтобы наделить Германию властью над миром и возвести ее на пьедестал провозвестницы грядущего сверхчеловечества.

«Придет день – и из Германии двинутся в бой легионы, которые сметут все препятствия на духовном пути землян. А поведут их непогрешимые вожди, питающие силы в тайном хранилище острова Туле», – таково краткое содержание мифа, который благодаря стараниям Эккарта и Розенберга глубоко запал в душу Гитлера.

– И какую роль во всем этом… сыграли вы?

– Члены нашего ордена верили, что секретные знания можно перенять путем магических ритуалов. Что наши внутренние силы образуют общую цепь. Но использовать ее в целях группы можно только посредством медиума, аккумулирующего всеобщую силу, и под руководством посредника – мага. Так получилось, что среди членов нашего ордена самым сильным талантом медиума

обладал Гитлер, а магом на первом этапе стал я. Мои знания и способности, полученные в ордене Зеленого Дракона, сильно помогли в этом.

– Чем вас привлек Гитлер?

Хаусхофер вздрогнул, и его чашка упала на пол, с грохотом разбившись вдребезги. Через полминуты в комнату ворвался крепкий мужчина средних лет.

– Отец, с тобой все нормально? – строго посмотрел он на Никиту.

– Да, Альбрехт. Со мной все хорошо. Передай маме, чтобы она заварила еще чаю.

Старший сын еще раз взглянул на Никиту и вышел, аккуратно закрыв дверь.

– Я долго наблюдал за Гитлером, когда он входил в подобие медиумического транса. Лицо его выражало экстатический восторг. Вот только за спиной у него стояла не одна сущность – но целая группа неприятных существ, «магическая энергоцентраль». Сравнительно недавно я научился проникать в информационное поле планеты, и мне открылось, какие силы стоят за ним.

– А именно? – затаив дыхание, спросил Никита.

– Гитлера направляет по жизни главный иерарх в подземном царстве Земли. Верховный дьявол нашей планеты следит за его жизненным путем. Впрочем, он это делает не один. Множество владык тьмы – самых влиятельных архидемонов планеты – вложили в Гитлера уйму сил.

– А почему они сделали ставку именно на этого австрийца? Ведь и в Германии имеются «достойные» кандидатуры на роль вождя?

– Душа у Гитлера почти что демоническая. Он уникальный профессионал в организации тоталитарного суперэффективного режима с точки зрения экономики, технического прогресса и войны. Его гениальность – в манипулировании людьми с помощью страха и насилия, в хитрости, лжи и предательстве. Много жизней подряд он шел путем тьмы. Развил в себе множество талантов управленца и полководца, участвуя во множестве войн. Он любит войну в любом из ее проявлений. Поэтому сразу стал добровольцем в Мировой войне, очень обрадовавшись ее приходу! В нем изначально сидела садистская натура, и не одну жизнь. Когда душа идет путем тьмы, она начинает восхищаться и упиваться болью живых существ. Все демоны – это серийные убийцы, маньяки и опытные мучители. Душа Гитлера многие жизни приобщалась к демонической орде, впитывая в себя их психологию, адские потребности и поведение.

Поэтому он и стал подобно им: садистом и серийным убийцей для миллионов людей.

– А как вы влияете на него сейчас?

– Я давно на него не влияю, – резко ответил Хаусхофер. – После того как Гитлер пришел к власти, стал позиционировать себя как «человек, который сделал себя сам», если вам знаком такой американский термин.

Никита кивнул.

– Постепенно почти все учителя, обучавшие фюрера, умерли или были отодвинуты в сторону. Последний раз я видел его два года назад, когда фюрер принял закон против евреев. Моя любимая жена Марта – еврейка. А два моих сына не имеют будущего в современной Германии. Мы тогда сильно поругались с Гитлером. С тех пор он не хочет меня видеть. Впрочем, я тоже не горю таким желанием. Просто, к сожалению, сильно от него завишу, и пока нас спасает только заступничество Гесса.

– Кто сейчас занял роль мага при Гитлере?

– В 1926 году в Берлине и Мюнхене появились первые колонии тибетцев и индусов. Получив доступ к финансам государства, нацисты стали отправлять в Тибет одну экспедицию за другой. Сейчас Гитлера и его рейхканцелярию охраняет полк тибетцев, который называется «Коготь тигра». Теперь рядом с ним часто видят тибетского монаха из бон-по, который носит зеленые перчатки. Этого монаха называют Хранителем Ключа. Сами догадайтесь – двери, в какие миры он открывает.

– Поэтому вы и впали в депрессию, что вас отодвинули от фюрера, а ваши дети не смогут реализоваться в рейхе, у истоков которого вы стояли? – решил спровоцировать Хаусхофера Никита.

Тот посмотрел на гостя тяжелым взглядом.

– Не советую меня судить, не побывав в моих обстоятельствах.

– И не собираюсь. Расскажите о Черном ордене СС, – перевел Никита разговор, видя, что Хаусхоферу становится хуже.

– Знаете, в создании СС не было ни политической, ни военной, ни какой-либо государственной необходимости: к тому времени уже имелись тайная полиция – гестапо и служба безопасности – СД, армия – вермахт. Существовала целая сеть военизированных молодежных, женских, партийных организаций – «Гитлерюгенд», «Трудовой фронт», штурмовики. Но имела место другая необходимость – так называемая магическая. Занятия нацистской магией проходят в концлагерях, которые являются жертвенниками, в них нацисты совершают массовые человеческие жертвоприношения, чтобы привлечь благоволение подземных владык к делу Черного ордена. В обмен на жертвы темные

цивилизации из параллельных миров Земли, а также некоторые инопланетные цивилизации, передают нацистам чертежи военных технологий, которые были на вооружении атлантов и других цивилизаций, давно исчезнувших с лица планеты. Тысячи ученых работают над ними. Подземные владыки хотят выжать из землян как можно больше гавваха, на котором строится экономика инфернальных миров.

– «Гавваха»? – спросил Никита.

– Да, гавваха! Так называется тонкоматериальное излучение энергии, которое выделяется при страдании живых существ: страхе, более, ненависти, злобе, гневе, обиде и крови. В короткие сроки им необходимо наполнить свои энергетические накопители.

К тому же концлагеря представляют собой макет будущего устройства мира, где народы обречены на то, чтобы стать сырым материалом, над которым можно производить любые опыты и эксперименты, превратиться в удобрение, на котором вырастет новый цветок – человек, способный на равных общаться с богами.

Гитлер как-то сказал Гессу: «Не устранить неравенство между людьми, а усугубить его, поставить непроницаемые барьеры. Каким станет социальный строй, я скажу вам. Будет класс господ и толпа разных членов партии, размещенных в строгой иерархии. Под ними – побежденные иностранцы, нынешние рабы. Над всеми станет новая аристократия, о которой я не могу вам рассказывать… Но эти планы должны оставаться неизвестными для рядовых членов партии».

И хотя подземные владыки искренне верят, что Гитлер захватит весь мир и построит на ней адскую систему тьмы – Новый Мировой Порядок, существует запасной план.

– Какой же?

– Год назад Управление армейских вооружений начало «Урановый проект». Двадцать две научные организации работают над созданием оружия, способного убить все живое на Земле. Что-то я устал. – Хаусхофер схватился за сердце.

– Я могу вам помочь. Владею методом лечения с помощью биополя.

– Глупо отказываться от такого шанса.

Никита стал делать пасы руками над телом старого мага, переливая свою энергию в его эфирное тело. Через десять минут Хаусхофер почувствовал себя лучше.

– А вы можете помочь Марте? – с надеждой в голосе спросил он. – У нее что-то с желудком.

– Ничего не обещаю. Нужно провести диагностику.

– Марта! Иди сюда, пожалуйста! – крикнул он.

…– Все не так плохо, фрау Хаусхофер. Необходимо провести десять или пятнадцать сеансов. Вот только их необходимо проводить три раза в день, а мне неудобно будет ездить на такси из города.

– Оставайтесь у нас, мистер Эриксон, – пригласил его Хаусхофер. – У нас пустует спальня второго сына. Для прислуги вы мой ученик из Швеции.

– Полагаю, так будет лучше для всех, – согласился Никита.

Ночью он незаметно телепортировался из своей комнаты и обследовал территорию вокруг. Поместье Хаусхоферов граничило с поместьем Фрича. Никита изучил его вдоль и поперек, установив контакт с деревьями, за которыми садовники хорошо ухаживали.

После венчания, которое пройдет в Мюнхене, молодожены и гости приедут в поместье. Празднование продлится весь день и всю ночь. Судя по списку, полученному от детектива, гостей будет много, и все они не поместятся в доме. В красивом парке уже появились большие палатки и стали устанавливать столы буквой П. Все это время Никита раздумывал над планом ликвидации. В принципе Фрича и его тестя можно взорвать в машине, но тогда возможны жертвы среди гражданских. Можно точечно уничтожить их из снайперской винтовки. В этих случаях в работу вступят лучшие сыщики гестапо, и они скоро выйдут на Харви. Никита вернулся в комнату и еще раз тщательно принялся проверять списки. К утру его озарила идея.

* * *

Гости начали съезжаться в полдень. Среди них было много офицеров в черной эсесовской форме. Ожидая молодоженов из церкви, они гуляли со своими женами и подругами по парку, употребляя легкие вина и коктейли, которые разносили заранее нанятые официанты. В это время Никита, сообщив Хаусхоферам, что ему надо восстановить силы, закрылся в комнате и лег на удобную кровать. Соединившись со стихиями Земли и Воздуха, вышел из тела. Местные стихиалии принимали его за своего. Поэтому он легко парил в тонком теле среди гостей, почти не тратя энергию. Его никто не замечал, кроме кроличьих такс, носившихся среди гостей и выпрашивавших подачки у поваров. После небольшого воздействия на них таксы отстали. Наконец, приехали жених и невеста, в сопровождении Лернера. Их усадили за центральный стол. Вокруг расселись почетные гости. Возле Лернера все время находился молодой адъютант, в звании унтер-

штурмфюрера СС. Он украдкой посматривал на невесту, которая была чудо как хороша. Было жаль огорчать такую красотку, но Никита твердо решил сделать ее богатой вдовой.

Адъютант Лернера выпил вторую рюмку коньяка и начал пьянеть, поэтому Никита поспешил взять его под контроль. На это ушло три минуты. Когда объявили танец жениха и невесты, адъютант подошел к Фричу и выстрелил в него три раза из своего «вальтера». Тот с грохотом упал на землю, сбив поднос с фужерами, наполненными шампанским.

– Луиза должна быть со мной! – крикнул адъютант, схватив невесту за руку.

Сначала закричала Луиза, а за ней гости.

– Остановите этого безумца, – приказал Лернер.

Некоторые офицеры начали доставать оружие.

– Никто нас не остановит. – Адъютант выстрелил в Лернера, но тот успел повернуться боком, и пуля попала ему в плечо.

В это время невеста упала в обморок, а к адъютанту подбежал официант и вырубил его кулаком в затылок.

«Управлять людьми сложнее, чем я думал». – Никита воздействовал на головной мозг адъютанта, вызывая обширный инсульт.

– Луиза, дитя мое, что с тобой? – подбежал к дочери Лернер, зажимая рану, из которой сочилась кровь.

«Пора заканчивать эту трагикомедию. И так сработал очень грязно». – Никита послал сильный энергетический импульс в Лернера, который умер от мгновенной остановки сердца…

На следующее утро он попрощался с семьей Хаусхофер. Их здоровье улучшилось. Вот только хозяин подозрительно смотрел на таинственного гостя. Почтальон утром принес новости о происшествии в соседнем поместье. Впрочем, Хаусхофер не стал задавать вопросы, ответы на которые не хотел знать.

Глава 16

После отъезда от Хаусхофера Никита вернулся в отель и стал собираться в казино. Обычно по субботам там играл доктор Рашер. Казино располагалось в центре города, в бывшем особняке какого-то разорившегося промышленника. Там было много офицеров, в том числе носивших форму СС.

Никита сорок минут играл в рулетку, пытаясь воздействовать на шарик. Не сразу, но у него стало получаться. Выигранные фишки тут же проигрывал. Его внимание привлек мужчина лет тридцати, в форме лейтенанта люфтваффе. На форме у него был знак доктора.

«Интересно! Доктор из люфтваффе – не инициированный маг. Склонность к магии Воздуха и Воды, а также не плохие задатки к целительству. Вот только душа грязно-серая, почти черная. Где же ты так заляпался?» Никита подошел к нему, когда лейтенант поставил десять марок на число 26. Он тоже поставил двадцатку на это же число и помог шарику попасть, куда надо. Немногочисленные зрители, не искренне поздравили их, когда дилер отсчитал выигрыш.

– Приглашаю отметить нашу победу, господин лейтенант. – Никита слегка воздействовал на его сознание.

– Принимаю ваше приглашение господин…

– Кранц. Рихард Кранц. Будущий ботаник, – представился он. – Предлагаю поужинать, я плачу.

– Лейтенант Зигмунд Рашер. Принимаю ваше приглашение, – быстро согласился экономный лейтенант.

Рашер предпочитал пиво, которым запивал тушеную капусту с колбасками. Собеседником он оказался интересным. Потомственный врач и карьерист, Рашер вступил в нацистскую партию через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти. Долго занимался изучением рака в отделении больницы Мюнхенского университета. Переломным моментом его жизни стала женитьба на певице Каролине Диль, которая предоставляла убежище Генриху Гиммлеру во время борьбы за власть и сохранила с ним хорошее отношение…

Спустя полчаса Никита полностью взял Рашера под контроль, и они стали «лучшими друзьями».

– Через неделю, после того как Каролина познакомила меня с Гиммлером, я был принят в «Аненербе», – бахвалился Рашер. – Никита воздействовал на нужный отдел мозга, и теперь доктора было не остановить. – В тот же день я предоставил рейхсфюреру меморандум, в котором предлагал исследовать пять вопросов из

области заболевания раком. Также Гиммлер приказал мне вести долгосрочное наблюдение картины крови у «бессрочно арестованных» с тем, чтобы исследовать заболевания на ранней стадии.

– И как успехи? – с интересом спросил Никита.

– Я не успел довести исследования до конца. Началась война, и меня призвали в люфтваффе. Сразу же направили в Дахау. Когда началась война с англичанами, многих летчиков сбивали над морем. Наши моряки вылавливали их, но спасти уже не успевали. Они умирали от переохлаждения. Также мне поручили исследовать воздействие быстро меняющейся нагрузки на организм человека.

– Это важное исследование для наших славных парней из люфтваффе. Что же вы делали? – помрачнев, уточнил Никита.

– О! Рад, что ты понимаешь это. Некоторые чистоплюи не могут оценить важность моих исследований. В ходе научных экспериментов мы помещаем заключенных в барокамеры, в которых понижаем давление до уровня, соответствующего тому, что существует на больших высотах (до двадцати одного километра над уровнем моря).

– И что происходило с заключенными? – У него пересохло горло.

– Для чистоты эксперимента мы проводим опыты сразу с двумя сотнями человек. Обычно сразу умирает восемьдесят человек на месте, – усмехнулся Рашер. – Еще часть становятся инвалидами. Некоторые, самые крепкие, выживают.

– Понятно, – тихо сказал Никита. Не хотел он больше никого убивать, но такую тварь нельзя было оставлять в живых. С такими знакомыми и сам станешь серийным убийцей.

– А еще мы проводим эксперименты изучения воздействия низких температур на человека, – сел на своего любимого конька Рашер. Он был увлеченным исследователем. – Мы сажаем заключенных в ледяную воду, или держим их голыми на снегу, как в ситуациях, в которые попадали сбитые летчики. После этого «испытываем», как на них действует горячая вода, «арийский травяной чай» или тепло человеческого тела.

– Человеческого тела? – спросил Никита охрипшим голосом.

– Да. У нас в лагере много евреек и цыганок. Мы обкладываем двумя или тремя замороженного заключенного. Если он не сильно замерз, то можно спасти, но все зависит индивидуально от каждого человека.

– А где вы берете травы для чая? Думаю, европейские травы все изучены, – с замиранием сердца закинул удочку Никита.

– Травами занимается руководитель исследовательского

отдела ботаники – барон Филипп фон Лютцельбург. Он известный специалист по Южной Америке и так, же как я, занимается лекарством от рака.

– Он тоже работает в Дахау?

– Конечно, – самодовольно усмехнулся Рашер. – У нас для этого созданы лучшие условия. Человеческого материала хоть отбавляй и под боком Мюнхенский университет, который предоставляет своих лучших специалистов и лаборатории.

– Я сам увлекаюсь ботаникой. Как можно встретиться с бароном Лютцельбургом?

– Нет ничего проще. Исследовательский питомник Филиппа находится рядом с Институтом энтомологии в Дахау. Правда, сейчас он в Берлине, на какой-то конференции.

– Скажи, Зигмунд, а вы проводите исследования в Азии? Полагаю, там можно собрать неплохой гербарий.

– Знаешь, год назад из Азии возвратилась Тибетская экспедиция Третьего рейха под руководством штурмбанфюрера СС Эрнеста Шефера. Там были люди из команды СС по сбору растений…

У Никиты по спине пошли мурашки. Наконец-то он приблизился к цели.

– А с ними, случайно, не было тибетского монаха? – прервал он Рашера.

– Про монахов ничего не знаю. Не моя область интереса. Знаю, что они делали измерения почти четырех сотен тибетцев, привезли редкие породы кошачьих и псовых, а главное, множество новых растений. Барон Лютцельбург сразу их высадил в своем питомнике, и до сих пор мы с ними экспериментируем. Уже есть вдохновляющие результаты. Как будущему ботанику, тебе это будет интересно.

– Да! Очень интересно. Я хотел бы ознакомиться с отчетом экспедиции. Это можно устроить? – надавил он на Рашера.

– В принципе можно, – стал массировать тот свои виски. – Копия отчета лежит в архиве, но я могу ее достать. Вот только отчет большой и его нельзя выносить из Дахау.

– Тогда я с удовольствием посещу вашу лабораторию в Дахау.

– На завтрашнюю ночь у нас запланированы интересные эксперименты. Давай завтра встретимся здесь в это же время. Поиграем немного и вместе поедем в лабораторию.

– Хороший план, – обрадовался Никита. Внезапно, вслед за радостью наступила апатия и отток сил. Контролировать и доставать информацию из Рашера было тяжело.

Запершись в своей комнате, Никита не сразу лег спать. Он не хотел повторения кошмара. Как и игнорировать Божью Матерь.

Случай был не ординарный, и он вызвал Айриса. Через полчаса медитации тот вышел на связь. Минуту Никита эмоционально пытался выразить свою мысль.

– Подожди! – перебил его Айрис. Его утонченному Комплексу Многомерных Тел было тяжело находиться рядом с миром инферно, вход в который осуществлял концлагерь Дахау. – Сформулируй четко свой вопрос.

– Ко мне ночью приходит призрак. Я хочу ему помочь, но не знаю как, – успокоился Никита.

– Я так понял, что помочь ему тебя попросила Звездная Мать, – скорее констатировал, чем уточнил Айрис.

– Кто? – удивился Никита.

– Ты что, забыл, чему тебя учили в школе? Хм! Не все знания прошли через портал! В нашей Галактике эта великая богиня известна как Звездная Мать. На Земле ее знают под именем Божья Матерь – в христианской традиции. На Востоке она известна как богиня милосердия и сострадания Гуань Инь – «слышащая все в мире», женское божество, спасающее от всевозможных бедствий, помогающее всем, кто к ней обращается, особенно роженицам. Когда кому-то нужна помощь, у нее появляется тысяча рук, а на каждой ладони по глазу, чтобы видеть всех нуждающихся в ее поддержке. Часто ее изображают со священной книгой, кувшином, посохом или веревкой – потому что любой из этих предметов может выручить кого-то из беды, – обрушил на него целый пласт знаний Айрис.

– Вон оно как. И что теперь делать? – озадачился Никита

– Звездная Мать не часто кого-то просит, но если она это делает, то надо оставить все дела и уделить ее просьбе максимум времени и энергии. А делать будешь следующее. Существует отработанная методика проводов умершего человека. Запоминай! Она универсальна в полевых условиях. В твоей жизни ты еще не раз к ней прибегнешь.

После того как Айрис ушел, Никита еще час раздумывал над его словами. Вскоре выключил свет и стал ждать. Призрак Ганса пришел под утро, и вид его был страшен. Сам по себе он был неплохой человек. Просто родился не в то время и не в том месте. При жизни став жертвой предательства и жестоких опытов, он озлобился и не смог вырваться из инфернальной ловушки, в которую постепенно превращался Мюнхен, в пригороде которого нацисты решили устроить свой первый концлагерь.

Любое существо для продолжения жизни должно потреблять энергию. Душа, сознательно идущая путем Света, после смерти попадает в миры изобилия, где удовлетворяются все ее основные

потребности. Душа, уловленная в систему Тьмы, живет в режиме нехватки энергии. Чтобы выжить, она начинает осознанно или нет забирать ее у других. После своей безвременной гибели, Ганс нашел дорогу домой, где его когда-то любили и ждали, но свою мать он не нашел. Зато обнаружил людей, уничтоживших его семью и забравших место, которое он любил. Постепенно его разум затуманивался, а голод становился все сильнее. Вскоре включились инстинкты хищника, и Ганс перешел на низкочастотную энергию. Быстрее всего от живого человека можно получить энергию страха или животного ужаса. Во сне человек практически беззащитен, особенно если он не защищен амулетами, хотя бы в виде крестика, или охранными молитвами, прочитанными на ночь.

Никите стало его жалко. Если бы он оказался на его месте, то хотел бы, чтобы кто-то помог ему. Собственно, так и произошло – ему помогла Агидель. Когда Ганс остановился в трех метрах от кровати, Никита направил на него энергию Любви из своего сердца. Сначала она парализовала Ганса, но через несколько минут тот стал оттаивать. Когда Никита увидел осознанность в его глазах, то представил алтарь над собором Божией Матери и, взяв Ганса за руку, доставил его туда. Божья Матерь появилась сразу, после того как была прочитана молитва «Богородице Дево, радуйся». Он послал ей луч Любви и изложил просьбу. Выслушав Никиту, она надела на Ганса свой Плат, и они вместе исчезли.

Никита проспал до самого обеда. Выйдя в город, сытно пообедал колбасками с баварским пивом в ресторанчике с видом на дворец Нимфенбург – бывшей летней резиденции Вительсбахов. Этот род правил Баварией с XII века. Пиво не понравилось, а дворец и парк произвели на него впечатление своей чарующей красотой. У Вительсбахов было развито чувство прекрасного.

Никита с удовольствием осмотрел дворец, главной достопримечательностью которого являлся Каменный зал. Именно в этом зале проходили роскошные балы и официальные приемы. Рядом с Каменным залом располагалась Галерея красоты, созданная Людвигом I. В Галерее красоты были размешены портреты тридцати шести самых красивых женщин Баварии. В Галерее размещали портреты только тех женщин, которые обладали «неземной» красотой, причем сословие не играло никакой роли. Он долго всматривался в лица красавиц. Одни восхищали его, другие оставляли равнодушным. У каждого времени и мужчины свои критерии красоты.

Вскоре к нему присоединились друзья, с которыми он договорился встретиться в этом зале. Харви уже передвигался

довольно бодро. Иногда он морщился, делая неудачные шаги, но в основном на его лице сияла улыбка счастливого человека. Они обменялись инфопакетами, не приближаясь друг к другу, и выработали план совместных действий. У Харви были какие-то свои дела в Дахау…

Вечером в казино Никита познакомил Рашера с Харви, и они вдвоем взяли его под плотный контроль. Надо сказать, что десять лет в кресле прошли для Харви недаром. Физические ограничения компенсировались для него огромными успехами в магии Разума. В Харви, представившиммся историком, Рашер обрел внимательного собеседника и весь вечер рассказывал ему об обществе «Аненербе» – «Немецком обществе по изучению древней германской истории и наследия предков».

В 1928 году Герман Вирт издал книгу «Происхождение человечества», в которой утверждал, что у истоков человечества стоят две проторасы: «нордическая», являющаяся духовной расой с Севера, и пришельцы с южного континента Гондвана, охваченные низменными инстинктами, раса Юга. Он противопоставил высокодуховного человека и человека-зверя, который является не только не человеком, как обычные звери, но и античеловеком. Причиной деструктивных процессов в обществе нордической расы – гиперборейцев, согласно Вирту, явилось расовое смешение гиперборейцев с бессловесными и примитивными звероподобными существами, населяющими другой континент – Гондвану. Его идеи явились научным обоснованием для проведения нацистами так называемой расовой гигиены, в результате которой погибли миллионы людей.

К полуночи, наигравшись в карты и крепко поужинав за счет Никиты, они направились в Дахау. Харви применил свои способности, и у охраны лагеря не возникло к ним никаких вопросов. Впрочем, авторитет Рашера тоже сыграл свою роль.

Машина подкатила к одному из корпусов, где располагалась его лаборатория. Рашер вызвал ассистентов. На ночь в здании оставалась группа из восьми человек. Сотрудники отчитались о проделанной работе, показав журнал исследований. В данный момент несколько десятков человек находились в барокамере и холодильниках при разных температурах.

Никита взял под контроль выход, а Харви воздействовал на Рашера. Тот приказал прекратить эксперименты. Его сотрудники четко выполнили приказ доктора. Никита почувствовал у некоторых легкое недоумение, но привычка к дисциплине не позволила им возражать начальству.

Заключенных отвели, а некоторых перенесли в их барак,

примыкавший к лаборатории. Никита провел быструю диагностику бедолаг. Многие находились при смерти. Им он уже не мог помочь. Двадцать шесть человек были в относительном порядке. Холод пока до них не добрался. Дальше Харви по одному усыпил всю команду Рашера и трех охранников. Вместе с Никитой они перекидали их в холодильники.

Затем прошли к лабораторному комплексу, где обнаружили кабинет Рашера. В кабинете на полках хранились отчеты по экспериментам, а на столе лежала довольно толстая папка. «Германская Тибетская экспедиция Эрнста Шефера».

– Эврика! – радостно крикнул Никита.

– Рад за тебя. Я займусь своим делом, а ты нас охраняй. – Харви улегся на кожаный диван, подложив под голову пуфик.

Никита сел в кресло и стал читать отчет, быстро перелистывая страницы. В принципе, это можно было сделать и потом, но уходить было рано, пока Харви не закончит свою часть работы.

Стоимость снаряжения 65 тысяч рейхсмарок, столько же понадобилось на экспедицию. А вот это интересно! Состав экспедиции с фотографиями. Участники экспедиции постоянно позировали, пытаясь увековечить себя для истории. Эрнст Шефер – руководитель. Не он! Карт Винерт – геолог. Снова мимо. Эрнст Краузе – оператор и фотограф. Нет. Бруно Бергер – антрополог. Вот ты и попался! С фотографии на него смотрело лицо убийцы из тибетского монастыря.

Покопавшись в отчете, Никита нашел более полные данные на Бергера.

Бруно Бергер. Родился 27 апреля 1911 года, Франкфурт-на-Майне, сотрудник «Аненербе», гауптштурмфюрер СС, расолог и антрополог.

Внезапно Харви, находившийся без движения почти час, зашевелился. После того как он удобно устроился на диване и ушел в глубокую медитацию, на него обрушился сильный напор тьмы. Он чувствовал, что сопротивляться не надо. Его тело стало уплотняться и погружаться во мрак, а затем вообще растворилось во тьме. Краем сознания Харви видел как его высшее «Я» маленькой черной точкой уходило вниз и долго бродило в каких-то темных измерениях.

Вскоре в его сознании проявилась трехмерная карта Европы. Он увидел множество сооружений, которые идентифицировал как концлагеря. От них тянулись темные энерголинии к центру Германии. Харви попытался подробно рассмотреть это место. Перед ним предстал средневековый замок, выполненный в виде наконечника копья. От этого замка мощный поток темной

энергии уходил глубоко под землю, теряясь в ее толще, а может, в другом измерении. Через мгновение картинка мигнула, и он увидел, что над всей территорией Германии стоит черная пирамида, через которую в виде воронки вливается мощный поток, состоящий из информации, знаний, технологий, денежных ресурсов, оккультных наук. Центром пирамиды являлся опять же замок в виде наконечника копья.

– Достаточно. Немедленно выходи, – услышал он голос своего ангела-хранителя.

Несколько минут ему понадобилось, чтобы вернуться в свое онемевшее тело. Из носа на рубашку капала кровь.

– Надеюсь, оно того стоило, – проговорил Никита.

– Стоило, – ответил Харви, вытирая кровь платком. – А как дела у тебя?

– Гауптштурмфюрер Бруно Бергер – измеритель черепов, – передал он фотографию Харви. – Только понятия не имею, как его найти. Золотая сфера гармоничной событийности почти разрядилась. Через несколько дней мне необходимо начинать учебу в разведшколе. К этому времени я планировал завершить все дела и передать тело Белову.

– Плохая идея, – резко отреагировал Харви. – Как я понял, твое начальство из разведки рассчитывает на твои способности в области гипноза. Белова возьмут под контроль, и, скорее всего, он где-то проколется. А, как известно, НКВД, как и гестапо, излишним гуманизмом не страдает, зато отличается подозрительностью. Белов сгинет, а ты нарушишь Обязательство. Поэтому не торопись возвращаться. Или у тебя там что-то горит? – поднял он взгляд. – Работа или женщина?

– Пожалуй, нет, – задумавшись, ответил Никита.

С Сезарой в последнее время все было не просто. Они постепенно отдалялись.

– Ничего такого, что не может подождать. Просто этот мир довольно жесткий. Да и прошедшая война мне сильно не понравилась. Подсознательно я не хочу участвовать в следующей бойне.

– Что планируешь делать дальше? – спросил Харви.

– Хочу спасти этих «размороженных». Помогать так помогать, – сказал Никита, складывая папки с результатами экспериментов в свой пространственный карман.

– Всех не спасти. В Дахау их несколько тысяч.

– Спасу тех, кого мы достали из холодильников. Довезу их до Швейцарии.

– Я помогу! – решительно поднялся Харви.

– Не надо! Тебе нельзя светиться. Лучше найди мне Бергера.

– Это само собой. Давай отчет о Тибетской экспедиции. Положи наверх список ее членов, – протянул руку Харви. – Кого-нибудь зацеплю. Люди, прошедшие такие испытания, должны поддерживать связь друг с другом. А у моей фирмы есть несколько филиалов в Европе. Медицинская продукция во время войны уходит влет.

– Будем прощаться, – сказал Никита. – Не нужно, чтобы они тебя видели. Кто-нибудь попадется, и гестапо выйдет на ваш след. Обними за меня Камилу.

Они обнялись, и каждый пошел своим путем…

Никита вошел в барак и стал рассматривать магическим зрением заключенных. Почти все узники были истощены, но некоторые держались лучше остальных. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и гомосексуалисты.

Несколько человек пришли в себя и стали переговариваться, рассматривая Никиту.

– Коммунисты есть? – спросил он пожилого седовласого человека.

– Я пастор лютеранской церкви. Что вы хотите с нами сделать? – спросил он, переглянувшись со своим соседом, лысым мужчиной лет сорока.

– Я хочу помочь вам уйти отсюда. Взять всех не смогу. Только тех, кто влезет в автобус.

Никита присмотрел рядом стоянку транспортных средств. На них по утрам развозили заключенных, трудившихся в поместьях нацистских начальников и местных помещиков. Вечером их привозили обратно. Дахау был первым концлагерем, перешедшим на самоокупаемость и приносившим прибыль. При должной организации рабский труд мог быть эффективным.

– Меня зовут Вальтер Шеллинг. Я возглавляю коммунистов Баварии, – простуженным голосом сказал лысый. – Куда вы нас можете отвезти?

– Я направляюсь в Швейцарию. Могу добросить до границы. Дальше вы сами.

– Если вас не затруднит, мы хотели бы оказаться в Линдау. Оттуда мы переберемся в Швейцарию.

– Приводите в порядок своих товарищей. В кладовке я видел хлеб и воду. Потом уходим.

Через полчаса к нему подошел Шеллинг:

– Пятьдесят шесть человек могут уйти с нами. Но в один автобус они не влезут.

– Среди вас есть водители?

– Найдем, – ответил Шеллинг, посмотрев на двух заключенных, медленно жующих хлеб.

– Замечательно. Осталось найти для вас одежду. В этом, – показал он на полосатые робы, – появляться в приличном обществе нельзя. Кстати, часть одежды можно забрать у ваших мучителей.

– Что? Они живы? – возбудился один из заключенных.

– Да. Они сейчас заняли ваше место, – настороженно ответил Никита.

Часть заключенных рванули к холодильникам.

– Постарайтесь не порвать одежду и не заляпать ее кровью! – крикнул он вдогонку.

Другие заключенные объяснили ему, где находится казарма, расположение вышек и время смены караулов. Пришлось ждать два часа, пока заключенные стали годны для транспортировки. После этого Никита парализовал охрану на КПП, а его новые товарищи освободили охрану от одежды. Шеллинг просил захватить его товарищей, живущих в других бараках, но Никита наотрез отказался. Там могли оказаться стукачи. Да что там – могли. Обязательно были. Так же охрана в других частях огромного концлагеря могла забеспокоиться и сорвать побег. Поэтому, загрузившись в три автобуса, они на максимальной скорости рванули к границе.

Один раз на выезде из города им встретился полицейский пост. Никита был одет в форму офицера СС, снятую с Рашера, и поэтому их не остановили, зная, как используется труд заключенных. Возле Линдау он высадил всех у рыбацкой деревушки. Шеллинг послал человека за местным рыбаком, сочувствующим коммунистам. Через полчаса рыбак пришел. Он указал на две рыболовные шхуны, в которые бывшие заключенные с трудом загрузились. На рассвете снялись с якоря. На всякий случай, используя знания из магии Воды, Никита создал туман, который надежно укрывал их со стороны берега и с воздуха. Плетения из школы Тумана, стали ему легко даваться, поэтому до швейцарского берега они добрались без происшествий.

На шхуне он отдал все журналы с опытами над заключенными Шеллингу. У журналистов скоро появятся темы для сенсаций. И хотя активно с нацистами пока воюет только Англия и ее союзники, британские журналисты раздуют эту тему. Он помнил, что об ужасах немецких концлагерей узнали только в

конце войны.

Когда заключенный, сидевший на носу, увидел швейцарский берег, Никита по-английски, не прощаясь, «растворился в тумане», телепортировавшись на берег.

Самолет авиакомпании «Люфтганза» приземлился в аэропорту Стокгольма после обеда. Европейские приключения Никиты подходили к концу. Несколько дней после побега из Германии он приводил свое эмоциональное и ментальное тело в порядок на вилле Харви, купаясь в водах озера. В один из дней Харви передал ему инфопакет. «Гауптштурмфюрер СС Бергер находится в экспедиции, предположительно в Южной Америке. Гестапо ведет расследование побега. Мы с Камилой вне подозрений».

После этого сообщения Никита собрался домой. Пересидеть некоторое время в Школе особого назначения показалось ему хорошим вариантом. А Бергер рано или поздно вернется в Германию. Беглецы из Дахау с помощью христианских организаций смогли перебраться в США. Недавно американские газеты стали публиковать материалы об издевательствах над заключенными в Дахау. Рузвельт начал готовить общественное мнение американцев к войне с Гитлером.

Без труда пройдя через таможенный терминал, Никита купил билет на рейс до Хельсинки, куда и прибыл поздно вечером. Переночевал в гостинице, утром взял такси и направился в сторону границы. По дороге разговорился с таксистом, который сообщил, что в Мексике был убит Троцкий. Сталин поставил точку в своем долгом противостоянии с оппозицией.

Границу Никита перешел ночью и рано утром; достав из пространственного кармана мотоцикл, купленный в Женеве, достиг окрестностей Выборга. К вещам Никиты никто не притрагивался, поэтому, надев форму и щедро отблагодарив хозяйку, он отправился в Ленинград. Никита старался ни с кем не разговаривать, постепенно снова вживаясь в советскую реальность…

В отделе кадров Ленинградского пограничного округа ему вручили направление на учебу в Школу особого назначения. Подробно объяснили, как туда добраться, и еще раз напомнили о неразглашении. После отдела кадров заглянул в политотдел, где местный секретарь выдал ему карточку кандидата в члены ВКП(б), сухо прочитав речь об ответственности коммуниста перед партией. После этого делать Никите в Ленинграде стало нечего…

Утренняя Москва встретила путешественника проливным дождем, задержав на вокзале. До начала учебы оставалось

несколько дней, которые не обязательно надо проводить в стенах школы. Нащупав в кармане брюк мелочь, Никита достал записную книжку и нашел номер Петровской. Летом ее перевели в Москву. В письме, которое он получил перед отъездом с острова, она оставила свой новый адрес и телефонный номер.

Ему ответил детский голос. Никита попросил позвать Ксению Андреевну. Оказалось, что она уже уехала на работу – в аэроклуб имени Чкалова. Племянница с гордостью произнесла место работы своей тети. Особых планов у него не было, поэтому, отстояв очередь, сел в такси, которое отвезло его в Тушино, где располагался аэроклуб.

На входе его сразу пропустили на поле, не проверяя документов. Сработала форма и ордена, на которые с восхищением смотрели юноши и девушки, будущие пилоты. Никита, дождавшись, когда Петровская совершит очередную посадку, подошел к ней, вручив букет белых хризантем. Она искренне обрадовалась ему, хотя и слегка смутилась букету. Но все-таки взяла. Ее коллеги и ученики не сводили с них глаз. Может, и зря он так нагрянул, не предупредив. Впрочем, что сделано, то сделано.

Ксения представила Никиту руководителю аэроклуба и своим друзьям, объяснив обстоятельства знакомства. Начальник пожал ему руку и поблагодарил за спасение Ксении. Воспользовавшись моментом, он попросил разрешения на полет.

Сидя позади Ксении в кресле учебно-тренировочного истребителя УТИ-4, Никита наслаждался полетом. Виды летней столицы, синяя лента Москвы-реки, зеленые сады с созревшими плодами, ажурные кучевые облака, предвещавшие хорошую погоду, наполняли его энергией. Ему очень понравилось летать. Стихия Воздуха снимала с эмоционального тела накопленное напряжение, делая свободным.

После приземления он пригласил Ксению в ресторан. Потом они долго гуляли по ночной Москве. Она рассказала, как неудачно выскочила замуж за чиновника из Наркомата внешней торговли. Он сейчас работал в США. Отношения с мужем не сложились. Горячий армянский мужчина, выпив, поколачивал ее. Она ушла от него, но развода добиться не смогла. В это время развод служил препятствием для карьерного роста чиновника.

Закончилось все у нее дома. Она жила в частном доме вместе со своей сестрой и племянницей. На следующий день Ксения взяла отгул, и три дня они провели, не отрываясь друг от друга. На четвертый день, утром, наскоро попрощавшись, Никита отправился на Ленинградский вокзал, где его ждала черная эмка. По дороге прихватив еще двоих пассажиров, машина понеслись

на север Москвы. Школа особого назначения размешалась на четырех объектах: на 21-м и 25-м километрах Горьковского шоссе, в Пушкино и в районе Барвихи.

Машина высадила новых курсантов возле двухэтажной усадьбы, перед ухоженной клумбой. Дежурный по школе отвел Никиту в общежитие. Дачный поселок хитро запрятался в лесу. Захочешь, не найдешь. Скромный фасад не произвел впечатления, особенно после его вояжа по лучшим отелям Европы. Он уже настроился на спартанскую обстановку, но вынужден был присвистнуть от удивления. Дежурный улыбнулся. Видимо, не на него одного обстановка произвела впечатление. В помещениях, отведенных для проживания слушателей школы, стояла удобная красивая мебель, на стенах висели со вкусом подобранные картины, пол укрывал ковер с изысканным узором, на кроватях – отличное белье и дорогие покрывала. Все это было подготовлено для молодых людей, еще вчера работавших на заводах, в колхозах, служивших в армии. «Так вот куда пошли деньги налогоплательщиков!»

Летом 1937 года нарком внутренних дел СССР и начальник внешней разведки были приглашены для очередного доклада в Кремль. Сталин внимательно выслушал информацию Слуцкого – начальника иностранного отдела и, заканчивая беседу, поинтересовался вопросами подготовки кадров для разведки.

Ежов и Слуцкий не стали игнорировать вопрос Сталина, и через несколько дней в ЦК ВКП(б) разведкой была предоставлена записка. В ней обосновывалось предложение об организации школы особого назначения – ШОН, для подготовки разведчиков числом до тридцати человек. Бюджет школы – полтора миллиона рублей – включал расходы на устройство быта курсантов, их пансионное содержание и оплату профессорско-преподавательского состава. По тем временам это была огромная сумма. Руководители разведки, зная о дефиците госбюджета, не очень рассчитывали на полную сумму.

Заинтригованный, руководитель разведки вскрыл принесенный спецкурьером пакет из Кремля и увидел на своей записке жирную размашистую резолюцию: «Курс разведчиков надо организовывать обязательно вне Москвы. И. Сталин. 8 июля 1937 г.». Школа смогла заработать только в конце 1938 года.

Сталин, опытный конспиратор, считал важным, чтобы «бойцы невидимого фронта» были надежно засекречены и на время годичной учебы в ШОН исчезли из поля зрения и родных, и знакомых…

После обеда Никите приказали явиться к начальству.

Владимир Харитонович Шармазанашвили стал начальником школы не только из-за большого опыта разведывательной работы, знания иностранных языков и хороших организаторских способностей. Решающую роль сыграло то, что в 20-е годы он работал в Грузии, под руководством ценившего его Берии. И когда Лаврентий Павлович стал наркомом НКВД, то подготовку будущих разведчиков поручил преданному ему лично человеку.

Впрочем, выбор оказался удачным. Владимир Харитонович был общительным, всегда оптимистично настроенным и по натуре – демократ. Никите всегда импонировал такой тип личности.

Заместителем Шармазанашвили и начальником учебной части ШОН был Крупеников. Встретили они Никиту доброжелательно, усадили в кресло напротив себя. Долго расспрашивали обо всех аспектах его жизни. Интересовались политическими взглядами и интересами. Шармазанашвили держался уверенно, в отличие от Крупенникова. Не спеша, Никита вошел в сознание Крупенникова и просчитал его страхи. Оказывается, почти весь первый выпуск ШОН был репрессирован. Второй – частично. Некоторых преподавателей также арестовали. Поэтому Крупенников не был уверен в своем будущем и будущем учеников, но тем не менее честно делал свою работу, и Никита проникся к нему уважением.

– Ну, думаю, на сегодня хватит, – сказал Шармазанашвили. – С планом обучения мы определились. Николай, подытожь! – повернулся он к Крупенникову.

– Итак. Курсант Белов: кафедра «Запад», упор на английский язык. Шлифовка немецкого и французского. Специальные разведывательные предметы: радиотехника, шифровальное дело, приобретение и поддержание связи с агентурой, диверсионное дело и пилотирование. – Крупенников положил бумагу на стол, посмотрел на Никиту и сказал: – Еще считаю, что Белову нужно дать углубленный курс иностранной литературы и географии.

Руководство школы считало, что знание иностранного языка еще не гарантировало пропуска в «высшее общество». Чтобы с тобой хотели общаться, нужно самому быть интересным человеком. Поэтому курсантов обучали хорошим манерам, дипломатическому этикету, ухаживанию, прививали вкус и умение красиво и модно одеваться. Специально приглашенный модельер быстро доказал курсантам, что они безвкусно одеваются. «Кто бы спорил при тотальном дефиците». Вскоре Никита довольно сносно научился носить костюмы и смокинги, подбирать к одежде обувь, галстуки, часы и прочие аксессуары. Знал особенности ношения мужской и женской одежды в

различных странах.

Глава 17

Прошло четыре месяца.

Время, проведенное в постоянной учебе, пролетело незаметно. Курсантов обучали лучшие специалисты, которых можно было найти в стране. Языкам и манерам учили иностранцы – бывшие политические эмигранты. Разведывательные дисциплины преподавали практики – разведчики, сумевшие выжить после всех чисток. Лучшие профессора московских вузов передавали знания гуманитарных дисциплин…

Никита вместе со своими новыми товарищами слушал лекцию одного из их любимых преподавателей – Павла Анатольевича Судоплатова. Он занимал должность заместителя начальника 5-го отдела (закордонная разведка) ГУГБ НКВД СССР. Многие руководители разведки преподавали в ШОН, заодно присматриваясь к будущим сотрудникам.

Судоплатов служил в ЧК с четырнадцати лет и почти все время работал против украинских националистов. Поэтому, будучи главным экспертом в этом направлении, он вел спецдисциплину по истории украинского национализма и его связи с иностранными, в первую очередь германскими, спецслужбами. Он подробно, на примерах своей биографии, рассказывал, как уходить от слежки, где назначать свидание агентам, как вести себя на допросах.

Собственно, почти все занятия по спецдисциплинам для слушателей были интересными и запоминающимися. Никто из преподавателей не читал скучный текст по конспектам. Занятия проходили в форме оживленных бесед со слушателями. Опытный разведчик, сформулировав общее положение, подкреплял сказанное яркими примерами из практики. Вопросы слушателей приветствовались. Преподаватели доходчиво раскрывали суть и технологию разведывательных операций и воспитывали в курсантах чувство уважения к профессии разведчика. Не избалованные впечатлениями вчерашние крестьяне и рабочие, отправленные по партийному набору в органы разведки, с нескрываемым восторгом слушали рассказы о зарубежной жизни. Выполнение оперативных заданий, обнаружение слежки и уход от нее курсанты воспринимали, затаив дыхание, как волшебную сказку.

Срок обучения в ШОН был установлен в один год. Руководители и преподаватели школы честно признавали, что это очень мало. Они настойчиво внушали ученикам, что знания и

навыки, полученные в ходе занятий, являются лишь основой для работы в разведке. Эта работа требует постоянного совершенствования профессионального мастерства, выработки навыков самостоятельного принятия неординарных решений в экстремальной обстановке…

* * *

После часового перерыва, потраченного на обед, у курсантов шло занятие с Александром Абрамовичем Крейном. Крейн, известный композитор и виолончелист, знакомил курсантов с классической и современной музыкой. С его слов нельзя успешно вращаться в приличном обществе, не разбираясь в музыке. Это в определенной мере маркер свой – чужой.

Занятие разбивалось на две части. Первая – лекция о теории музыки. Сегодня она посвящалась Вагнеру. Никита, как и другие курсанты, старались дословно законспектировать, а затем выучить все сказанное Крейном. Это делалось не только для того, чтобы быть готовым к общению с меломанами для их последующей вербовки, но и позволяло легко знакомиться с девушками, чем курсанты активно пользовались.

– В прошлой лекции я уже упоминал, что Вагнер является любимым композитором Гитлера и многих немцев. Это произошло потому, что его музыка олицетворяет немецкий вал атаки, поэтому Вагнер стал кумиром нацистов. Его мрачная величественная музыка созвучна идеям реванша и культа расы и силы, которая воцарилась в немецком обществе. Монументальные оперы Вагнера: «Тристан и Изольда», «Кольцо нибелунга», «Золото Рейна», «Валькирия», «Гибель богов», «Зигфрид» – все это великолепие пафосной музыки славит космос германского мифа. Вагнер стал торжественными фанфарами Третьего рейха, покорившего в считаные годы народы Европы и шагнувшего на Восток…

Французская музыка была представлена Морисом Шевалье, Мистенгетт, Мари Дюба и, конечно, великой Эдит Пиаф. Также курсанты хорошо изучили современные тенденции в американской музыке. С подачи Никиты Крейн создал аналог игры «Угадай мелодию». Теперь курсанты, прослушав несколько аккордов, определяли мелодии Луи Армстронга, Дюка Эллингтона и умершего к тому времени Джорджа Гершвина.

Впрочем, подружился Никита с Крейном на другой почве. Азартный музыкант обнаружил у своего ученика талант скрипача. После нескольких десятков уроков Никита стал сносно играть и

даже сочинять музыку. Естественно, не свою. Он просто вспоминал великолепные музыкальные шедевры, услышанные в Агарте. Крейн пришел от них в восторг. Некоторые мелодии Крейн и Никита сумели переложить на ноты…

Никиту решили двигать на немецкое направление, как и большинство курсантов. Руководством разведки гитлеровская Германия была признана главным противником. Никита стал работать в составе следственной группы и практиковался в тюрьме. Он вводил подследственного в гипноз, а другие сотрудники вели допрос. Его не сразу допустили к допросам. Сначала с ним занимались профессора медицинского института, ведущие специалисты по гипнозу.

Первым успехом стало разоблачение английского шпиона. Тот работал в Наркомате внешней торговли и был завербован десять лет назад, когда служил в торгпредстве в Лондоне. Его вина была полностью доказана. После этого случая Никите предложили работать в контрразведке после окончания школы.

Также удалось доказать невиновность двух командиров, осужденных тремя годами ранее, которые не признали свою вину. Их оправдали, а на доносчиков завели дело. Третий – командир полка – не был польским шпионом, как было написано в его деле, но оказалось, что он вместе с начальником полкового склада продавал на сторону сапоги и продукты, а деньги тратил на любовницу – красивую полячку. Дело было переквалифицировано.

Никите нравилась эта работа. Она напоминала ему службу в природоохранной прокуратуре. Профессия следователя имела определенную притягательность. Особенно для тех, кто любил решать головоломки и устанавливать справедливость. Вот только любые действия имели последствия. Одним из них явилось то, что следователя, который сфабриковал дело, – судили. Это не сделало Никиту популярным в среде следователей. Они могли друг друга недолюбливать, но корпоративную солидарность никто не отменял.

Недавно Фитин, руководитель внешней разведки, вынес Никите благодарность за эту работу и спросил, не хочет ли он перейти в контрразведывательный отдел. Категорический отказ полностью удовлетворил Фитина. Атмосфера во всем известном здании на площади Дзержинского Никите сильно не нравилась. У него было стойкое желание держаться от этого места подальше.

На следующий день, рано утром, за Никитой заехал автомобиль ГАЗ 11–73 известный в народе как черный воронок, и вскоре он оказался в Лефортовской тюрьме, которая

использовалась НКВД для проведения допросов.

Начальник немецкого направления разведки Павел Журавлев и Лев Шейнин, возглавлявший Следственный отдел Прокуратуры СССР, ждали его в большом кабинете. Они, не спеша, ели бутерброды с сыром и колбасой, о чем-то оживленно переговариваясь. В стаканах, вставленных в мельхиоровые подстаканники, был горячий чай.

Шейнин в 20-х годах, до того как стать следователем, работал в лаборатории Лурии. Лурию интересовали все загадки, связанные с мозгом. Также он задолго до американцев разрабатывал устройство с названием «детектор лжи». Шейнин, став большим начальником, не растерял страсти к новым методам выяснения истины и с удовольствием принимал участие в работе группы, связанной с гипнозом, даже несмотря на свою занятость.

– Угощайся, Волгин, – махнул рукой на бутерброды Шейнин после того, как они поздоровались. – Подкрепись. Сегодня у нас особенный клиент – целый граф.

Через десять минут привели арестованного и посадили на стул. Охранник снял с него наручники и вышел. Осужденный по фамилии Быстролетов был красавцем-брюнетом лет сорока. Даже несмотря на изможденный вид в нем чувствовалась порода.

– Руководством решено пересмотреть ваше дело, – проговорил Журавлев, поправляя круглые очки на усталом лице. – Для этого вы должны сотрудничать.

– Я готов на все, чтобы доказать, что являюсь верным сыном партии и нашего советского государства, – быстро заговорил Быстролетов.

– Сейчас наш сотрудник введет вас в гипнотическое состояние, находясь в котором вы искренне ответите на наши вопросы, – резко сказал Шейнин. – Можно! – перевел он взгляд на Никиту, у которого ушло десять минут, чтобы ввести в транс клиента. Он мог и быстрее, но зачем пугать людей своими способностями.

– Фамилия? Имя? Отчество? – Журавлев макнул перо в чернильницу и приготовился записывать ответы.

– Быстролетов Дмитрий Александрович.

– Имя отца? – резко спросил Шейнин.

– Граф Александр Николаевич Толстой, – спокойно ответил Быстролетов.

– Когда и где был завербован Артузовым?

– С начальником Контрразведывательного отдела ОГПУ Артузовым я познакомился в 1925 году, на конспиративной квартире в Москве.

– С какого года состоял в контрреволюционной заговорщицкой организации внутри НКВД? – внимательно посмотрел Журавлев, на сидевшего как сомнамбула Быстролетова…

Три часа они допрашивали Быстролетова, но доказать его причастность к шпионажу и террористическим актам, в которых он обвинялся, не смогли. Его вина заключалась в том, что он сотрудничал с Артузовым, и том, что после пыток оговорил себя. Причем на суде он отказался от своих показаний, но было поздно. Его ждал Норильлаг. Племянника известного писателя Алексея Толстого смог выдернуть из района вечной мерзлоты Фитин. Быстролетов владел двадцатью двумя языками и был мастером перевоплощений, а также лучшим вербовщиком советской разведки. Почти все женщины млели от его внешности и безукоризненных манер. Такие люди в данный момент были в большом дефиците, потому что, как выяснил Никита в школе, в 1937–1939 годах две трети разведчиков были расстреляны или гнили в лагерях с клеймом «враг народа». Сейчас политика медленно менялась, и некоторых специалистов стали снова привлекать к работе.

Когда Никита вывел Быстролетова из гипноза, почувствовал сильный голод. После таких длинных сеансов он ощущал себя полностью выжатым. Энергия страданий этой тюрьмы превышала все разумные пределы, исключая Дахау.

После Нового года Павел Журавлев включил Никиту в свою особую группу, предварительно проверив в деле его способности. Журавлев и его заместитель Зоя Рыбкина, завели литерное дело под кодовым названием «Затея», в котором сосредотачивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. Это была первая попытка разведки создать аналитический отдел. Сотрудники группы собирали материалы по возрастающей агрессивности германской политики. Главной задачей «Затеи» стало определение даты начала войны. Информация из этого литерного дела регулярно ложилась на стол Сталину и Молотову.

Именно к Рыбкиной стекались данные от «Красной капеллы» – группы антифашистов, действовавших в Германии и Европе. Она же анализировала материалы, полученные от Вилли Лемана, который занимал руководящий пост в гестапо.

С самого начала работы группа столкнулась с сильным противодействием. В конце 1938 года наркомом НКВД стал Лаврентий Берия. С собой из Грузии он привел кавказский клан – группу сотрудников, с которыми работал много лет в Закавказье.

В считаные месяцы, уничтожив людей Ежова, кавказцы заняли ключевые должности в центральном аппарате НКВД, а также возглавили некоторые республиканские и областные управления. Кроме личной преданности наркому у большинства из них не было особых достоинств. Плохо образованные, безмерно наглые выдвиженцы быстро проваливали порученные дела, но, как правило, их не наказывали, а переводили на другую работу, где они могли нанести меньше вреда стране. К сожалению для государства, они стали влезать в дела разведки.

В 1940 году освободились места посла и резидента в Германии. Послом, по протекции Берии, стал Владимир Деканозов, настоящая фамилия которого была Деканозишвили. Ранее он занимал должность заместителя начальника ГУГБ НКВД СССР и являлся одним из главных организаторов репрессий в РККА и органах внутренних дел. Резидентом советской разведки в Берлине назначили Амаяка Захаровича Кобулова – получившего псевдоним Захар, все достоинство которого заключалось в том, что его старшим братом был Богдан Кобулов, заместитель Берии, с которым он любил отдыхать.

Фитин и начальник немецкого отдела Павел Журавлев перед отправкой Кобулова в Берлин провели с ним беседу. Они с трудом смогли сдержать себя. Кобулов, окончивший пять классов Тифлисской торговой школы и впоследствии не получивший никакого систематического образования, вел себя с ними откровенно вызывающе, постоянно намекая на покровительство Берии. Впрочем, делать было нечего, с Берией не поспоришь. Кобулов возглавил резидентуру в Берлине, заняв пост 1-го советника полпредства СССР в Германии. Немецкая разведка быстро установила его истинную должность и подослала к нему несколько дезинформаторов…

План «Барбаросса», составленный под руководством фон Паулюса, состоял из двух частей. Первая часть – сами действия по разгрому Красной армии и завоеванию СССР. Вторую часть составляли дезинформационные мероприятия, которые должны были обмануть русских. В плане особо отмечалось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны».

Не успев приехать, Кобулов, засучив рукава, принялся за дела. Неразборчивость в установлении связей и повышенная болтливость привлекла к нему внимание начальника отделения гестапо штандартенфюрера СС Ликуса, который дал указание начать его разработку. В августе 1940 года Кобулову был подставлен агент германской разведки – латыш Орест Берлинкс, который усиленно снабжал его дезинформацией. Кобулов

завербовал его, присвоив оперативный псевдоним Лицеист.

Руководство разведки почувствовало подвох. Информация из Берлина шла «наверх» напрямую, минуя опытных аналитиков и специалистов. Сталин, находясь под влиянием дезинформации о неизбежности высадки немецкого десанта на Британские острова, благосклонно воспринимал сведения Лицеиста. Ему очень хотелось, чтобы в 1941 году не было войны. Деканозов и Кобулов от Берии знали об этом и подавали информацию, которая подтверждала точку зрения Сталина. Фитин и Судоплатов дали приказ проверить биографию Берлинкса, подключив Вилли Лемана.

Латышские друзья Москвы проверили каждый факт биографии Лицеиста. Они выяснили, что Берлинкс совсем не «просоветски настроенная личность». Его часто встречали в кругу немецких поселенцев в Латвии, а все его самые близкие друзья были без ума от успехов «великого фюрера».

В берлинскую резидентуру ушла телеграмма с грифом «вне очереди»: «Мы получили сведения, что Лицеист якобы настроен антисоветски. Будучи в Латвии, старался распространять там идеи национал-социализма. Сведения получены нами от заслуживающего доверия источника. Вам следует иметь их в виду при взаимоотношениях с Лицеистом».

Также протеже Берии порекомендовали «глубже вникать» в суть происходящих в Германии событий и даже деликатно советовали «учиться искусству» политического анализа и прогнозирования событий. Летом 1940 года Фитин вызвал Кобулова в Москву для беседы, но все было тщетно. Он был непробиваем, а его вера в «покровительство Берии» – безгранична. После этого разговора он написал донос на Фитина. Берия лично написал письмо начальнику внешней разведки:

«Я слышал, что руководство разведки недовольно работой Захара и на него просто махнули рукой. Быть может, этой болтовне и не надо придавать значение, но, когда речь идет об ответственных товарищах, с которыми я лично поддерживаю деловой контакт, подобные коридорные разговоры не должны иметь место. Прошу принять меры, чтобы положить конец впредь подобным сплетням».

После этого Фитин и Журавлев действительно махнули на Кобулова рукой, прислав к нему заместителем опытного разведчика Короткова, на которого замкнули всю ценную агентуру.

А тем временем отношения Кобулова и Лицеиста становились более доверительными. В приступе собственной важности Кобулов рассказал Лицеисту, что все доклады он лично

направляет Сталину и Молотову. Поэтому Гитлер рассматривал Кобулова в качестве канала для передачи дезинформации Сталину и лично занимался вопросами и материалами, предназначавшимися для передачи Кобулову. Практика была такой: Риббентроп готовил эти материалы, затем докладывал их Гитлеру и только с его санкции материалы передавались Лицеисту, который и доставлял их Кобулову. Гитлер через Берлинкса пытался убедить Сталина, что летом 1941 года он будет проводить операцию «Морской лев». Смысл операции состоял в том, что германские войска должны форсировать Ла-Манш, высадиться между Дувром и Портсмутом в составе сорока дивизий, а затем наступать, с целью отрезать Лондон от остальной части Англии. Фронт предполагалось растянуть от Фолкстона до Богнора. Карты операции и планы, которые передавал Берлинкс, были очень убедительны и незамедлительно оказывались на столе у Сталина.

В начале 1941 года в Москве произошли большие перемены. Сталин решил разукрупнить НКВД, к тому времени превратившееся в гигантского монстра. 3 февраля НКВД разделили на два наркомата. В НКГБ, который возглавил Всеволод Меркулов, вошли разведка и контрразведка, секретно-политическое управление, следственная часть. Берии остались милиция, пожарные, пограничники и ГУЛАГ. Вот только Лаврентий Павлович подстраховался и назначил заместителем Меркулова своего самого доверенного человека – Богдана Кобулова. Он же курировал разведку. Богдан Кобулов, получая шифровки от брата, давал им ход, докладывая Сталину и Берии через голову Меркулова и Фитина.

В апреле разведка получила сведения от Вилли Лемана о том, что Лицеист работает на Германию и поставляет советской разведке дезинформацию. Богдан Кобулов, выгораживая брата, поставил под сомнения сведения Лемана.

А в это время Леман давал особо ценную информацию. Среди материалов, добытых им, было большое число документов, свидетельствующих о том, что Германия начала подготовку к войне против СССР. Он передал много документов о позиционных районах строительства укреплений вдоль границы с СССР, о действиях абвера на советском направлении, сведения о контингенте и деятельности школ по подготовке разведчиков для заброса в СССР. 5 апреля 1941 года Леман сообщил о намеченном вторжении войск Германии в Югославию.

Это были сведения чрезвычайной важности. Чтобы реабилитировать Лемана, собралась группа в составе Зарубина, Рыбкиной и Волгина. Опытнейший разведчик Василий Зарубин в

свое время был оператором Вилли Лемана, работая с ним в Берлине.

После возвращения из-за границы его и группу других разведчиков Берия обвинил в сотрудничестве с гестапо. Формально так и было, в Германии Зарубин сотрудничал с Леманом, который был кадровым сотрудником гестапо. Впрочем, репрессии обошли Зарубина стороной.

Группа стала работать с польским шпионом по фамилии Сосновский. Несмотря на то что его психологически сломали и он с трудом поддавался гипнозу, работать с ним было интересно. Никита много узнал о работе польских и немецких спецслужб. Сосновский считался одним из лучших разведчиков Второго разведотдела польского генерального штаба, которого Красная армия выпустила из польской тюрьмы. Контрразведчики выяснили его биографию и перевезли в Москву.

У него была типичная внешность разведчика-вербовщика. Высокий рост, спортивное телосложение, аристократическая внешность, безупречные светские манеры. Все это сочетание на женщин действовало безотказно. Сосновский много лет жил и работал в Берлине. Великосветский образ жизни позволил ему быть принятым в аристократическом обществе Германии. Он жил на широкую ногу, устраивал шикарные приемы. В самом Берлине и окрестностях столицы у него имелось нескольких вилл, три автомобиля, собственная конюшня.

Самым главным его достоянием была агентура, приобретенная им во многих ведомствах Германии. Шифровальщик Генштаба, машинистка из личной канцелярии Розенберга, свои люди в Главном управлении имперской безопасности – РСХА, в абвере. Его любовницами были жены крупных чиновников. Вообще его агентура за редким исключением состояла из женщин.

Разгульный образ жизни не вписывался в германский климат военного времени. Сосновский стал сильно выделяться на общем фоне. Его делом занялся лично Гиммлер, устроив «медовую ловушку». Четвертое управление имперской безопасности и лично начальник гестапо Генрих Мюллер разработали план разоблачения всех завербованных агентов. В один, совсем не прекрасный для Сосновского, день во время очередного бала работники гестапо окружили виллу и заключили его в тюрьму.

После небольшой подготовки его в наручниках и кандалах привели в тюремный двор, где он увидел всех своих агентов, в одинаковых наручниках и кандалах. Не было среди них только тех, кого подставило ему ведомство Мюллера. На глазах Сосновского его агентам-любовницам тут же на тюремном дворе

отрубали голову. Их кровь летела на его руки и лицо. Обезумевший Сосновский поседел за несколько минут. Сломленного польского агента за несколько допросов полностью «выдоили», а потом обменяли на двух крупных агентов абвера, пойманных польской контрразведкой. На родине его встретили отнюдь не ковровой дорожкой, усыпанной цветами. Обвинив в гибели ценнейшей агентуры, его бросили в тюрьму.

В принципе никакой ценной информацией он уже не владел. Впрочем, откровенничать с русскими он тоже не хотел. Все время повторял: «Мой долг польского патриота не позволяет мне…» Вот только он не знал, что его делом занимался Вилли Леман, который ведал наружным наблюдением и разработкой связей Сосновского. Все, скрупулезно собранные материалы о Сосновском, он передал Короткову, а тот оперативно переслал материалы в Центр.

Родился красивый сценарий. Никита и Рыбкина задавали Сосновскому вопросы, а комиссар Зарубин комментировал его ответы, уличая в неправде…

– Скажите, как вам удалось завербовать жену чиновника министерства иностранных дел и заставить ее фотографировать секретные документы мужа для вас? – спросил Никита.

– Прошу прощения, но я этого не помню.

– Могу вам напомнить, – проговорил Зарубин. – Вы дали объявление в газету: молодой, обаятельный, эрудированный иностранец желает познакомиться с дамой, владеющей основными европейскими языками, с целью приятного времяпрепровождения. Вы предложили встретиться с ней, для чего использовали «линкольн», который стоял в боксе у Вайсензее.

У Сосновского округлились глаза.

– Да, все это было так.

– Вы встречались с этой дамой, – продолжал комиссар Зарубин, – на специально арендованной для этой цели вилле на Принцальбертштрассе.

Сосновский стал терять самообладание. Он вытащил из-за пазухи конец вафельного полотенца и вытер взмокшее лицо. Вопросы шли непрерываемой очередью. Зарубин каждый раз уточнял и неправильно названный адрес, и грандиозные счета в ресторанах, и оплаты массажистов, и даже клички лошадей.

Сосновский перестал смахивать пот мокрым полотенцем. Он смахивал его ладонями. Затем встал, поклонился и сказал:

– Я восхищаюсь искусством советской разведки. Вы знаете обо мне больше, чем я сам, и я готов мобилизовать свою память и ответить на все, что вас интересует.

После этого он долго рассказывал все о полученной им информации в отношении планов Гитлера. У руководства разведки появилась ясность, как Гиммлер подбрасывал дезинформацию, которая должна была создать впечатление, будто у Германии нет никаких планов в отношении Востока, в том числе и Польши. Что все ее помыслы обращены только на Запад – на Францию и Англию. После допроса Сосновского доверие к Леману было полностью восстановлено. В Югославию ушли документы с планами Гитлера о захвате этой страны.

Глава 18

В мае 1941 года подготовка к нападению на Советский Союз входила в решающую фазу. Желая предотвратить слухи о готовящемся нападении на СССР, специалисты по дезинформации из абвера решили прислать в Москву не политическую делегацию, а группу солистов балета Берлинской оперы. Гастроли прошли успешно.

В этот день к Никите, который только что сдал экзамен по шифровальному делу и хотел отправиться в столовую, подошел капитан НКВД Кашин, которого он знал по работе, и приказал следовать за ним. На автомобиле они доехали до Лубянки. Поднялись на второй этаж и дошли до кабинета, на двери которого висела табличка: начальник Второго управления НКГБ Федотов П.В.

– Ожидай здесь, – сказал капитан.

«Интересно, что начальнику контрразведки от меня нужно?» – подумал Никита.

О Федотове ходила неоднозначная слава. И лучше от него было держаться подальше. Вскоре капитан вернулся в сопровождении майора Зои Рыбкиной и скрылся в кабинете.

– Здравия желаю, товарищ майор! – поздоровался Никита с Зоей.

– А, Белов! – сказала она, о чем-то задумавшись.

В это время из дверей вышел капитан и громогласно произнес:

– Входите.

– Здравствуйте, товарищи, – проговорил Федотов. – Сегодня в честь отъезда солистов балета Берлинской оперы состоится прием в посольстве Германии с приглашением ведущих танцовщиц Большого театра, деятелей культуры и представителей Всесоюзного общества связей с заграницей – ВОКСа. Я предлагаю вам присутствовать на вечернем приеме. Мне сообщили, что вы, – он посмотрел в блокнот, – Зоя Ивановна, опытный оперативный работник, прекрасно владеете немецким языком. Нужно реально оценить обстановку на территории иностранной державы, которая угрожает нашей стране. Старший лейтенант Белов будет вам помогать. – Закончив говорить, он уставился тяжелым взглядом на Рыбкину.

– Товарищ комиссар третьего ранга. Сразу хочу сказать, что это задание не предвещает ничего хорошего. Меня могут узнать немецкие дипломаты, которым я известна под другой фамилией. Уверена, что в посольстве будут присутствовать агенты абвера. В

будущем мне и Белову, возможно, придется выезжать в Третий рейх. А если нелегально? Да и мчаться на прием надо немедленно. А одеться, получить пригласительные, обговорить детали?

Федотов нахмурился, а затем резко произнес:

– Отступать поздно. Мне вас некем заменить. Платье нужного размера найдем. Из ВОКСа уже успели сообщить в германское посольство, что вместо заболевшей сотрудницы на приеме будет наша переводчица Ярцева и переводчик-стажер. Точно установлено, что военный атташе – агент абвера.

Вечером машина, принадлежащая ВОКСу, подъехала к посольству Германии. Первым ее покинул Никита, который помог выйти красивой женщине в бархатном платье со шлейфом. Она сразу притянула взгляды охранников. Впрочем, их взгляды быстро переключились на другие автомобили с артистами Большого театра. Среди них Никита узнал Семенову и Тихомирову. Курсантов несколько раз водили в Большой театр, и он хорошо запомнил этих прим-балерин, по которым сходила с ума вся театральная публика столицы.

Пропустив женщин вперед, Никита прошел в здание и первым делом направился к еде, выставленной на столах. Сегодня он не смог пообедать, и у него сосало под ложечкой. Еда оказалась невкусной. Сразу чувствовалось, что повар готовил без души, на скорую руку. Впрочем, так же небрежно был подготовлен весь прием. Но самое неприятное было в том, что из подвала особняка шло мощное излучение инфернальной энергии.

«Они там что, в жертву кого-то приносят?» – удивленно подумал Никита.

Немцы захотели создать впечатление общения представителей культуры двух стран, чтобы показать, в первую очередь Сталину, что все в порядке. Договор о ненападении в силе.

Рыбкина, следуя легенде, стала переводить официальные речи и тосты, а Никита переводил разговоры Семеновой и Тихомировой с немецкими солистами.

Грянул вальс, и Никиту пригласила на танец немецкая балерина. За время обучения в школе он сносно научился танцевать. По крайней мере, не боялся оттоптать хрупкой на вид балерине ноги и даже одновременно мог воспринимать ее разговоры о том, как ей понравилось выступать в СССР и какие русские замечательные люди…

После того как Рыбкина перевела очередной тост о вечной дружбе между Германией и СССР, к ней подошел посол – Вернер

фон дер Шуленбург, который шесть лет работал в Москве и симпатизировал СССР. Их разговор, нагло нарушая этикет, все время перебивал военный атташе. Посол недовольно морщился, он недолюбливал абвер, считая, что эта спецслужба делает все, чтобы развязать войну с Россией. Сам Шуленбург, рискуя карьерой и идя против собственного министерства иностранных дел, убеждал Гитлера не начинать военных действий против СССР. Для убедительности своих докладов он даже завышал военный потенциал Москвы. Несколько раз, беседуя со своим коллегой, послом СССР в Берлине Деканозовым, он предупреждал о грядущем нападении Гитлера, не называя точной даты.

Когда кто-то поставил пластинку с вальсом, сам Шуленбург пригласил красавицу-переводчицу на танец. Рыбкина с радостью согласилась. На нее напало какое-то смешливое настроение. Посол был внимателен, безукоризненно вежлив, но не смог скрыть своего удрученного состояния.

– Не кажется ли вам забавным, господин посол, – спросила Рыбкина, что мы танцуем с вами в балетной труппе Большого театра?

– Действительно, забавно, – усмехнулся Шуленбург. – Такое, к сожалению, случается лишь раз в жизни, а я к этому не готов.

– Вы не любите танцевать? – спросила она с наивностью в голосе.

– Признаться, не люблю, но вынужден, вынужден…

И вдруг она почувствовала какой-то иной смысл в его словах, высказанных с горечью. Танцуя, они перемещались по анфиладе комнат, и Рыбкина отметила в своей памяти, что на стенах остались светлые квадраты от снятых картин. Где-то в конце анфилады, как раз напротив открытой двери, возвышалась груда чемоданов.

Когда смолкли последние аккорды вальса, Рыбкина подошла к Никите и сказала:

– Слушай внимательно Белов! Нужно, чтобы ты применил свои способности. Посол показал мне пустые стены без картин и груды чемоданов. Найди его секретаршу и выясни у нее, что это значит.

Никита осмотрел зал и нашел раскрасневшуюся после танца секретаршу Амалию, которая наливала в стакан минеральную воду.

– Амалия! Вы не могли бы помочь мне прояснить такой вопрос? – проговорил Никита, взяв ее за руку.

После небольшого гипноза она рассказала, что из Берлина пришел приказ – возвратить в Германию членов немецкого посольства, кроме необходимого технического персонала. Всю

документацию, которую невозможно вывезти – уничтожить.

Во время разговора они бродили по посольству. Когда подошли к двери в подвальное помещение, им преградили путь двое охранников.

– Здесь нельзя ходить, – строго произнес один из них.

– А что там? – спросил Никита, когда они отошли от двери.

– Не знаю, – ответила Амалия. – Вместе с балетной труппой приехали какие-то люди с военной выправкой и занесли туда оборудование. Нам строго запретили входить в эти комнаты.

– Понятно. – Никите очень захотелось туда попасть. – Скажите, Амалия, а где находится уборная? Моему желудку не понравилась ваша пища.

– Пойдемте, – засмеялась она. – Еда сегодня действительно плохая.

Закрывшись в кабинке, Никита вышел из тела и попытался проникнуть в помещение. Оно охранялось не только снаружи. Помещение было защищено магически. Пришлось его взламывать, потратив много сил. В центре большой комнаты стоял большой черный куб, от которого шли провода к трем капсулам, в которых лежали люди. На их головах были одеты странные шлемы. Когда он попытался рассмотреть капсулы, его атаковали. Удар был такой силы, что Никита на время потерял сознание.

После того как очнулся в своем теле, сразу посмотрел на часы. Прошло семь минут, как он отключился. У него из носа капала кровь на рубашку. Быстро затерев ее, он вышел в зал. В это время к Рыбкиной, как клещ, прицепился атташе:

– А в каком отделе общества культурных связей вы работаете? По какому направлению? Какие планы ближайших командировок?

Когда появился Никита, Рыбкина облегченно выдохнула. Атташе успел по каким-то каналам проверить, что гостья не та, за которую себя выдает, сообщив ей об этом. В этот момент он был очень горд собой.

– Да пошел ты! Отстань от меня! – оборвала она его на полуфразе, решив закончить этот бесполезный прием.

– Что? – У атташе вытянулось лицо.

Ей на помощь пришла решительная Мария Семенова. Усталая после спектакля, да еще и бесполезного приема, недовольная едой, прима-балерина со словами «пора и честь знать» первой покинула посольство. За ней ринулись остальные. На машине ВОКСа уехали и Рыбкина с Никитой. Охрана у дверей руководителя контрразведки беспрепятственно пропустила их к Федотову. В течение часа они докладывали ему о снятых

картинах, собранных чемоданах и всем прочем, подтверждающем скорый отъезд посольства.

Быстро собравшись, Федотов отправился в Кремль, предварительно созвонившись с Поскребышевым.

– Что там у вас стряслось, товарищ Федотов, что вы приехали ко мне среди ночи? – устало проговорил Сталин. Последние несколько дней он не высыпался.

– Немцы эвакуируют свое посольство, – взволнованно ответил Федотов. – Вот рапорт майора Рыбкиной.

Сталин взял папку, сел в кресло и стал внимательно вчитываться в текст. После чего посмотрел на своего главного контрразведчика и сказал:

– Хорошая инсценировка спектакля. Задействовано много актеров и декораций. Вот только все это лишь хитрый ход со стороны Гитлера. Он хочет, чтобы я пошел на новые уступки Германии.

– А как объяснить поведение посла Шуленбурга? – озадаченно спросил Федотов. – Все его действия подозрительны.

– Граф Шуленбург представляет группировку немецких промышленников и ведет свою игру. К войне с нами Гитлер не готов. Впрочем, я не исключаю крупную провокацию. Нужно определить, где и когда она произойдет. А теперь идите и работайте лучше, товарищ Федотов.

Посещение немецкого посольства имело еще одно последствие. Перед сдачей последнего экзамена курсанты получили увольнительные. Никита накануне вечером сумел дозвониться до Петровской, и утром они отправились гулять в Сокольники. Погода стояла благостная, и почти весь день удалось провести на воздухе. Завершили день в ресторане.

Посадив Ксению в такси, Никита направился к метро. От хорошо проведенного дня и выпитого коньяка у него немного шумела голова. Возле подворотни в старый дом его окликнула красивая девушка, с большой русой косой. В руках она держала котенка, который тихонько мурлыкал.

– Молодой человек! Вы не могли бы помочь? – сказала она нежным голосом. Рядом с ней стоял коричневый чемодан, перетянутый ремнем и большая корзина. – Меня Люся зовут. Я поступать приехала, – захлопала большими ресницами красавица, – а таксист не захотел помочь. Говорит, что он не грузчик.

Никита подхватил чемодан и корзинку и пошел за девушкой, непроизвольно таращась на ее длинные ноги. Удар по затылку он пропустил. Появившийся откуда-то сбоку мужчина прижал ему

платок к лицу. Знакомо запахло хлороформом. То, как его запихнули в машину, а потом куда-то долго везли, он помнил смутно. Окончательно очнулся уже в подвале частного дома на деревянном топчане. За маленьким окошком начинало постепенно светлеть. Затем проснулся петух, и загавкала собака. Судя по количеству деревьев, дом располагался возле леса.

Руки и ноги были тщательно связаны веревками. Наверху кто-то ходил, половицы издавали тихий скрип.

«Кусок идиота! – вяло обругал себя Никита. – Попался в классическую «медовую ловушку» и даже опасности не почувствовал. Сколько раз на занятиях нам ее разбирали».

Далее он провел самодиагностику. Состояние здоровья было не плохим. Можно сказать, его вырубили нежно. Видимо, не хотели калечить. А вот магических сил осталось мало. После удара по голове и отравлением хлороформом что-то нарушилось в организме. В принципе, он мог телепортироваться прямо сейчас. Только не далеко, метров на двадцать. Оказаться в лесу со связанными руками и ногами плохая перспектива. Нужно было выиграть несколько часов и первым делом провести разведку.

Дверь открылась, и в подвал спустился мужчина, с густой черной бородой. В руках у него была керосиновая лампа.

– Что, студент, уже оклемался? – Мужчина взял Никиту за подбородок и приставил лампу к глазам. Его ладони были в наколках, а изо рта пахло самогоном и чесноком.

«Уголовник, – понял Никита. – Уже лучше. Если сразу не убили, значит, я им нужен. Хотя оставалась еще версия, что это проверка».

Бородач проверил веревки и вышел. Лампу он оставил на табурете. Через пять минут появился другой человек. Ему было лет тридцать, и одет он был в хороший охотничий костюм.

– Догадываешься, зачем ты здесь оказался? – спросил мужчина. Говорил по-русски он хорошо, но чувствовался прибалтийский акцент, характерный для эстонцев.

– Кто вы? – Никита попробовал воздействовать на него.

– Это не важно! – поморщился тот. У эстонца определенно стояла защита от внушения. – Главное в том, что если ты будешь сотрудничать, то останешься жить, – начал он вербовку.

– Не убивайте! – сделал плаксивый голос Никита. – Я отвечу на все ваши вопросы.

– Хорошо. – Эстонец остался довольным первым впечатлением от пленного. Он достал из кармана студенческий билет, который Никите выдали контрразведчики, перед тем как послать в немецкое посольство. – Волгин Никита Иванович – студент пятого курса филологического факультета МГУ.

– Да, я студент, – быстро проговорил Никита. – И мне срочно надо попасть на экзамен.

– А скажи мне, студент Волгин, почему ты всю последнюю неделю провел в Барвихе, где, по нашим данным, находится школа НКВД?

«Интересно, как они меня вычислили? Где произошла утечка?» – замелькали мысли у Никиты.

– Я там подрабатываю помощником преподавателя. Иногда меня используют в качестве переводчика.

– Смотри, если соврал. Скоро приедет человек, которому ты должен будешь ответить на все вопросы о преподавателях и курсантах школы. У тебя есть просьбы?

– Есть! Мне нужно в сортир. Мочевой пузырь скоро лопнет. – Никита снова попробовал взять под контроль эстонца. «Придется повозиться. Крепкий орешек».

– Ладно, – поморщился тот. – Только не делай глупостей.

Через десять минут в подвал спустились двое. Бородач присел на лестницу, направив пистолет на Никиту, у второго в руках было ведро.

– Делай свои дела, – сказал второй сиплым голосом, аккуратно развязывая веревки.

Никита не спеша облегчился, пытаясь воздействовать на уголовников. Сиплый подавался внушению легче, но, чтобы обработать его, требовалось время и энергия. В принципе, можно было достать из пространственного кармана пистолет и перестрелять их, но теперь Никите нужен был главный.

– Я хочу есть! – сказал он, позволяя себя связать, слегка воздействуя на сиплого, из-за чего тот не до конца затянул веревки на руках.

– Здесь не ресторан. Для тебя специально никто готовить не будет, – окрысился сиплый, забирая ведро. Дверь закрылась на замок и в подвале снова воцарилась тишина.

В течение пяти минут Никита развязался и стал разминать мышцы. Вскоре он вышел из тела и произвел разведку. Сначала в доме находилось четыре человека, а затем двое уехало на машине. Дом находился в семистах метрах от небольшой деревни, до которой не дошло электричество. Повсюду, на много километров, ее окружал смешанный лес.

Через час дверь открылась, и по лестнице спустились те же уголовники. «Лучшей возможности может и не представиться», – решил действовать Никита. Когда сиплый поставил поднос на табурет, он направил на них сильный импульс. Сиплый мешком рухнул на землю, а бородач, севший на лестницу, кувырком полетел вниз. Упал неудачно, свернув себе шею. По крайней

мере, пульс у него исчез.

Никита забрал оружие у обоих и положил сиплого на топчан, предварительно связав. Затем осторожно разбудил его и пять минут потратил на внушение. Вскоре информация полилась рекой.

Оказалось, что банда Креста работает на немецкую разведку уже больше года. Недавно немецкий резидент привел Рауля. Так они называли эстонца. У него была способность – по фотографии определять, где находится человек. Так они обнаружили Никиту. Дождались, когда он отправится в город, и с помощью мошенницы, с которой давно работали, захватили его. Оказалось, что Никита у них не первый. Они удачно похитили уже больше десятка человек, таким образом доставая документы, деньги и оружие.

Никита выбрался из подвала и нашел на столе большой комнаты свои фотографии, на которых он был изображен вместе с Рыбкиной и Семеновой. Рядом лежал студенческий билет. Эти фотографии были сделаны в немецком посольстве. Значит, у абвера появились к нему вопросы. Скорее всего, после того, как он вломился в астральном теле в подвальное помещение посольства. Определенно там происходило что-то важное.

«Что же делать? До ближайшей железнодорожной станции двенадцать километров. Даже если удастся вызвать опергруппу, она будет добираться сюда несколько часов. А резидент с Раулем и Крестом приедут предположительно часа через три, максимум четыре. Значит, остается принять бой против трех человек – двое из которых подготовленные агенты, а один удачливый и жестокий главарь банды.

Никита вышел из дома и в течение трех минут устанавливал связь с овчаркой. Внушение, ласка и кусок мяса, найденный на кухне, сделали их если не друзьями, то хорошими приятелями. Затем достал пистолет и две гранаты, которые хранил в пространственном кармане. После плотного обеда вышел в сад. Облокотившись на яблоню, стал восстанавливать энергию. Когда вдалеке раздался рев мотора, Никита был в форме.

Машина остановилась перед открытыми воротами. И стала сигналить.

«Видно, что-то их насторожило», – подумал Никита, наблюдая из окна.

К дому медленно приближался водитель, судя по всему, это был главарь банды. В руках он держал наган. К нему подбежала овчарка, которую он погладил и спросил:

– И где эти обалдуи? Неужели набрались и спят?

Когда Крест вошел в дом, Никита применил гипноз. Главарь

банды свалился на пол. Рауль и резидент, что-то почувствовав, спрятались за сараем. Никита телепортировался с другой стороны сарая. Достал гранату и перекинул ее на другую сторону. Взять в плен двух немецких агентов – это хорошо, но риск того не стоит. Судя по всему, у них стоит ментальная защита. Услышав взрыв, а затем крик, он аккуратно обошел сарай и увидел лежащего на земле мертвого агента. Осколок попал ему прямо в висок. Рауль, хромая, убегал вглубь леса.

«Далеко не уйдет», – решил Никита и отправился в дом. Перед тем как связать Креста, он его тщательно обыскал. Кроме оружия, нашел в его внутреннем кармане удостоверение, согласно которому Крест работал экспедитором в Наркомате тяжелой промышленности.

Усыпив очнувшегося Креста, Никита отправился в погоню за Раулем. Тот успел отбежать почти на километр. Впрочем, на последних двухстах метрах он стал сдавать. Рана в ноге беспокоила его все сильнее. Телепортировавшись позади Рауля, Никита просто усыпил неудачливого агента, забрал у него оружие и перевязал ему ногу его же рубашкой.

Обработка Рауля затянулась на двадцать минут. У него стоял ментальный блок, который было нелегко обойти. Вскоре он поделился своей историей с Никитой.

В 1937 году выпускника медицинского факультета Тартуского университета пригласили на стажировку в Берлин. После огромного конкурсного отбора Рауля приняли на первый курс биорадиологического института, который готовил врачей для лечения верхушки рейха. Биорадиология как наука о биологической радиации живого организма и психическом воздействии человека на окружающий мир появилась в 1933 году.

В конце 20-х – начале 30-х годов немецкие ученые занялись изучением и использованием биоэлектромагнитной и биорадиоционной энергии, продуцируемой мозгом, клетками живого организма. После прихода Гитлера к власти в течение 33—34-го годов были организованы пятьдесят институтов учебного и научно-исследовательского профиля. Рауль изучал психотерапию, гипноз, телепатию, биоинформацию и многие другие науки. Преподаватели определили у него редкий дар. Он мог по фотографии находить людей на расстоянии нескольких сотен километров.

Когда началась война, Рауля отправили на флот. Ему дали фотографии капитанов английских кораблей, которые водили морские конвои из Англии в Норвегию. Посадили в подводную лодку и приказали найти капитанов. Эксперимент провалился. У Рауля проявилась морская болезнь. Через две недели его списали

с флота, но ценный кадр не остался без работы. Он получил приглашение на работу в криминальную полицию, где помогал находить коммунистов, дезертиров, либералов и уголовных преступников. Его успехи заметил сам Гейдрих – глава Управления имперской безопасности.

Месяц назад Рауля перевели в Москву. Его задачей стало установление местоположения Сталина. Это оказалось не сложно. Сталин находился либо в Кремле, либо на своей даче, вблизи Кунцево. Неделю назад куратор дал ему фотографии молодого человека, предположительно студента, и приказал найти его. Захват провела группа бандитов, работавшая на немецкую разведку. Вот только студент оказался зубастым. Когда куратор погиб, Рауль в ужасе побежал в лес. Он не был воином…

– Вставай! – приказал Никита. – Если будешь сотрудничать, тебя не расстреляют. А твой талант и нам пригодится.

За час они дошли до дома. Связав Рауля и проверив пленных, Никита сел в машину и отправился на станцию, которая была телефонизирована. Когда его соединили с Шармазанашвили, он узнал о себе много нового от экспрессивного начальника.

Через три часа приехала следственно-оперативная группа. После того как его быстро осмотрел судмедэксперт, в дело вступили контрразведчики. Никите пришлось ответить на сотню вопросов и написать несколько рапортов, прежде чем его оставили в покое.

Глава 19

Никита сидел в тесной каюте сухогруза, следующего из Ленинграда в Гамбург. Скоро судно пришвартуется в Кёнигсберге, где произойдет разгрузка. По оговоренному плану его выпустят ночью. А тем временем он анализировал свои действия за последние несколько недель.

Выпускные экзамены, которые он сдал легко, закончились в конце мая. Впрочем, курсанты прекрасно отдавали себе отчет, что настоящие экзамены примет жизнь. Никиту распределили в 1-е Управление НКГБ – внешняя разведка, которым руководил Фитин. Его заместителем остался Павел Судоплатов. Попадание в плен к немецким агентам изменило судьбу Никиты. Раньше его готовили агентом для работы в Берлине. Теперь он был засвечен абвером. Начальник контрразведки Федотов, записавший на свой счет уничтожение группы немецких агентов, настоятельно приглашал на работу к себе во 2-е Управление НКГБ.

Вот только у внешней разведки был настоящий кадровый голод. Агенты, работавшие под прикрытием в Европе, из-за недостатка связных не могли передать ценные сведения в Москву. Поэтому Никита стал изучать карты Восточной Пруссии и Кёнигсберга. Судоплатов поставил ему задачу – встретиться с Вилли Леманом и забрать у него посылку. В это время тот как раз совершал инспекцию приграничных районов.

По плану Никита должен был поселиться в лучшей гостинице Кёнигсберга, где останавливались высшие офицеры группы армий Север. До прибытия в порт оставалось несколько часов, и он вспоминал последнее напутствие Быстролетова. После реабилитации тот стал преподавать в ШОН. Огромный опыт, знания языков и обычаев жизни различных народов, которыми он щедро делился, кардинально расширили знания многих курсантов. В Кёнигсберге Никита должен был выдавать себя за австрийского студента из состоятельной семьи, сочувствующего идеям национал-социализма. Несколько месяцев Быстролетов пытался привить ему соответствующие привычки и манеры.

«Обеспечить законную видимость существования богачам довольно просто – нужно только знать, где находится материальная база, – говорил Быстролетов. – В твоем случае – земли австрийского барона, а затем оттуда наладить регулярный перевод денег по вполне законным каналам, и все принимает довольно естественный вид. Ты можешь жить в отеле, обедать в ресторане, играть в казино, ухаживать за женщинами столько времени, сколько нужно для работы. Конечно, при тщательной

проверке выяснится искусственность такого основания, но вербовщик и связник – не резидент и не работник обслуживающего аппарата: тем действительно нужно солидное обоснование их постоянного пребывания на одном месте, в кругу одних и тех же знакомых и друзей. Другое дело вербовщик. Он как птица: клюнул и снова улетел. Если удалось сорвать плод – хорошо, если нет – удрал навсегда, если поймали – погиб. Уж такая специальность! Вербовщик слишком часто и много рискует, и при провале вербовки его не спасет самая солидная маскировка».

Раздался характерный стук в дверь.

– Можно выходить. Я всех убрал с палубы, – доложил старпом. Он был опытным сотрудником, уже много лет обеспечивая операции разведки. – Осторожнее на палубе. Я оставил слабое освещение.

Никита уходил без вещей, в форме матроса немецкого флота. Чемодан с багажом ждал его на конспиративной квартире в пригороде. Из припортового района удалось выбраться без труда. Достав из тайника велосипед, он по узким брусчатым улочкам отправился на конспиративную квартиру, находившуюся в уютном районе на берегу моря.

Прошло больше года после того, как закончилась Зимняя война с Финляндией. За это время Никита изучил особенности своего нового тела. И хотя он все время находился под наблюдением, его навыки, с помощью постоянных медитаций, сильно возросли. Поэтому удалось без труда обойти все патрули, коих в городе, наполненном различными войсками, было немало. Благо карта города хорошо запечатлелась у него в голове.

Хозяином конспиративной квартиры оказался владелец магазина янтаря – пятидесятилетний немец, сочувствующий идеям социализма. Его завербовали еще в 20-х, дав денег на раскрутку магазина. Целый день Никита провел у него дома, разнашивая новые туфли и подшивая брюки.

На следующий день, рано утром, хозяин подвез его на машине до вокзала, как раз к приходу берлинского поезда. Подождав, когда из вокзала начали выходить пассажиры, Никита смешался с толпой. Сев на заднее сиденье такси, он приказал ехать к отелю «Чайка». Отель, построенный в начале века архитектором Фридрихом Хайтманом, располагался в зеленой зоне элитного района старого Кёнигсберга – Амалиенау. Номер люкс, забронированный заранее, выделялся утонченной тонкостью обстановки. Прусская аристократия умела жить комфортно и со вкусом.

Утром Никита, не торопясь, привел себя в порядок и

отправился на завтрак в ресторан отеля. Он пришел туда не первый. Поэтому, внимательно осмотрев пару пожилых немцев, занял место возле входа и положил на стол журнал с актрисой Марикой Рекк на обложке. Когда он доедал гренки по-мариенбадски, в ресторан вошел плотный мужчина лет под шестьдесят, в штатском костюме.

На фотографии, которую ему показал Судоплатов, гауптштурмфюрер СС Вилли Леман был моложе, а лысина только намечалась. Но это определенно был он. Мельком бросив взгляд на Никиту и журнал, он сел возле окна и заказал завтрак.

«Вот ты какой, северный олень!» Гауптштурмфюрер СС Вилли Леман, начальник отдела контрразведки на военно-промышленных предприятиях Германии, уже одиннадцать лет работал на советскую разведку и являлся самым ценным ее агентом.

Это он передавал информацию обо всех технических разработках новейший видов оружия, ключи к шифрам гестапо, о производстве синтетического бензина, искусственного каучука и боевых отравляющих веществ нового поколения.

Допив кофе, Никита пошел гулять по городу. По легенде, он студент Венского университета, исторического факультета, путешествует по рейху. Чтобы убедиться в отсутствии слежки, целый день гулял по городу, не забывая фотографировать достопримечательности. В магазинчиках скупал янтарь, которым славилась эта местность, а также книги по истории и географии. Придя в номер, разбросал покупки везде, для создания антуража. У горничной аккуратно выяснил, в каком номере проживает Леман. Оказалось, на этом же этаже, в конце коридора.

Вечером Никита пришел в ресторан одним из первых, заняв удобное место для наблюдения. Немного усталый Леман пришел в полвосьмого. В руках у него был черный портфель.

– Через полчаса. В моем номере, – тихо произнес он.

Быстро допив чай и съев эклер, Никита поднялся к себе. На всякий случай проверил фотоаппарат и подготовил запасные пленки. Вскоре по коридору послышались шаги, и громко хлопнула дверь.

Подождав, когда минутная стрелка достигла оговоренного времени, Никита, захватив сумку с фотоаппаратом, тихо постучался в номер Лемана. Тот открыл дверь через минуту. Мокрые волосы говорили о том, что он успел принять душ.

– Гер Клаус передавал вам привет! – тихо проговорил Никита.

– Проходите, – посторонился Леман. Затем выглянул в коридор и, быстро бросив взгляд по сторонам, закрыл дверь на ключ.

Никита достал из кошелька половину билета в Берлинский музей археологии и протянул ее Леману. Гауптштурмфюрер вынул из бумажника свою половину. Они идеально совпали.

– А моложе они никого не могли прислать? – пробурчал Леман, внимательно оглядев Никиту. – Скоро дети в разведке начнут работать.

– Начальству виднее, – спокойно ответил Никита. – Оно посчитало, что я достоин работать с вами.

– Ладно, – слегка успокоился Леман, доставая из портфеля несколько пленок и папку с документами. – На этих пленках чертежи укреплений Восточной Пруссии, с состоянием на май месяц.

«Хорошо. Первая часть задания выполнена. Военные обрадуются. Вот только это сейчас бесполезные данные», – подумал Никита. Согласно военной доктрине, РККА – нападающая армия. Война будет всегда вестись на территории врага и закончится полным разгромом противника при малых потерях в собственной стороне. Возможность вторжения Вооруженных Сил противника на территорию СССР исключена.

«Интересно! Какой вредитель разработал эту концепцию?» – мелькнула мысль у Никиты.

– А на этой пленке все данные по созданию жидкостных ракет дальнего действия, которые разрабатывает Вернер фон Браун, а также координаты пяти секретных полигонов, где испытывается новое оружие.

Никита взял пленки и спрятал их во внутреннем кармане пиджака.

– В этом портфеле карты, с местами расположения частей группы армий «Север». Их нужно вернуть завтра утром. Поэтому начинай фотографировать.

Через час Никита закончил работу, истратив четыре пленки. Вся информация о местах расположений штабов улеглась у него в памяти.

Группа армий «Север», штаб-квартира в Бартенштейне.

II армейский корпус, штаб-квартира в Гумбиннене.

X армейский корпус, штаб в Хетберге.

18-я армия, штаб в Кёнигсберге.

XXVI армейский корпус, штаб в Тильзите.

Штаб XXXVIII укрепрайона, штаб-квартира в Эльбинге.

Штаб XXIII укрепрайона, штаб-квартира в Мариенбурге.

4-я танковая группа, штаб-квартира в Алленштайне.

Командующий 101-м тыловым районом, штаб-квартира в Штаргарде.

Группа армий в середине апреля 1941 года насчитывала 16

пехотных дивизий, 3 охранные и 2 танковые дивизии. Кроме того, постоянно прибывали новые армейские соединения из рейха и выдвигались к границе. По плану к середине июня войсковая группа должна усилиться на 6 корпусов, 3 крепостных гарнизона, 20 пехотных, 3 танковые, 3 охранные, 2 моторизированные дивизии и 1 дивизию СС…

На следующее утро Леман вернулся в Берлин, а Никита отнес пленки связному, в его магазинчик. Связной обещал переправить их в Советский Союз через литовскую границу. После этого он телепатически связался с Харви.

«Жди. Скоро буду в Польше», – пришел ответ от друга. Судя по всему, Харви был далеко.

Через день Никита почувствовал к себе внимание. Не пристальное, но заставившее его собраться. Исходило оно от администратора отеля – сорокалетнего мужчины с военной выправкой. Оказалось, что он негласный сотрудник полиции, который на всякий случай решил проверить австрийского студента. Пока в мягкой форме. Вещи Никиты были обысканы, но ничего компрометирующего найдено не было. Звоночек прозвенел. Настало время сменить место дислокации.

На следующий день Никита увидел на афишах рекламу фильма Лени Рифеншталь «Олимпия», посвященного Олимпийским играм. Для погружения в атмосферу рейха самое оно. Заодно можно было подумать, где жить дальше. Из Кёнигсберга надо было уезжать.

В кино он сидел рядом с красивой, но немного грустной немкой лет двадцати пяти, одетой в темные одежды. Она эмоционально сопереживала почти всем сценам фильма. Никиту она привлекла тем, что у нее были сильные способности в области магии Земли. Естественно, не активированные. Выходя из кинотеатра, он придержал женщину, когда она споткнулась на выходе. Интуиция подсказала продолжить знакомство, и Никита пригласил ее в кафе, включив все свое обаяние, когда она хотела отказаться.

– Но если только ненадолго. Мне еще возвращаться домой, – проговорила она.

Рядом было кафе со свежими пирожными. Никите пришлось включить свои способности, чтобы разговорить ее. Эльза оказалась вдовой. Ее муж, командир танкового батальона, погиб во Франции в мае 1940 года. Пять лет назад они вместе с мужем присутствовали на Берлинской олимпиаде, и это событие оставило яркий след в ее душе. Никита попытался развеселить ее. Это ему не сразу, но удалось, и утром они вместе проснулись в ее

постели. В городе Эльзе по наследству от мужа досталась уютная квартирка. А сама она являлась счастливой владелицей довольно успешного поместья, рядом с городом Бартенштейн.

Это была еще одна причина продолжить знакомство. Название города показалось ему знакомым. И через пять минут, тщательно покопавшись в своей памяти, он вспомнил, что там располагается штаб-квартира группы армий «Север».

Воспользовавшись предложением, Никита решил погостить в ее поместье, расположенном рядом с живописным озером. Забрав свои вещи, вызвал такси и отправился на вокзал. Оттуда, обрубив возможные хвосты, перебрался на окраину города, где его ждала Эльза. На ее «мерседесе» они отправились в Бартенштейн.

По дороге Никита узнал, что у Эльзы в собственности высокодоходная ферма. Кто бы сомневался с такой предрасположенностью к магии Земли. Молочную и мясную продукцию она поставляла в штаб группы армий «Север». Оказалось, штабные офицеры любили вкусно и сытно поесть.

Поселился Никита в гостевом домике, куда каждую ночь приходила Эльза. В одну из особо страстных ночей его прекрасная любовница сообщила, что завтра не придет.

– А почему? Ты устала от меня? – серьезно спросил Никита.

– Глупый. Сегодня приезжал управляющий графа Канинга. Завтра я еду к нему в поместье и останусь там на ночь.

– Что? Ты решила изменить мне с каким-то графом? Кто он? Я убью его! – зарычал Никита, имитируя ревность.

– Ты мой Отелло, – засмеялась Эльза. – Граф – друг моего покойного отца. Он попросил помочь организовать прием, где я буду хозяйкой. Надо захватить повара и еще трех человек, – задумалась она.

– А в честь чего прием?

– В поместье графа остановился сам Вильгельм фон Лееб.

– Командующий группой армий «Север»? – удивился Никита. «Кажется, мне улыбается удача».

– Да! Ты знаешь его? – спросила Эльза, переворачиваясь на бок.

– Откуда? Просто читал о нем. Так зачем ты покидаешь меня? – добавил он трагизма в вопрос.

– Милый, это всего на два дня. Лееб послезавтра возвращается из Берлина и собирает всех своих генералов. Сначала пройдет совещание, где будет сделано важное сообщение, а потом праздничный ужин, на котором я буду хозяйкой. Правда, здорово? – задумчиво спросила его тщеславная любовница. – Надену красное платье с бриллиантовым колье, которое ты мне подарил. Эти старые грымзы – генеральские

жены, от зависти удавятся.

– Рад за тебя. Такое важное мероприятие. Скажи, а у графа Канинга есть животные? – стараясь скрыть радость, спросил Никита.

– Ты, иногда, удивляешь меня своими вопросами. Но да! У графа есть английский бульдог черного окраса. Зовут Отто – это в честь Бисмарка.

– Обожаю английских бульдогов. Знаешь, милая, а мне завтра надо в город съездить. Я ожидаю телеграмму от родных.

– Мы еще увидимся? – обеспокоилась Эльза. – Ты можешь остановиться у меня в квартире. Я напишу записку консьержу. Вилли отвезет тебя.

– Ты ко мне очень добра, дорогая. Не стоит беспокоиться, я вызову такси. Всего каких-то пятьдесят километров. Ты же разрешишь мне сделать звонок в город.

К парадной двери старого поместья на шикарных автомобилях подъезжали высшие офицеры группы армий «Север», где их встречал старый дворецкий. Трехэтажный дворец мог вместить сотни человек. Запланированные мероприятия были проведены. Еще ночью Никита пробрался на территорию поместья и познакомился с Отто. Пришлось проявить усилие, чтобы овладеть сознанием этого пса, который стал его глазами и ушами. После модернизации амулетов, отвечающих за скрытность, засечь Никиту стало очень сложно, особенно ночью. Нужны были видеокамеры, датчики слежения или специально натренированные собачки. До тотального видеонаблюдения тут еще долго не дойдут, а с собачками всегда можно договориться. Прямо праздник для разведчика.

Никита досконально изучил дворец. Особенно зал совещаний, кабинет Лееба и чердак, где он решил обосноваться. Применив плетение по очистке помещения от пыли, он уселся на старом потертом диване и стал ждать развития событий.

Совещание началось ровно в шесть часов вечера, когда в зал, в котором присутствовало около полусотни человек, вошел Вильгельм фон Лееб. Адъютант командующего стал доставать из своего портфеля огромные карты и сразу крепил их на стену. Отто, незаметно расположившийся в углу, под журнальным столиком, четко транслировал Никите все происходящее.

Крупная группировка немецко-фашистских войск была сосредоточена против войск Прибалтийского округа. Здесь, на 230-километровом участке советско-германской границы, от Мемеля до Гольдапа, сконцентрировалась группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба. Перед

ними ставилась следующая задача: «На рассвете 22 июня нанести сильный и сосредоточенный удар из района Восточной Пруссии, прорвать оборону приграничных войск Красной армии и, развивая стремительное наступление в направлении Даугавпилс, северо-восточнее Опочки, окружить и уничтожить прибалтийскую группировку войск русских, не допустив их отхода за реку Западная Двина.

В дальнейшем войскам группы армий развить наступление в направлениях Рига, Псков, Нарва, Ленинград, захватить порты на Балтийском море, лишив русский флот опорных баз, и создать условия для полной блокады Ленинграда и уничтожения Балтийского флота». Дальше нарезались задачи каждой армии, их было три, а также каждому корпусу.

Начальник разведки сообщил, что при подходе немецких частей литовские националисты будут захватывать некоторые населенные пункты, и перечислил их.

После этого совещание закончилось, начался фуршет. Командующий 16-й полевой армией генерал-полковник Буш произнес тост. Точнее, процитировал недавние слова Гитлера, когда тот выступил в Шпорт-Халле перед молодыми офицерами-выпускниками, призвав их принять участие в великом историческом мероприятии – ликвидации несправедливости, когда «60 миллионов великороссов владеют $1/_6$ частью земного шара, а около 90 миллионов немцев ютятся на клочке земли». Остальные генералы возбужденно подхватили тост. Теперь они не агрессоры, а борцы за справедливость.

Никита отправил Отто за адъютантом, который, сложив карты в портфель, покинул зал. Он запер портфель в сейфе секретной комнаты, которую охраняли два здоровенных эсесовца. Ключ от сейфа сдал дежурному офицеру под роспись.

Итак! Имеется комната. В ней офицер и два охранника. Главное, чтобы больше никто не заходил туда. Никита прыгнул в комнату и усыпил всех. Забрал у дежурного офицера ключ и прошел в комнату с сейфом. Быстро вскрыл его и переложил все документы в свое хранилище. Затем, заперев двери и стерев отпечатки, вернул ключ офицеру и телепортировался из поместья.

У гестапо будет одним интересным делом больше, а карьера адъютанта и охранников закончена. Жаль, нельзя уничтожить всю верхушку «Севера». Уж больно удачно они собрались. Но формально война еще не началась, может, ее еще оттянут. Ведь это другая реальность.

Пробежав пять километров, Никита достал свой велосипед и направился в сторону литовской границы. Через несколько часов,

удачно объехав все посты, добрался до Шешупе – левого притока Немана. Там на хуторе возле реки жил агент по имени Мешка, что в переводе означало Медведь. На медведя он был не похож, слишком худой, хотя и жилистый. На советской стороне, в небольшом литовском городке, у него жило много родственников. Раньше Мешка был контрабандистом. Хотя почему был? После того как он попался пограничникам, его завербовали и снова разрешили заниматься любимым делом. Только теперь у него появилась общественная нагрузка. Он стал передавать сообщения на пограничную заставу.

Сначала контрабандиста пришлось разбудить. Никите в этом помогла сторожевая собака. Обменявшись паролями, он велел Мешке готовить лодку.

– Светло уже, Неман может просматриваться немецкими пограничниками, – взглянув на первые лучики солнца, проговорил связной. – Завтра.

– А если реку затянет густой туман?

– Если затянет, то можно, – ухмыльнулся контрабандист.

– Готовь лодку. Я составлю донесение, и сразу отправляемся. Сообщение очень срочное.

– Ладно. Все равно собирался на утренний клев.

Никита за полчаса составил донесение и положил документы в специально подготовленный прорезиненный мешок, плотно затянув его. Потом пошел к реке и начал медитацию. Магию Воды в этом теле он начал развивать еще на острове, будучи начальником заставы. С духом реки удалось договориться быстро. Потом, правда, придется выполнить несколько его условий. Через двадцать минут над рекой поднялся туман, так что в десяти шагах ничего не стало видно.

Мешка быстро отплыл и через десять минут оказался на другом берегу, Никита контролировал его. Возле большого дуба его встретили двое парней в зеленых фуражках. От них повеяло чем-то родным.

«Ну что ж. Сегодня 14 июня. Через восемь дней война. Через день, максимум два, документы окажутся в Москве. А там все зависит от Сталина. А я займусь приготовлениями к своей войне».

Когда Мешка вернулся, Никита попросил разрешения пожить у него несколько дней. Над сараем был пристроен второй этаж, который хозяин превратил в мастерскую. Кровать, верстак, стул. Никите больше и не нужно. Достав из хранилища ювелирный станок, стал создавать артефакты. В пули он вплавлял маленькие алмазы, напитанные энергией, и они превращались в снаряды. Еще он собрал три мины, огромной мощности, потратив на них несколько крупных камней.

На следующую ночь пришло сообщение от Харви. Он ждал Никиту в Кракове.

Глава 20

Никита добрался до Кракова из Варшавы на машине и довольно быстро нашел дом, который снимал Харви. Дом располагался на Ягеллонской улице, рядом с университетом.

Харви, зная, когда приедет друг, подготовился к встрече. Стол был украшен разнообразной снедью, закупленной в соседнем ресторане, а коллекцию вин он привез с собой. Два часа они подробно рассказывали о том, что произошло с ними за год. К этому времени Харви полностью восстановил здоровье и расширил свое дело. Камни и валюта, добытые Никитой в банке, не стали лежать мертвым грузом. Один из филиалов открылся в столице генерал-губернаторства – Кракове. Губернатором округа стал Ганс Франк, которому представили Харви. После нескольких крупных пожертвований в личную кассу губернатора, фирме Харви обеспечили режим наибольшего благоприятствования.

– Сейчас я заварю чай. А ты возьми коробку с мазуркой – это печенье с джемом. Очень свежее. Только испекли. Так вот! Твой Бергер работает в Освенциме. Немцы называют этот лагерь смерти – Аушвиц. Лагерь, а точнее группа лагерей, располагается в семидесяти километрах от города. Бергер занимается какими-то экспериментами в особом блоке. Каждую неделю он приезжает в Краковское гетто, в котором набирает определенное количество людей. Сам лагерь хорошо охраняется, так же как и особый блок. Мы только смогли отследить время и маршруты его поездок из Аушвица в Краков и обратно. Чтобы узнать даже эту информацию, Камиле пришлось устроиться работать в Аушвиц в медицинский блок. Даже не буду рассказывать, чем они там занимаются.

– Спасибо, Харви! Когда я могу поблагодарить Камилу? – растроганно проговорил Никита.

– Пожалуйста! Мы рады тебе помочь. Тем более я нашел способ, как извлечь пользу из этой ситуации. Камила пока останется в Аушвице, для обеспечения алиби. Бергера будем брать послезавтра. Моя боевая группа уже на месте, как и дом, в который его отвезут для допроса.

Захват Бергера прошел почти по плану. Грузовая машина, ехавшая перед его «Мерседесом», резко остановилась, перегородив путь. Из нее выскочили четверо швейцарских наемников. Они подбежали к дверям «мерседеса» и быстро выдернули из него водителя, самого Бергера и еще одного немецкого офицера. Он попытался оказать сопротивление, но, получив удар в челюсть, быстро успокоился.

Пленных забросили в грузовик, который, резко сорвавшись, отправился в сторону Вадовице, где на берегу озера люди Харви сняли дом. Автомобиль Бергера спрятали в лесу неподалеку от озера, куда его отогнал один из наемников.

Вечером Харви и Никита приступили к допросу Бергера. Пришлось повозиться, чтобы снять блок на его разум, поставленный умелым мастером. Допрос длился три часа. Оказалось, что хранитель библиотеки тибетского монастыря пережил своих собратьев на несколько дней. Нацисты увели его с собой в лагерь и после жестоких допросов повесили тело на крюк, вбитый в горной пещере. Хранитель ничего не рассказал нацистам о книге. Никита не стал отчаиваться. Он получил точные данные о месте смерти монаха и стал прикидывать способ добраться до Тибета.

Помощь пришла от Харви. Тщательно осмотрев Бергера, он обнаружил тонкую серую нить, тянущуюся от него в один из слоев нижнего астрала. Проведя специальный обряд, они выдернули хранителя в свою реальность.

Сутки пришлось потратить на то, чтобы понять, что с ним произошло. Ведь старый монах прожил достойную жизнь и после смерти должен был вернуться в Агарту. Оказалось, что пока он висел на крюке, у него появилось сильное чувство вины по отношению к погибшим, жалость к себе, страх и ненависть к Бергеру, сделавшие его тонкие тела тяжелыми. Ненависть приковала хранителя к Бергеру крепкими узами. Оставаясь в нижнем астрале, он следовал за своим палачом.

Астральную нить удалось легко перерезать с помощью астральных Золотых ножниц, создавать которые Никита научился в Агарте. После этого хранитель постепенно осознал, что с ним произошло. Никита поведал о судьбе настоятеля монастыря и остальных монахов, а также рассказал о своей миссии.

Хранитель сформировал образ книги, который проявился у него в руках, и разрешил ее взять. Никита коснулся книги левой рукой и начался процесс считывания. Письмена в книге засветились. От каждого знака образовалась тонкая энергетическая нить, все ниточки стали стягиваться, образуя световую воронку, которая влилась в ладонь, и из нее перетекла в ментальное тело. Когда процесс считывания знаний завершился, в голове Никиты возникла боль в затылке с правой стороны.

Считывание проходило в режиме ускоренного просмотра фильма. От информационной нагрузки голова Никиты закружилась, и он стал терять сознание. Харви успел подхватить друга и перенес его на кровать, а сам, аккуратно прикрыв дверь спальни, отправился допрашивать второго офицера.

Перед глазами Никиты мелькал текст на незнакомом языке, но тем не менее он его понимал. «Книга жизни и смерти» начиналась в классическом восточном стиле – с притчи. Никита виртуально перенесся в пространстве и времени и оказался в далеком прошлом – в маленькой индийской деревушке на берегу священного Ганга. Перед его глазами мелькнуло обозначение: «Распакован – 1 %», которое он смахнул в сторону и продолжил смотреть притчу. В этой деревне жил юноша по имени Самир, работавший подмастерьем своего отца. Отец плел корзины, ценимые во всем округе, а также создавал различную домашнюю утварь. Заказы поступали даже из большого города, до которого было два дня пути. Сын прикладывал много усилий, чтобы постичь мастерство отца, но у него… не очень получалось. Он создавал различные изделия и приносил их отцу, желая увидеть одобрение. Отец рассматривал изделия сына, надеясь, что тот когда-нибудь превзойдет его, и только вздыхал. Мастерство сына застыло на месте. Он оставался обычным подмастерьем.

Однажды, ранним утром, он пришел на берег Ганга и стал медитировать на текущую воду. Печаль струилась из его потухших глаз. Солнце приносило в дар первые теплые лучи благословенной земле Индии. Вдруг юноша услышал чьи-то шаги. Самир обернулся и увидел приближающегося к нему мужчину. Юноша посмотрел в глаза незнакомца и вдруг почувствовал, как его сердце учащенно застучало. Когда незнакомец заговорил, на Самира опустилось спокойствие, на душе стало радостно. Мужчина спросил, почему юноша грустит. Самир рассказал, что никак не может приучить свои руки к мастерству, не может сделать такие красивые вещи, какие создает его отец.

Незнакомец и Самир отправились на прогулку вдоль реки. Остановились они возле большого дерева, корни которого уходили в священные воды Ганга.

– Приходи сюда завтра после заката солнца, – пригласил Самира незнакомец. – Я хочу, чтобы твои уши услышали нечто важное, а глаза увидели то, что еще никогда не видели.

– Я обязательно приду! Могу я узнать твое имя?

– Называй меня просто учитель.

На следующий день Самир пришел в назначенное время к большому дереву. Учитель ждал его. Они долго говорили. Самир задавал много вопросов. Учитель подробно отвечал.

– Так почему я не могу мастерить так, как это делает отец? Может быть, мои руки не приспособлены к такому труду?

– Может быть, твои руки и не приспособлены к такому мастерству. Однако не это главное. Ты просто не умеешь мечтать

вместе с вещами… Понимаешь, чтобы сделать вещь красивой, надо уметь намечтать. Красота – это гармония материи. А гармония невозможна без мечты.

– А как намечтать вещь, учитель? Я не понимаю…

– Скажи, что в данный момент тебе хочется сделать такого, чтобы порадовалось твое сердце и сердце того человека, которому ты хочешь подарить сделанную вещь?

– Хочу сделать деревянный цветок, но такой, чтобы он был как живой, – задумавшись, ответил Самир.

– Ну что же, смотри, – улыбнулся учитель.

Он сел в позу лотоса, взял в руки горсть песка и долго держал его в ладонях. Уже стало почти темно, но Самир успел разглядеть деревянный цветок, который протянул ему учитель.

– Иди, – сказал он. – Подари этот цветок той, которой хотел подарить.

Самир удивленно посмотрел на него: откуда учитель узнал, что он хотел подарить красивый деревянный цветок своей соседке Майе – самой прекрасной девушке на земле?

– Жду тебя завтра, – продолжил Учитель. – Ты придешь, и я отвечу на твой вопрос. Только хорошо его обдумай. Я отвечу только на один твой вопрос.

Весь следующий день Самир ломал голову, – какой вопрос задать Учителю? И он его придумал.

– Как можно из песка сделать деревянный цветок? – спросил Самир, когда увидел Учителя.

– Очень просто, – ответил Учитель. – Первое: нужно суметь намечтать цветок. Но важно и второе: сумей сделать так, чтобы песок захотел стать цветком. Надо уметь мечтать вместе с песком. У тебя все получится, если ты посвятишь этому свою жизнь…

Через несколько дней, попрощавшись с отцом и Майей, Самир ушел странствовать по стране. Он слушал многих мудрецов, познавал разные учения, овладевал различными видами мастерства. Много раз он пытался сотворить из песка деревянный цветок. Но у него ничего не получалось.

Глубоким старцем Самир вернулся на берег Ганга. Он уселся под дерево, где встретил учителя, и стал смотреть на текущую воду. Старец чувствовал, что его воплощение в этом мире завершается. Душой он уже был в высшем мире. Внезапно он увидел Учителя в астральном теле. Учитель улыбался и протягивал ему деревянный цветок – такой, который был еще прекрасней сотворенного в первый раз. О! Всем сердцем старик захотел, чтобы этот цветок был сотворен из песка. Он увидел его во всех деталях, во всех подробностях. А еще – он впервые увидел, что такой цветок… жил в каждой песчинке! Старик взял в руки

совсем немного песка и прижал его к сердцу…

Утром дети пришли купаться в реке и обнаружили неподвижное тело старика, возле которого лежал красивейший деревянный цветок…

Далее шел научный трактат о пятимерном эфире и его применении в будущем. Пятимерный эфир обладал способностью рождать четырехмерную материю, а также новые материи, необходимые человеку в новом эволюционном цикле. Кроме того, этот эфир в будущем даст возможность привнести в физическую материю новую генетику. Эта генетика изменит всю физическую материю, так как начнет жить и развиваться по иным законам.

Пятимерный эфир привнесет духовное, гармоничное начало в самые глубинные пласты физической материи. Материя станет более божественной, более мягкой, эластичной, более удобной и пригодной для всех форм жизни.

«Информация распакована на 100 %», – возникла надпись перед глазами Никиты, и он очнулся.

Глава 21

Утром Никита проснулся отдохнувшим. Выполненное задание сняло напряжение, которое незаметно выматывало его все эти полтора года. К завтраку он вышел, напевая новую песню Эдит Пиаф.

– Рад, что хоть кто-то из нас отдохнул, – вошел в столовую Харви. Его уставшее лицо говорило о бессонной ночи. – Разобрался в своей «Книге жизни и смерти»? – спросил он, наливая себе кофе из фарфорового кофейника.

– В целом да. Это тебе!

Никита достал из кармана синюю коробочку, в которой лежал огромный бриллиант с желтоватым оттенком. Его сияние завораживало, и Харви захотелось взять камень в руки.

– Не сейчас! – закрыл Никита коробочку. – Я переписал в камень «Книгу жизни и смерти». Теперь ты ее новый хранитель. Изучишь, когда у тебя будет много свободного времени.

– Вот оно как! – потрясенно проговорил Харви, пряча сокровище в пространственный карман. – Неожиданно! «Хранитель артефакта», который охранял монастырь в течение нескольких веков! О чем хоть книга?

– Основная суть книги – описание, каким образом происходит трансформация энергии в материю, как из эфира материализуются физически плотные объекты. Примерно в 2050 году станут активно открываться порталы, соединяющие Пятое измерение и наш мир. На Землю польется пятимерный эфир, повышая вибрации планеты. Земля постепенно из технократического мира будет превращаться в магический. В книге десятки томов информации по различным направлениям магии. Их нужно будет перевести, распечатать, а затем преподавать в специальных школах.

– Вряд ли я доживу до этого времени? – задумчиво проговорил Харви.

– Ты, может, и не доживешь. А вот ваши с Камилой внуки и правнуки вполне.

– Ладно. Это все дела далекого будущего. С «Книгой жизни» мы разобрались, а что там про смерть?

– Я в этот отдел особо не углублялся. В основном там различные способы уничтожения материи и живых существ.

– Это для нас сейчас более актуально. – Харви в два приема проглотил бутерброд с краковской колбасой.

– Что-то случилось? Почему ты не спал? – поинтересовался Никита.

– На, почитай! – Харви достал из воздуха тетрадь в кожаном переплете. – Это протокол допроса оберштурмбанфюрера СС Вальтера Фогеля – руководителя охраны исследовательского центра, которого захватили накануне вместе с Бергером.

Никита стал быстро листать тетрадь. Основной темой работы центра являлось создание биологических военных технологий. Недалеко от Аушвица, в древних заброшенных шахтах, были собраны специалисты в области медицины, парапсихологии и парамедицины.

В лабораториях, обставленных самой современной исследовательской аппаратурой, проводились эксперименты на людях. Сначала в качестве подопытных выступали заключенные небольшого экспериментального лагеря. В основном, это были евреи и польские военнопленные. Затем в исследования включились крупнейшие медиумы Германии, а также молодые офицеры, тщательно подобранные специалистами по расовой политике рейха.

Самый успешный проект центра получил название «Меч Зигфрида». «Сумрачный тевтонский гений» создал установку под названием «супермозг». Он возникал путем включения нервной системы группы людей в цепи нервной системы квазиорганизма. Жутковатая конструкция представляла собой человеческий организм, состыкованный с управляющим блоком аппаратуры. Специальные приборы осуществляли насыщение крови питательными веществами и очистку ее от шлаков. С помощью введения определенных стимуляторов в кровь и меняя состав дыхательной смеси, организм вводился в рабочий режим. Недостатком системы являлась необходимость имплантации электродов также и в мозг операторов, которые являлись офицерами СС. Эти электроды непосредственно подключались к шлемам.

Гигантский супермозг по своей сути был мощным излучателем эмоций. Лучше всего удавалось транслировать эмоции страха, паники, бешенства и ярости. Наибольший успех был реализован в недавней войне с Югославией. Там удалось частично отработать программу передачи образов и информации. В местах скопления югославских войск, куда было направлено остреё «Меча Зигфрида», происходили удивительные явления. Солдаты, бросая оружие, быстро разбегались. У некоторых останавливалось сердце. Немецкие штурмовые части благодаря этому «чудо-оружию» без потерь занимали укрепленные позиции, через которые вводились в прорыв танковые и механизированные группы.

Еще одним перспективным направлением «Меча Зигфрида» стало точечное воздействие на руководителей государств. Самым успешным случаем стало воздействие на маршала Петена. Главнокомандующийи французской армией во время Первой мировой войны, после победы в девятимесячной битве при Вердене получил огромную популярность и прозвище Верденский лев. В результате воздействия на него «Меча Зигфрида» приказал французской армии сдаться, а после личной встречи с Гитлером призвал нацию сотрудничать с оккупантами. Сейчас по тем же методикам шло воздействие на Сталина.

Основной проблемой стало управление направленностью излучения. Были отмечены «туннельные эффекты», связанные со сверхдальним распространением действия по вектору, с неизвестной фокусировкой.

Для того чтобы сконцентрировать луч, в Москву, вместе с Берлинской балетной труппой, было направлено три сотрудника с целью точечного воздействия на Сталина. Уникальные приборы, которые назвали «острие меча» разместили в подвале немецкого посольства.

После обнаружения «Книги жизни и смерти» миссия Никиты в этом мире подошла к концу. Тем не менее уходить он не спешил. С таким оружием, как «Меч Зигфрида», нацисты в считаные сроки могли подмять под себя весь мир. Поэтому он связался с Айрисом. Рассказал о выполнении задания и попросил совета.

– Жди, – ответил тот. – Я сейчас найду специалиста по Сталину и оружию атлантов.

Через полчаса портал в комнату Никиты открылся, и в нее вошел Айрис с неизвестным мужчиной.

– Знакомься, Никита, – это Кир, – представил их Айрис друг другу.

– Приветствую! – первым заговорил Кир. – Начну с далекой истории. Когда я воплощался в качестве царя Кира, то был вождем. В возрасте тридцати семи лет со мной произошло духовное заместительство. Моя душа поднялась в один из миров Пятого измерения, а в мое физическое тело вошел высокий учитель. Постепенно Кир стал не только мудрым правителем, но и сотрудником света, выполняющим значимую миссию в важном регионе планеты.

Когда в конце XIX века я воплотился под именем Сергея Мироновича Кострикова, в моем многомерном геноме был уже не только опыт вождя, но и учителя. Несмотря на то, что я внешне отрицал Бога, внутри меня он всегда жил.

Иосиф Джугашвили не был среди тех, кто в свое время пережил духовное заместительство. Он много раз воплощался вождем, но ни разу не пережил посмертие в высших мирах. Связь с темными мирами у него установилась еще тогда, когда он был первым императором Третьей Атлантиды. Он стал императором как представитель ордена Черных Ряс, захвативших власть в столице Атлантиды и распространивших ее сначала на весь остров, а потом на всю планету. Россия – наследница Гипербореи. А Иосиф чаще воплощался в стане атлантов и был большим националистом. По космическому закону националисты, ненавидящие своих врагов, обязательно воплощаются в их стане. Так работают законы эволюции, которые приводят человека к пониманию единства и равенства всех наций, всех народов, всего сущего.

С Иосифом мы много раз воплощались вместе. Самая тесная наша связь была осуществлена во времена Гипербореи, где мы жили более семи тысяч лет назад. Иосиф был главой жреческой касты, которая тайно влияла на официальную власть. Он был своего рода серым кардиналом. Я был представителем официальной власти, жил в столице Гипербореи, которая в то время располагалась на территории современного города Казань. Для меня он был веселым соседом, с которым мы проводили много времени. За множество лет до нашей эры официальные власти Гипербореи с помощью тайной службы приняли решение расправиться со многими жреческими кастами. Был дан приказ уничтожать жрецов на месте, прямо в их жилищах. Я узнал, что в черный список внесен Анилах – так в то время звали Иосифа. Я не только предупредил его о предстоящей гибели, но и вывез на окраины империи вместе с семьей. После этого я спасал Иосифа—Анилаха от гибели еще два раза, но уже в других воплощениях.

Встретившись во время своего последнего воплощения, мы как будто узнали друг друга. Иосиф Сталин благоволил мне, потому что между нами активизировалась древняя энергетическая связь. Он чувствовал ко мне дружескую приязнь, хотя и не считал меня большим политиком. Он испытывал ко мне то, что можно назвать чувством кармического долга и всегда защищал меня.

Моя смерть в 1934 году была не случайной. Человек, который стрелял в меня, был психически ненормальным. Иосиф использовал случившиеся со мной в своих целях. Моя личность олицетворяла для многих демократичного руководителя, близкого к рабочему классу. Меня часто называли просто Мироныч. В среде простых людей Кирова многие любили. И это было использовано руководством Советского Союза в своих целях:

враги расправились с одним из лучших советских вождей – следовательно, врагов надо наказать. И заодно – наказать всех политических оппонентов.

Итак, подведем итог. После революции Россия была спасена большевиками от раздробления и уничтожения. Но власть в стране не стала народной. Советский Союз попал под власть тиранов. Вместе с Иосифом к власти пришли те силы, которые в прошлых жизнях были активно связаны с темными властителями мира сего.

Сейчас в Сталине активно сражалось светлое и темное начало. С одной стороны, в нем реально жило стремление стать «отцом народов», поэтому он развивал экономическую мощь Советского Союза, основой которого являлась Россия. Но, периодически поддаваясь влиянию темных сил иных миров, он мог осуществлять геноцид других народов, в том числе и русских.

Кроме темного канала связи, у Иосифа имелся канал связи с высшим, божественным «Я». Этот канал очень был слабый, но все-таки он работал! Иногда у Сталина случались моменты просветления – часы и даже целые дни, когда он общался с высшим «Я». Именно благодаря этому он совершал некоторые деяния, которые можно было назвать добрыми.

Сейчас судьба страны находилась в руках Иосифа. От того, какая сторона в нем победит, зависело, сохранится СССР и народы, проживающие в нем или нет. Поэтому нужно было сделать все возможное, чтобы черный орден не захватил его сознание и душу.

Когда Кир закончил говорить, Никита некоторое время молчал, а потом сказал:

– Я же обдумывал план уничтожения центра и даже с помощью кристаллов и знаний, полученных в «Книге», в разделе о смерти, создал мощную бомбу. Вот только прогнозирование ситуации показывает, что я в любом случае погибну.

– Мы согласны с твоими прогнозами, – ответил Айрис. – Центр должен быть уничтожен. А я подготовлю группу эвакуации.

Портал открылся, и Айрис с Киром в нем исчезли.

Рано утром автомобиль оберштурмбанфюрера СС Фогеля подъехал к проходной центра. После того как Харви и Никита поработали с его сознанием, он согласился сотрудничать и начертил план центра. Офицер охраны, отдав честь своему начальнику, осветил лицо Никиты.

– Это наш новый сотрудник, – погасил Фогель интерес охранника, и тот приказал поднять шлагбаум.

Фогель еще два раза предъявлял пропуск охране. Один раз

перед входом, вырубленным в скале, где находился лифт, на котором они спустились на минус десятый этаж. Затем перед входом в зал, где собрались ученые в белых халатах и спортивные молодые люди в одинаковых костюмах. Как сообщил Фогель, часть из них были офицерами вермахта и СС, а другая – гражданские специалисты, обладавшие паранормальными способностями.

– Знакомьтесь господа! Это ваш новый коллега – Дитрих Вернер, – представил Никиту Фогель людям, собравшимся в зале. – Лейтенант Вернер недавно окончил пехотное училище, где и был замечен нашими людьми. Он уже прошел минимальную подготовку и признан годным для операторской работы. Сегодня он заменит унтерштурмфюрера Лемке, который получил микроинсульт три дня назад.

Никита сел в первый ряд, и научный руководитель проекта продолжил разъяснять суть работы, которая заключалась в транслировании различных энергий.

Объект воздействия – Сталин. Главная цель – внушить ему, что Германия не будет в этом году нападать на СССР. Все, кто настаивает на обратном, либо враги, либо некомпетентные люди. Впрочем, более тонкое воздействие осуществляла тройка опытных магов, находящиеся в Москве…

В течение всего дня проводились интенсивные тренировки на образование «кольца фокусировки». Никита был признан годным к работе. Тем более что на начальном этапе от него требовалась только простая передача энергий.

Ночью, перед наступлением часа «Х», группу операторов провели в нижний ярус бункера. В небольшом зале Никита наконец увидел установку супермозга. С виду ничего особенного. Два метровых черных куба, поставленных друг на друга. Провода от них тянулись к десяти капсулам. А вот они вызывали интерес у знающего человека. Эти капсулы по форме почти полностью соответствовали многофункциональным капсулам атлантов. Маги Разума Атлантиды до сих пор остались непревзойденными.

Каждый из операторов получил свою капсулу, которая была тщательно подогнана по индивидуальным параметрам группой медиков, разрабатывавших аппаратуру центра. На голову всем надели шлемы. Два часа ушло на синхронизацию с московской группой и вскоре «конус атаки» был сформирован. «Меч Зигфрида» заработал.

Никита, решив, что узнал достаточно и больше ему здесь делать нечего, достал самодельное взрывное устройство и включил его. Через десять минут должен был произойти взрыв. Дальше он привычно активировал телепорт, но ему не удалось

сдвинуться ни на миллиметр. Спина покрылась испариной.

Взяв себя в руки, Никита почувствовал, что к «Мечу Зифгрида» подключилась какая-то внешняя сила, о которой Фогель его не предупредил. Контролируя время взрыва, он спустился по каналу и увидел сцену ритуального жертвоприношения. Внизу, под залом с супермозгом, находился подземный храм. Люди в черных одеждах стояли вокруг алтаря, на котором один за другим гибли узники Аушвица. Азиатские лица и характерные одежды указывали на то, что жрецы являются служителями культа «черной религии Бон».

Энергетический поток «Меча Зигфрида» наполнился жуткими вибрациями. Группы «Рукоятки» и «Острия» напряглись, с трудом удерживая энергию. Перед глазами Никиты стали мелькать слайды с изображением Сталина. Он понял, что началась реальная атака. Нельзя было допустить успешного испытания.

Для начала Никита отключился от своей группы. Мгновенно произошла расфокусировка конуса. Когда операторы «Рукоятки» попытались стабилизировать поток, Никита стал метаться в канале, мешая то одному, то другому оператору. Когда группа потеряла контроль над ситуацией, он перехватил «конус атаки» и направил его на московскую группу. Люди в подвале немецкого посольства погибли от обширного инсульта за минуту до того как магическая бомба уничтожила секретный научный центр по созданию биогенного оружия, а также все живое в радиусе двух километров.

На месте взрыва образовалась мощная инфернальная воронка, засасывавшая Никиту вниз. Именно она не дала ему вовремя телепортироваться из капсулы. Теряя остатки энергии эфирного тела, он сопротивлялся изо всех сил. Ситуация напоминала ему историю, когда он оказался на дне Северной Двины. Вот только здесь не было Агидель. Впрочем, за прошедшее время Никита стал сильнее и опытнее. Внезапно он почувствовал восходящий поток. Не все жертвы покорно принимали смерть. Ненависть народов этих земель к оккупантам создала мощный антифашистский эгрегор. Подключившись к нему, он начал изматывающую битву, из которой вышел победителем. С сильно поврежденными телами он выскочил из зоны инферно. На выходе его подхватили два сотрудника из группы эвакуации. Образовав портал, они стали быстро подниматься вверх. Уже через час Никита лежал в восстанавливающей капсуле Реабилитационного центра «Феникс»…

Поздно вечером начальнику разведки Фитину приказали явиться на срочный прием к Сталину. Быстро положив в папку

полученные вчера и сегодня разведданные, он отправился в Кремль. Поскребышев пропустил его вне очереди.

– Докладывайте, – приказал Сталин, не разрешив сесть на стул. Впрочем, и сам он остался стоять.

– Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает: все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время…

– Товарищ начальник разведки, не надо мне рассказывать содержание вашего сообщения. Я его прочел. Объясните, откуда и как ваш источник получает информацию? Верите ли вы ему и почему? Можете ли поручиться за его честность и искренность?

Сталин, не отрываясь, смотрел в глаза Фитину и внимательно его слушал. Фитин, преодолев внутреннее волнение, стал отвечать:

– Хайнц Харро Макс Вильгельм Георг Шульце-Бойзен, обер-лейтенант люфтваффе, является убежденным антифашистом и поэтому делится с резидентурой получаемыми им сведениями. Его информация, как правило, подтверждается, и у разведки нет на его счет сомнений.

Сталин пошел вдоль стола, не говоря ни слова. Вернувшись к Фитину, остановился, затянулся трубкой, выпустил дым и сказал:

– Есть только один немец, которому можно безоговорочно верить, – это товарищ Вильгельм Пик.

Затем взял зеленый карандаш и раздраженно написал резолюцию: «Товарищу Меркулову. Можете послать ваш „источник“ из штаба германской авиации к ёб-ной матери. Это не „источник“, а дезинформатор. *И. Ст.*».

– Товарищ Сталин. Поступило еще одно донесение от нашего сотрудника из Кёнигсберга, – сильно волнуясь, проговорил Фитин.

– Ну, что там? – устало спросил Сталин.

– Два дня назад состоялось совещание руководства группы армий «Север». Командующий Вильгельм фон Лееб сообщил, что Германия нападет на Советский Союз 22 июня. Наш сотрудник похитил документы с направлением ударов этой группы. Несколько часов назад мы передали их в Генеральный штаб.

– Вот так взял и выкрал секретные документы из штаба группы армий? Ви в это сами верите? – ухмыльнулся Сталин. – Понятно, завербовали вашего агента и передали фальшивку. Поучитесь у ваших германских коллег. Они прекрасно умеют работать. Сколько уже раз мне передавали точную дату начала войны. Три. Четыре раза. Все перепроверьте тщательным образом и снова доложите!

* * *

…Последние десять дней Сталина по ночам сильно мучили головные боли. В это время в мире происходили важнейших события. Из заграницы, от самых разных источников, шла противоречивая информация о нападении Германии на Советский Союз. В стране еще не были созданы аналитические службы, поэтому приходилось самому просеивать огромные массивы информации.

В итоге 14 июня было опубликовано Сообщение ТАСС. В нем, в частности, подчеркивалось, что «СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными». А также то, что «по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР, лишены всякой почвы».

Это заявление дезориентировало многих советских людей. Особенно военных. Вот только направлено оно было не на них. У заявления был один конкретный адресат, точнее два. Франклин Делано Рузвельт и Конгресс США.

В 1937 году Рузвельт, готовившийся порвать с политикой изоляционизма, заявил: «Если СССР нападет на Германию, то мы будем помогать Германии. А если Германия нападет на СССР, то мы будем помогать СССР». А в начале апреля 1941 года это заявление принял Конгресс США, внеся одну поправку. «Если СССР нападет на Германию или позволит себя спровоцировать, США будут помогать Германии».

Сталин, внимательно прочитавший поправку Конгресса США, тут же отослал циркуляры в пограничные округа, в которых приказывалось не поддаваться на провокации. Гитлер пойдет на все, чтобы США стали на его сторону. Поэтому необходимо сделать все, чтобы США с ее мощным военно-промышленным потенциалом перешли на сторону СССР.

Сталин потушил трубку и прилег на диван, мгновенно провалившись в сон. Снова его терзали кошмары, не давая выспаться. В полночь они неожиданно закончились. В голове наступила ясность. В это время вошел Поскребышев и сказал:

– Товарищ Сталин. К вам на прием просятся товарищи Тимошенко, Жуков и Ватутин.

– Проси, – сказал Сталин и занял место за столом.

– Товарищ Сталин, – стал докладывать Жуков. – Сегодня

вечером мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят на исходные районы для наступления, которое начнется утром.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – обеспокоенно спросил Сталин.

– Нет, – твердо ответил Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

– Что будем делать? – спросил Сталин.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех пограничных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Действуйте, – подтвердил решение военных Сталин.

Эпилог

Когда Никита вышел из капсулы, его встретили Айрис и Сезара. После объятий между Никитой и Сезарой состоялся разговор.

– Возвращаемся в Ахетатон? – спросил Никита. – Я соскучился по нашему дому.

– Понимаешь, Никита, – смутилась Сезара. Она не знала, как отреагирует ее мужчина на новость. – Мне пришло приглашение от Хаторов. Я должна срочно прибыть на Венеру. Я задержалась здесь, чтобы сказать тебе об этом лично.

Никита задумался и стал вспоминать инфопакеты, которые ему показывала Сезара. Она уже давно подала заявку на получение вида на жительство в цивилизации Хаторов. Продолжительность жизни людей на Венере 25 тысяч лет, и поэтому планета переполнена. Попасть на нее очень сложно.

Жизнь на планете Венера существует в Пятом измерении. Волшебные города, изумрудные парки, серебряные реки и сиреневые моря всегда вызывали восторг у Никиты. Еще его поражали эллипсовидные дома, парящие в воздухе над городами, как гигантские аэростаты.

У Хаторов была сильно развита звукоиздающая система гортани. Звуком они строят дома, переносят тяжести, лечат болезни, управляют транспортными средствами. На Венере широко развита музыка, которая является одной из техник развития души. Население Хаторов пополнялось за счет душ, окончивших курс обучения на планете Земля. Хаторы считались самой высокоразвитой цивилизацией Солнечной системы.

– Я очень рад за тебя, – ответил Никита. – Ты заслужила эту честь.

– Спасибо, – облегченно выдохнула Сезара. – Если хочешь, я могу задержаться на несколько дней.

– Не нужно, – чуть резковато ответил Никита. – Со мной все будет хорошо.

Они простояли в обнимку несколько минут, вспоминая все хорошее, что с ними произошло за несколько лет. Затем Сезара открыла портал и исчезла в нем.

– Что думаешь делать дальше? – подошел к Никите Айрис.

– Пока не знаю, но домой я возвращаться не хочу. И сферическими комнатами заниматься тоже не буду.

– Что-то ты захандрил. Сейчас вышел новый спектакль. Критики пишут хорошие рецензии. Давай сходим на него, а потом решишь, что будешь делать дальше.

– Почему нет? Положительные эмоции мне не повредят, – согласился Никита.

Театр в Агарте был очень популярен. В Пятом измерении у него не было проблем со спецэффектами, из-за чего близость сцены завораживала зрителей вдвойне.

Айрис, Никита и еще двести зрителей удобно устроились в креслах в специальной телепортационной капсуле-здании, которая перемещалась вместе с ними и актерами в те реальные места, в которых происходило действие спектакля. Сначала Никиту поразили декораторы. Они создавали декорации в процессе театрального представления. Иногда это были иллюзии, но, как правило, они создавали порталы в те места, в которых разыгрывалась сцена. Через широкоформатные порталы были видны горы в раю, замок владыки света, который был одним из главных героев. На фоне этой живой красоты актеры летали, заходили внутрь портала и возвращались обратно. Они делали невероятные трюки. Телепортировались, становились различными предметами и удивительными животными. Им было подвластно все!

Следующая сцена перенесла зрителей в один из адских миров. Герои сражались с рогатыми демонами. Это было настолько реалистично, что Никита вжался в спинку кресла.

– Спокойно, – шепнул ему Айрис. – Это фантомы. Они не представляют никакой угрозы ни для зрителей, ни для актеров. Здесь безопасность строжайшая.

В следующей сцене телепортационную камеру переместили на самую глубину океана. Актрисы отрастили рыбьи хвосты и стали русалками. Кончился спектакль в замке владыки света, где был устроен грандиозный праздник с фейерверками. Свет в очередной раз победил тьму.

– Это грандиозно! – восторженно сказал Никита, когда они вышли из театра.

– Рад, что тебе понравилось.

– Знаешь, Айрис. Я, наверное, попробую устроиться в реабилитационном центре – инструктором по управлению временем. Как думаешь, меня туда возьмут?

– Почему нет? Сейчас у них много работы. Сотрудников постоянно не хватает. А я, в свою очередь, предлагаю тебе пройти специальные курсы Управления общественной безопасности. К нам с Земли попадает много разных людей. Некоторых темные силы используют в качестве троянского коня. По окончании курсов у тебя будет две специальности.

– Я согласен. Что для этого нужно сделать? – спросил Никита.

– Ничего. Я уже послал рекомендации от имени нашей школы.

– О! – Никита прикрыл глаза. Мне пришло приглашение и координаты училища.

– Прощаться не будем, – ответил Айрис. – Ты остаешься в действующем резерве школы.

– Спасибо тебе за все, Айрис, – сказал Никита, открывая портал. Его ждали новые приключения…